Кр001(009)С134.5
С-50
Кр3981
Кр-Д2.3
С-50

УРОЖЕНЦЫ и ДѢЯТЕЛИ

ВЛАДИМІРСКОЙ ГУБЕРНІИ,

ПОЛУЧИВШІЕ ИЗВѢСТНОСТЬ

на различныхъ поприщахъ общественной пользы.

(Матер[illegible] для б.-библіографическаго словаря).

Собралъ и дополнилъ А. В. Смирновъ.

Выпускъ 4-й.

Губ. гор. Владиміръ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1910.

EX LIBRIS
Л.С.БОГДАНОВА

ретрот

УРОЖЕНЦЫ и ДѢЯТЕЛИ

ВЛАДИМІРСКОЙ ГУБЕРНІИ,

ПОЛУЧИВШІЕ ИЗВѢСТНОСТЬ

на различныхъ поприщахъ общественной пользы.

(Матеріалы для біо-библіографическаго словаря).

Собралъ и дополнилъ А. В. Смирновъ.

Выпускъ 4-й.

Л. Богданов

Губ. гор. Владиміръ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1910.

С50

кр. 72.3
С-50

кр-3981

ВЛАДИМИРСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА

Николай Гавриловичъ Добрынкинъ.

Настоящій 4-й выпускъ сборника біографическихъ очерковъ уроженцевъ и дѣятелей Владимірской губерніи, составляющій начало 2-го тома, выходитъ въ свѣтъ послѣ перерыва почти въ 12 лѣтъ. Къ болѣе скорому выходу въ свѣтъ слѣдующихъ выпусковъ будутъ приняты нужныя мѣры.

Къ настоящему выпуску приложены 16 портретовъ лицъ, біографическіе очерки которыхъ разсѣяны по всѣмъ четыремъ выпускамъ. Подобное приложеніе будетъ дѣлаться и къ слѣдующимъ выпускамъ.

А. Смирновъ.

Оглавленіе.

	Стр.
LI. Н. Г. Добрынкинъ	1— 51
LII. К. Ѳ. Надеждинъ	51— 70
LIII. А. А. Орловъ	70— 97
LIV. Н. Д. Оранскій	97—107
LV. М. И. Херасковъ	107—138
LVI. А. Е. Разинъ	139—153
LVII. С. К. фонъ-Ферельцтъ	153—160
LVIII А. И. Урываевъ	161—164
LIX. Н. И. Язвицкій	164—171
LX. Т. Ѳ. Осиповскій	172—195
LXI. Д. П. Моренковъ	195—205
LXII. Н. А. Протопоповъ	205—213
LXIII. Л. И. Сахаровъ	213—225
LXIV. М. М. Рангъ	225—234
LXV. В. Ц. Герцыкъ	234—240

LI.

Н. Г. Добрыкинъ.

Николай Гавриловичъ Добрыкинъ, постоянный сотрудникъ „Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ съ 1864 года, завидный знатокъ Меленковско-Муромской округи во всѣхъ проявленіяхъ мѣстной жизни, какъ ему современной, такъ и историческаго ея прошлаго, родился 9 сентября 1835 года въ г. Смоленскѣ.

Въ дѣтствѣ Н. Г. пережилъ не мало всякихъ треволненій, опредѣлившихъ дальнѣйшую его судьбу, и потому считаемъ необходимымъ остановиться нѣсколько подробнѣе на исторіи семьи, изъ которой онъ вышелъ, пользуясь матеріалами, сообщенными покойнымъ въ своей автобіографіи, составленной по нашей просьбѣ и отданной въ наше распоряженіе.

Мать Николая Гавриловича, Марья Павловна, по происхожденію была итальянка, дочь маіора итальянской арміи Фантэ. Очутилась она въ Россіи и даже здѣсь родилась совершенно случайно. Во время нашествія въ Россію „двунадесяти языкъ“ въ 1812 г. подъ предводительствомъ Наполеона, какъ извѣстно, въ составъ его полчищъ входили и италійскія войска. Всѣ участвовавшіе въ этомъ нашествіи непоколебимо вѣрили въ непобѣдимость знаменитаго вождя и въ

счастливую звѣзду завоевателя, и потому многія семейства сопровождали армію Наполеона и въ ней своихъ отцовъ, мужей и братьевъ. Въ числѣ ихъ находилась и жена маіора Фантэ съ семилѣтнимъ сыномъ (изъ гор. Болоньи, привиллегированнаго сословія). Подъ Смоленскомъ однако счастье измѣнило Наполеону: жестокая осада этого города 4—5 августа 1812 года уложила на мѣстѣ до 20 тысячъ изъ арміи смѣлаго завоевателя, въ числѣ коихъ былъ убитъ и маіоръ Фантэ. Жена его, бывшая беременною, узнавши о постигшемъ несчастіи, была такъ поражена имъ, что преждевременно разрѣшилась, давъ жизнь дочери, впослѣдствіи матери Добрынкина, а сама тутъ же скончалась. Трупъ несчастной съ двоими при ней дѣтьми случайно былъ найденъ въ лѣсу близъ города. Объ этомъ происшествіи доложили тогдашнему Смоленскому губернатору, барону Казиміру Ивановичу Ашъ, который, со взятіемъ города Наполеономъ, былъ оставленъ въ немъ попрежнему губернаторомъ. Ашъ новорожденную дѣвочку взялъ къ себѣ въ домъ и пожелалъ оставить ее въ своемъ семействѣ на воспитаніе (брата ея пріютили въ одномъ богатомъ польскомъ семействѣ).—Ранніе дѣтскіе годы итальяночка-сиротка провела въ семьѣ барона Ашъ, что принесло ей прочное знаніе нѣмецкаго и французскаго языковъ, постоянно употреблявшихся въ семьѣ барона, женатаго на одной изъ дочерей Андрея Глинки. Семилѣтнюю сиротку взяла подъ свое ближайшее наблюденіе пожилая дѣвица, свояченица барона, Екатерина Андреевна Глинка, проживавшая въ домѣ барона; совмѣ-

стно съ дѣтьми послѣдняго воспитанница получила блестящее по тогдашнему времени домашнее образованіе.

По окончаніи домашняго образованія, Е. А. Глинка съ своею воспитанницею переѣхала на житье къ своему брату Владиміру Андреевичу Глинкѣ, командовавшему въ то время полкомъ конной артиллеріи (кажется, въ Полтавской губерніи). Владиміръ Андреевичъ оказалъ сестрѣ и своей крестницѣ самое радушное гостепріимство (сиротка именовалась Павловной по имени бывшаго въ 1812 г. Смоленскимъ вице-губернаторомъ Павла Львовича Темирова, ея крестнаго отца въ первой парѣ, а Владиміръ Андреевичъ былъ во второй). Хотя у брата и было хорошо, но черезъ нѣкоторое время Е. А. со своею воспитанницею переселилась къ себѣ въ Смоленское помѣстье, гдѣ занялись сельскимъ хозяйствомъ. По временамъ ихъ навѣщали родные и знакомые, а также и они ѣздили къ нимъ. Не задолго передъ водвореніемъ ихъ въ деревнѣ, подруга дѣтства сиротки, дочь барона Ашъ, Марья Казиміровна, вышла замужъ за помѣщика Велижскаго уѣзда, Витебской губерніи, барона Романа Ѳедоровича Геригроссъ, проживавшаго въ имѣніи своемъ, въ сельцѣ Миловидахъ. Не далеко, въ родовомъ имѣніи Глинокъ, проживала и баронесса Ашъ, бывшая уже вдовою. Е. А. Глинка съ своею воспитанницею не рѣдко ѣздила погостить и къ Геригроссъ, и къ бар. Ашъ.

Въ это время дѣлами Р. Ѳ. Геригроссъ, какъ по имѣніямъ, такъ и по Велижскому откупу, управлялъ молодой человѣкъ, Гавріилъ Ивановичъ Добрынкинъ, очень любимый семействомъ барона.

Г. Н. Добрынкинъ былъ родомъ изъ гор. Торопца, Псковской губерніи, и происходилъ изъ купеческой семьи. Добрынкины въ XVIII столѣтіи считались именитыми гражданами гор. Торопца; прадѣдъ Николая Гавриловича былъ градскимъ головою и считался капиталистомъ. При посѣщеніи гор. Торопца Екатериною II, Государыня удостоила чести жену Добрынкина возить съ собою по городу въ каретѣ и осчастливила посѣщеніемъ своимъ ихъ домъ.—Дѣдъ Николая Гавриловича, Иванъ Добрынкинъ былъ несчастнымъ откупщикомъ винной торговли: унаслѣдованное богатство поглотилъ откупъ безъ остатка, а въ концѣ раззорившійся откупщикъ въ большомъ отчаяніи и нищетѣ вскорѣ скончался, оставивъ троихъ круглыхъ сиротъ безъ всякихъ средствъ.

Однимъ изъ сиповей раззорившагося откупщика и былъ Гавріилъ Ивановичъ Добрынкинъ, который въ концѣ 1820-хъ годовъ занялъ мѣсто управляющаго имѣніями, винокуренными заводами и питейнымъ откупомъ гор. Велижа, у барона Р. Ѳ. Гернгроссъ. Онъ былъ средняго роста, красавецъ собою и по тому времени вполнѣ свѣтскій человѣкъ. Г. Н. Добрынкинъ очень часто бывалъ у барона Гернгроссъ и по дѣламъ, и запросто—какъ свой, близкій человѣкъ. Хотя для своего пріѣзда онъ имѣлъ особый домъ, но обѣдалъ Г. Н. и проводилъ вечера не рѣдко вмѣстѣ съ семействомъ Гернгроссъ и его гостями; здѣсь-то не рѣдко онъ встрѣчалъ и красавицу брюнетку—итальянку Марью Павловну. Молодые люди полюбили другъ друга и Гавріилъ Ивановичъ рѣшился черезъ баронессу

Геригроссъ просить руки сиротки—итальянки. Екатерина Андреевна Глинка, воспитанная въ традиціяхъ своего сословія, и слышать не хотѣла о неравномъ бракѣ своей воспитанницы (Фанто были признаны въ Россіи дворянами), и даже порвала изъ-за этого всякое знакомство съ семействомъ Геригроссъ. Но баронесса Марья Казиміровна, руководимая нѣжнымъ отношеніемъ къ подругѣ своего дѣтства, вѣроятно—еще не понимавшая традицій своей тетушки, напротивъ, всѣми зависящими отъ нея мѣрами способствовала сближенію влюбленныхъ.—при ея посредствѣ установилась между ними переписка, которая и привела къ тому, что Гаврінлъ Ивановичъ увезъ свою невѣсту и обвѣнчался съ нею. Этотъ неожиданный исходъ, что воспитанница рѣшилась выйдти за мужъ безъ согласія и благословенія, такъ сильно огорчилъ Екатерину Андреевну Глинку, что она до конца дней своихъ не могла примириться съ этимъ фактомъ. Правда, Марью Павловну она скоро простила, приласкала ее и наградила, чѣмъ могла, положивъ порядочную сумму на ея имя въ ломбардъ, но Гаврінла Ивановича она даже видѣть не пожелала.

Молодые Добрынкины сначала жили въ гор. Велижѣ, такъ какъ Гаврінлъ Ивановичъ продолжалъ завѣдывать дѣлами барона Геригроссъ; но съ окончаніемъ срока откупа Г. И. пожелалъ поступить на государственную службу, что, благодаря знакомству его жены съ тогдашнимъ Смоленскимъ губернаторомъ, извѣстнымъ въ литературѣ И. И. Хмельницкимъ, вскорѣ и удалось исполнить: онъ получилъ должность казначея

при правительственномъ устройствѣ шоссе, проводимомъ тогда изъ Смоленска въ Москву. Это было въ 1830-хъ годахъ; въ 1835 году у Добрынкиныхъ родился первенецъ, Николай Гавриловичъ. Но не долго пришлось послужить Гаврiилу Ивановичу. Какъ извѣстно, сооруженіе Смоленскаго шоссе лишило губернію добраго и душевнаго губернатора, —Н. П. Хмельницкій, честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, не только попалъ въ немилость, но и заключенъ былъ въ Петропавловскую крѣпость; сооруженіе, на протяженіи 25 верстъ потребовавшее громадныхъ расходовъ, было прервано, и казначей Добрынкинъ, хотя и не былъ подвергнутъ суду, лишился мѣста и службы.

Это былъ первый ударъ для семьи Добрынкиныхъ, перенесенный ими сравнительно легко, такъ какъ Г. И. вскорѣ получилъ мѣсто кассира въ гор. Порѣчьѣ, опять, у частнаго лица, по откупу. Въ это время для Николая Добрынкина сверкнулъ было лучъ счастья. На возвратномъ пути изъ-за границы, проѣзжая черезъ Порѣчье, генералъ Владиміръ Андреевичъ Глинка (крестный отецъ и Николая), занимавшій тогда важный постъ главнаго начальника всѣхъ горныхъ заводовъ Уральскаго хребта, видѣлся съ Добрынкиными, ласково и радушно отнесся къ нимъ и просилъ отдать ему крестника на воспитаніе, обѣщая сдѣлать для него все хорошее: но мать Николая не согласилась на это, не желая разставаться съ единственнымъ и любимымъ сыномъ.

Года черезъ 3—4 послѣ этого семью Добрынкиныхъ постигло страшное несчастіе: у Гаврiила Ива-

новичъ подломали кассу и выкрали большую сумму денегъ, которую пришлось пополнить деньгами жены, положенными на ея имя въ ломбардъ Е. А. Глинкою. Этимъ несчастіемъ не только было разрушено благосостояніе семьи, но и подорвано ея существованіе въ корнѣ: Гавріилъ Ивановичъ сильно заболѣлъ, а оправившись, для затушенія горя, сталъ прибѣгать къ обычному русскому средству... Благодаря этой всероссійской слабости, послѣ катастрофы онъ уже не могъ занимать хорошихъ платныхъ должностей, а долженъ былъ мириться съ тѣмъ, гдѣ были менѣе взыскательны. Личныхъ средствъ у Марьи Павловны осталось, послѣ покрытія ограбленной кассы, очень мало, но и эти скудные ресурсы вскорѣ совсѣмъ изсякли. Чтобы поддерживать семью, Марья Павловна принуждена была открыть у себя первоначальную школу,— все же давало это хотя небольшой заработокъ.

При такихъ-то измѣнчивыхъ обстоятельствахъ семьи Добрынкиныхъ и прошло дѣтство Николая Гавриловича, до 13 лѣтняго его возраста.

Тѣ же житейскія треволненія были причиной, что хотя давно для мальчика Николая наступилъ школьный періодъ, а онъ все сидѣлъ дома, учась только кое-чему въ открытой въ ихъ квартирѣ первоначальной школѣ. Въ 1848г. семейство Добрынкиныхъ переѣхало въ Смоленскъ, и здѣсь явилась возможность помѣстить мальчика въ настоящую школу. Сначала онъ пробылъ три мѣсяца въ приходскомъ училищѣ, а потомъ поступилъ уже въ первый классъ уѣзднаго училища. Мальчикъ оказался очень прилежнымъ ученикомъ и способнымъ; по-

этому ученье ему далось и онъ все время шелъ въ числѣ лучшихъ учениковъ, въ первомъ пяткѣ, переходя изъ класса въ классъ съ похвальными листами „за благонравіе и отличные успѣхи“ и съ наградами въ видѣ книгъ.

Непродолжительный курсъ уѣзднаго училища былъ законченъ Н. Г. Добрыкинымъ блестяще; молодому человѣку, при другихъ условіяхъ, по всѣмъ правамъ должна бы открыться широкая дорога для дальнѣйшаго образованія; но положеніе семьи Добрыкиныхъ по-прежнему было незавиднымъ, такъ что о какихъ либо необычныхъ расходахъ и думать было нечего, и Николаю Гавриловичу, по необходимости, пришлось подумать о практической дѣятельности, о помощи семейству. Въ тѣ времена при уѣздныхъ училищахъ существовали дополнительные классы чисто практическаго свойства, и молодой Добрыкинъ началъ обучаться землемѣрію, преподававшемуся по „Наставленію землемѣрамъ“, изд. 1778 года. Этотъ дополнительный классъ Н. Г. окончилъ однимъ изъ первыхъ, получивъ при окончаніи аттестатъ съ отмѣтками по всѣмъ предметамъ „отлично“, за исключеніемъ „черченія плановъ и картъ“, гдѣ стояла отмѣтка „достаточно“, такъ какъ не успѣлъ окончить чертежъ, хотя и отличался среди товарищей лучшими чертежными работами; кромѣ аттестата, при окончаніи курса онъ награжденъ былъ 30 руб. „за практическія работы по межеванію“.

Съ отличнымъ аттестатомъ въ карманѣ, обласканный при выходѣ изъ училища (7 мая 1852 года)

преподавателями, охотно встрѣченный въ губернской чертежной, куда могъ Николай Гавриловичъ поступить на службу по межевой части чертежникомъ, онъ все же оказывался безпомощнымъ молодымъ человѣкомъ, почти безполезнымъ для своей обѣднѣвшей семьи. Въ тѣ времена всякія должности такъ ничтожно оплачивались, что Добрынкину, вынужденному поддерживать семью, поступить на службу въ губернскую чертежную являлось равносильнымъ быть не подмогой, а лишней обузой для семейства. Единственнымъ почти выходомъ представлялось идти по проторенной дорогѣ дѣда и отца. и Н. Г. Добрынкинъ обратился къ извѣстному поэту Д. П. Озноби шину, который, какъ шуринъ тогдашняго Смоленскаго откупщика Н. Ф. Базилевскаго, завѣдывалъ всей канцеляріей послѣдняго. Ознобишинъ, подробно осмотрѣвъ аттестатъ и для чего-то пощелкавъ на счетахъ, согласился принять Добрынкина на службу въ канцелярію, въ качествѣ переписчика, и назначилъ жалованья по 12 руб 50 коп. въ мѣсяцъ. Такое вознагражденіе по тогдашнему времени считалось большимъ, и Николай Гавриловичъ былъ въ восторгѣ. Занятія, между тѣмъ, были не сложны: переписка набѣло бумагъ, сочиненныхъ Ознобишинымъ, и черченіе архитектурныхъ плановъ для различныхъ сооруженій. Черезъ годъ въ домѣ откупщика учреждена была главная контора, въ которую перешелъ и Добрынкинъ, но уже съ увеличеннымъ окладомъ содержанія, которое постепенно росло и въ 1857 году достигло суммы 35 р. въ мѣсяцъ.

Скудость полученнаго образованія въ училищѣ тяготила любознательнаго Николая Гавриловича, и онъ, какъ только представилась къ тому возможность, занялся пополненіемъ его, отдавая ему всѣ свои досуги. Среди предметовъ училищнаго курса были единственно живыми, такъ сказать, и интересными географія и исторія всеобщая и русская; эти же предметы явились болѣе доступными для Добрынкина и на первыхъ порахъ его самообразованія, какъ уже до нѣкоторой степени знакомые; они же, какъ увидимъ далѣе, были любимыми и во всю его жизнь. Конечно, не пренебрегалъ онъ и другими общеобразовательными науками, насколько это доступно было Добрынкину.

Въ 1857 году откупъ Смоленской губерніи перешелъ къ новому откупщику, не безъизвѣстному и во Владимірской губерніи, П. А. Протасьеву. Когда Николаю Гавриловичу пришлось разстаться съ П. Ф. Базилевскимъ, тотъ выдалъ ему очень лестный аттестатъ о службѣ, благодаря чему ему легко удалось поступить на службу и къ новому откупщику, въ Главную контору, гдѣ возложили на него обязанности помощника контролера, съ тѣмъ же окладомъ жалованья, впрочемъ въ слѣдующемъ же 1858 году повышеннымъ до 50 руб. въ мѣсяцъ.

Ко времени службы Добрынкина у Протасьева въ Смоленскѣ относится и первая попытка его отдаться литературной работѣ. Имѣя сравнительно не мало свободнаго времени и до нѣкоторой степени будучи порядочно обезпеченъ матеріально, Николай Гавриловичъ могъ теперь еще болѣе удѣлять времени на свое само-

образованіе. Съ этимъ совпало и то, что ему пришлось исполнять не мало чертежныхъ работъ по изготовленію архитектурныхъ плановъ и географическихъ картъ Смоленской губерніи. Все это навело Добрынкина на мысль составить очеркъ, касающійся Смоленской губерніи, къ тому же, ему пришлось служить съ старшимъ сыномъ откупщика, съ Е. И. Протасьевымъ, человѣкомъ развитымъ и интересовавшимся именно различными статистическими свѣдѣніями о Смоленской губерніи; этотъ молодой Протасьевъ фактически собственно и завѣдывалъ откупами въ губерніи. Н. Г. Добрынкинъ на первый разъ составилъ „Краткій статистическій очеркъ Смоленской губерніи“ и приложилъ къ нему планы городовъ и карты уѣздовъ, такъ что въ общемъ получилась довольно объемистая рукопись. Этотъ первый трудъ свой онъ преподнесъ молодому Протасьеву, который охотно принялъ его и выдалъ въ награду Добрынкину 50 руб. Такое вниманіе къ первому опыту послужило толчкомъ къ тому, что Николай Гавриловичъ рѣшилъ серьезнѣе отнестись къ избранной темѣ и онъ снова принялся за изготовленіе „Топографическо-статистическаго сборника Смоленской губерніи“. Планъ новой работы заключался въ слѣдующемъ: каллиграфически сдѣланное заглавіе книги; рукописное описаніе всей губерніи въ историческомъ, топографическомъ и статистическомъ отношеніяхъ, съ приложеніемъ карты Смоленской губерніи; затѣмъ слѣдовали описанія городовъ и уѣздовъ, съ такими же подраздѣленіями, какъ о губерніи, но съ болѣе подробными указаніями мѣстныхъ особенностей; каждый

городъ сопровождался гербомъ, ему присвоеннымъ, планомъ его и картою уѣзда; повсюду надписи исполнены каллиграфически, разнообразными шрифтами и орнаментами; форматъ сборника взятъ былъ $5^1/_2 \times 9$ вершковъ.

Этотъ трудъ Н. Г. готовилъ для поднесенія Государю Императору Александру Николаевичу, пріѣздъ котораго въ гор. Смоленскъ ожидался въ августѣ 1858 года. Предположеніе Добрынкина однако не было осуществлено: хотя еще весной этого года большая половина труда уже была исполнена авторомъ, но окончить его въ то время, къ извѣстному сроку, Добрынкину не удалось. Дѣло въ томъ, что въ этомъ году должны были состояться новые торги на содержаніе откуповъ въ Россіи, и въ виду этого Главная контора нѣсколько разъ командировала Николая Гавриловича для совершенія залоговыхъ свидѣтельствъ въ Гражданскихъ Палатахъ сосѣднихъ губерній, а на все лѣто отправила его въ Петербургъ, какъ свѣдущаго человѣка, къ П. А. Протасьеву, и онъ пробылъ тамъ все время, пока шли торги на откупа.

Поѣздка въ Петербургъ окончательно уничтожила надежду на окончаніе труда къ пріѣзду Императора въ Смоленскъ, но вмѣсто того она сослужила въ жизни Добрынкина другую службу.

Надо вообще отмѣтить, что Н. Г. Добрынкинъ, въ силу неустранимыхъ обстоятельствъ, получившій только низшее образованіе, придя въ возрастъ и совершенствуя себя самообразованіемъ, скоро созналъ всю недостаточность имѣвшагося патента по образователь-

ному цензу, видѣлъ, что съ нимъ далеко не уйдешь, тогда какъ, въ то же время, онъ искренно, и вполнѣ справедливо, признавалъ себя способнымъ на дѣянія на болѣе отвѣтственномъ посту, чѣмъ служба у откупщика; кромѣ того, ему хотѣлось занять и болѣе постоянное мѣсто, и при томъ такое, которое бы подняло его личныя права,—все же онъ былъ податного сословія. Въ силу этого, пользуясь пребываніемъ въ Петербургѣ, онъ видѣлся тамъ съ своимъ крестнымъ отцомъ, генераломъ В. А. Глинкою, и просилъ—нельзя-ли чрезъ его протекцію попасть въ топографы Генеральнаго Штаба; оказалось, что генералъ ничего не можетъ сдѣлать, по слѣдующей причинѣ: вотъ его слова—„нѣтъ чина, котораго бы онъ неимѣлъ (полный генералъ отъ артиллеріи), нѣтъ и ордена, котораго бы онъ не имѣлъ, одного не заслужилъ онъ у Государя—милости, которою такъ широко онъ пользовался у покойнаго Государя Николая Павловича (теперь онъ былъ сенаторомъ 2-го департамента). Поэтому онъ ни о чемъ ни ходатайствовать, ни просить не можетъ“.

Потерпѣвъ неудачу у генерала, Н. Г. Добрынкинъ былъ болѣе счастливъ у Протасьева. Смѣтливый старикъ скоро оцѣнилъ Николая Гавриловича и предложилъ ему поступить къ нему на службу въ имѣнія во Владимірской губерніи, для устройства поземельнаго пользованія крестьянъ его, въ виду предстоявшей реформы, осуществленной въ приснопамятный день 19 февраля 1861 года.

Добрынкинъ принялъ предложеніе Протасьева и въ мартѣ 1859 г., покинувъ навсегда родной городъ

Смоленскъ, переселился во Владимірскую губернію, именно въ Вязниковскій уѣздъ, гдѣ тогда были расположены обширныя имѣнія Протасьева. Жить пришлось ему въ с. Южѣ, гдѣ въ то время строилась обширная бумаго-прядильная фабрика (на 120 тысячъ веретенъ). Николаю Гавриловичу пришлось не только заниматься землемѣрными работами, для земельнаго устройства помѣщичьихъ крестьянъ въ восьми селеніяхъ, но завѣдывать и вообще всѣмъ имѣніемъ изъ 12 тысячъ десятинъ земли, а также управлять и фабрикой. Дѣла было много и при томъ не мало такого, гдѣ Добрынкину приходилось до нѣкоторой степени учиться самому. Все это, не смотря на хорошее обезпеченіе въ матеріальномъ отношеніи, не могло располагать къ осѣдлости, и Николай Гавриловичъ искалъ случая уйти куда-нибудь... Наступилъ 1861 г.; русское общество, давно уже подготовляемое къ тому, съ нетерпѣніемъ ждало момента, когда по слову незабвеннаго Государя вѣковое рабство должно было стать достояніемъ исторіи. 19 февраля по всей Россіи въ храмахъ это великое слово было произнесено, милліоны русскаго народа, отъ мала до велика, преклонили колѣна и со слезами возликовали отъ чарующей, радостной и давно желанной вѣсти. Сразу измѣнились отношенія.... Эта великая и славная реформа возбудила во всѣхъ слояхъ интеллигенціи самые лучшіе порывы, стремленія и желаніе лично и совмѣстно потрудиться на пользу и во благо низшей братіи; а работы предстояла масса: сформировались новые распорядки по крестьянскому управленію и самоуправленію...

Потянуло на этотъ новый, свѣтлый путь и Николая Гавриловича Добрынкина. Было не мало дѣла и по его спеціальности,—требовалась масса рукъ для производства отмежеванія крестьянскихъ надѣловъ. Но до-поры до времени приходилось ограничиваться одними желаніями, такъ какъ службу у Протасьева оставить было не легко, благодаря тому, что на Добрынкина возложено было множество разнообразныхъ обязанностей. Скоро однако дѣла у самого Протасьева начали принимать такой оборотъ, который постепенно развязывалъ Николаю Гавриловичу руки и тѣмъ самымъ освобождалъ его отъ нѣкоторыхъ дѣлъ. Въ то время, по случаю американской войны, русскія фабрики вообще переживали крупный кризисъ: американскаго хлопка очень мало стало поступать на рынокъ въ Россію, да и тотъ сильно поднялся въ цѣнѣ; въ тоже время произошелъ общій застой въ торговлѣ. Все это отзывалось на фабричныхъ дѣлахъ угнетающимъ образомъ: у Протасьева дѣла шли незавидно и онъ не прочь былъ продать фабрику въ Южѣ вмѣстѣ съ оставшеюся отъ надѣла крестьянамъ землею.

Въ концѣ 1863 г. Н. Г. Добрынкинъ наконецъ разстался съ Протасьевымъ, получивъ отъ него прекрасный аттестатъ за все время службы—какъ по откупнымъ дѣламъ въ Смоленской губерніи, такъ и по управленію имѣніемъ во Владимірской, гдѣ онъ произвелъ и размежеваніе съ крестьянами. Освободившись отъ занятій, Николай Гавриловичъ, приготовляясь къ практической дѣятельности по межеванію, занялся болѣе точнымъ опредѣленіемъ своего положенія, своихъ правъ;

въ виду этого, онъ, съ согласія начальника Владимірской губерніи, въ декабрѣ 1863 г. подвергнутъ былъ при Владимірской губернской чертежной испытанію, послѣ чего получилъ званіе частнаго землемѣра; въ іюлѣ 1864 г. его зачислили на службу при Владимірской губернской чертежной—безъ содержанія отъ казны, именно въ видахъ усиленія межевыхъ средствъ собственно по крестьянскому дѣлу.

Зимнее свободное время 1863—64 г. Н. Г. употребилъ на окончаніе своего „Топографически-статистическаго сборника Смоленской губерніи“, о которомъ сказано было выше. Надо отмѣтить, что въ то время начальникомъ Владимірской губерніи былъ генералъ Александръ Петровичъ Самсоновъ, бывшій ранѣе начальникомъ Смоленской губерніи, о которой онъ сохранилъ самыя лучшія воспоминанія. Протасьевъ, видѣвшій ранѣе у Добрынкина составляемый имъ сборникъ и восхищавшійся изяществомъ этого труда, рекомендовалъ Самсонову посмотрѣть его. Въ виду изъявленнаго согласія послѣднимъ, Добрынкинъ по необходимости долженъ былъ заняться окончаніемъ давно задуманнаго труда. Оконченный сборникъ Николай Гавриловичъ вручилъ Протасьеву, а тотъ—губернатору Самсонову. Послѣднему такъ понравился сборникъ, что онъ предложилъ автору представить его Государю Наслѣднику Николаю Александровичу (нынѣ въ Бозѣ почивающему). Такъ и было сдѣлано: рукописный трудъ былъ препровожденъ по почтѣ къ состоявшему тогда при Наслѣдникѣ генералу О. Е. Рихтеру, который и преподнесъ его Его Высочеству.

Въ апрѣлѣ 1864 г. Добрынкинъ получилъ увѣдомленіе отъ Рихтера, что Государь Наслѣдникъ при благосклонномъ принятіи его подношенія благоволилъ пожаловать ему за трудъ золотые часы съ такою же цѣпочкою и съ надписью на нихъ. Такое вниманіе, естественно, ободрило скромнаго труженика, онъ ликовалъ и тотчасъ же отправился во Владиміръ благодарить губернатора Самсонова за всѣ его совѣты и хлопоты.

О судьбѣ этого перваго произведенія Добрынкина мы разсказали нѣсколько подробнѣе потому, что оно, съ одной стороны, было образцомъ для послѣдующей его дѣятельности въ этомъ направленіи, а съ другой — послужило поводомъ къ знакомству съ К. Н. Тихонравовымъ, который въ дальнѣйшей судьбѣ и работахъ Николая Гавриловича несомнѣнно игралъ видную роль; наконецъ, и сама по себѣ судьба этого перваго произведенія дала толчокъ и увѣренность къ продолженію работъ подобнаго рода; она указала Добрынкину, на какомъ поприщѣ онъ можетъ работать съ пользою для себя и другихъ.

Въ 1860-хъ годахъ, когда появился во Владимірской губерніи Добрынкинъ, бывшій тогда редакторомъ „Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ К. Н. Тихонравовъ, этотъ безгранично преданный дѣлу изученія губерніи, хорошо теперь извѣстный всѣмъ интересующимся археологіею и исторіею, уже образовалъ около себя кружокъ добровольныхъ тружениковъ, по большей части вышедшихъ изъ простого званія, которые по его указаніямъ и подъ его руководствомъ

22-3981

выполняли намѣченную имъ цѣль—изучали губернію во всѣхъ отношеніяхъ.—Всякій новый работникъ съ особымъ восторгомъ и радостію принимался Тихоправовымъ въ общую семью. Онъ умѣлъ расположить каждаго новичка въ свою пользу и тотъ охотно шелъ „въ выучку“ и дѣлалъ—что ему рекомендовалось. Тоже случилось и съ Добрынкинымъ. Пріѣхавъ во Владиміръ благодарить губернатора, Николай Гавриловичъ въ канцеляріи былъ встрѣченъ Тихоправовымъ, который не менѣе его искренно радовался полученію щедраго царскаго подарка. Новые знакомые разстались друзьями, и Добрынкинъ уѣхалъ съ обѣщаніемъ заняться статистикой и по Владимірской губерніи. Въ томъ же 1864 году П. Г. и приступилъ къ выполненію своего обѣщанія: въ № 30 „Владимір. Губерн. Вѣдомостей“ была напечатана первая его статья—„Слобода Мстера. Статистическій очеркъ“, вызвавшая небольшую поправку М. М. Ранга, помѣщенную въ № 31-мъ. Эта статья Добрынкина, составленная по нѣкоторымъ указаніямъ П. А. Голышева, жившаго въ сл. Мстерѣ, была потомъ перепечатана въ „Трудахъ Владим. Губерн. Статистич. Комитета“ (вып. II, 1864 г., стр. 165—170), съ приложеніемъ къ ней рисунка слободы, исполненнаго въ литографіи Голышева.

Принявшись за практическую дѣятельность по межеванію сначала въ Меленковскомъ, потомъ въ Муромскомъ уѣздахъ, что требовало массу времени, Николай Гавриловичъ на первыхъ порахъ вынужденъ былъ только урывками собирать матеріалы для бу-

дущихъ работъ, такъ какъ мѣстности ему были совершенно незнакомы ни по составу населенія, ни по природнымъ богатствамъ. Вотъ почему, послѣ напечатанія первой статьи, является почти двухлѣтній перерывъ въ его литературной дѣятельности. Правда, отъ любознательнаго наблюдателя не ускользали тѣ или иныя проявленія мѣстной жизни, кое-что сейчасъ же просилось подъ перо, но Добрынкинъ полагалъ, что все это требуетъ болѣе тщательнаго изученія, хроникеромъ же онъ не считалъ удобнымъ выступать: впослѣдствіи, какъ увидимъ, онъ регистрировалъ проявленія текущей жизни, но при этомъ всегда просилъ К. П. Тихоправова не выставлять его имени подъ сообщеніями. Всѣмъ хорошо извѣстно, какъ „любятъ“ у насъ въ провинціи корреспондентовъ и теперь, къ какимъ средствамъ прибѣгаютъ, чтобы „удружить“ человѣку, который рѣшился предать гласности проявленія нашей дикой воли, нашихъ дикихъ нравовъ,—вотъ „громи побѣдъ“ прославлять можете, сколько угодно; а въ то сравнительно отдаленное время „порядки на счетъ этого“ были еще болѣе опредѣленные, и вздумай тогда Добрынкинъ корреспондировать, осталось бы отъ него одно слабое воспоминаніе, а межевать, заработывать кусокъ хлѣба ему, вѣроятно, не пришлось бы.

Работалъ Н. Г. на первыхъ порахъ главнымъ образомъ въ Мелешковскомъ уѣздѣ, мѣстности довольно глухой, гдѣ населеніе крѣпко привязано къ землѣ, изъ которой только одной и извлекаетъ свои выгоды, средства для своего существованія. Промыслы здѣшняго

населенія, особенно въ то время, были малокультурны, чужды всякаго „новшества", и потому богатства земли эксплоатировались почти единственно въ предѣлахъ потребностей домашняго обихода. Деготь, смола, лико, глина, руда—вотъ продукты мѣстныхъ производствъ... И какъ ни просто все это было, свѣдѣній объ этомъ въ печати почти не было; Николай Гавриловичъ явился первымъ основательнымъ изслѣдователемъ этихъ промысловъ. Первою статьею его о Меленковскомъ уѣздѣ была *)—„Льняная промышленность въ Меленковскомъ уѣздѣ" („Влад. Губ. Вѣд." 1866. № 3). Въ томъ же № 3 помѣщена была и другая статья его—„Деревня Исилова, меленков. уѣзда. (Промысловой очеркъ) (пильщики), потомъ—въ № 16 „Льняное производство въ меленков. уѣздѣ. (Сельскохозяйственная замѣтка)", въ № 17—„Известковое производство въ меленк. уѣздѣ. (Промысловая записка)".—Эти, такъ сказать, первые опыты съ очевидностью доказывали, что редакція „Владимір. Губерн. Вѣдомостей" пріобрѣтаетъ въ Добрыкинѣ новаго весьма полезнаго сотрудника, и К. Н. Тихонравовъ, всегда чуткій къ явленіямъ подобнаго рода и всегда готовый всячески поощрять своихъ сотрудниковъ, не замедлилъ предложить въ засѣданіи Губернскаго Статистическаго Комитета 15 декабря 1866 г. объ избраніи Добрыкина въ дѣйствительные члены, и онъ былъ избранъ единогласно.

*) Такъ какъ большая часть статей Добрыкина помѣщена въ „Влад. Губ. Вѣдомостяхъ", поэтому при дальнѣйшемъ изложеніи указаніе на эти вѣдомости мы будемъ опускать, отмѣчая только другія періодическія изданія, въ которыхъ были напечатаны статьи Добрыкина.

Послѣднія двѣ статьи Добрынкина являются прототипомъ всѣхъ послѣдующихъ его статей подобнаго содержанія, т. е. когда онъ описываетъ тотъ или другой промыселъ, и нужно по справедливости отмѣтить, что планъ описанія сразу былъ выбранъ самый удачный. Приводитъ онъ краткую историческую справку объ описываемомъ промыслѣ въ той или другой мѣстности, сообщаетъ мѣстныя условія, благопріятныя для развитія даннаго промысла, далѣе даетъ подробное описаніе всего процесса производства, размѣры его, цѣны на рабочія руки, наконецъ—существующія цѣны на продукты производства на мѣстѣ и указываетъ мѣста сбыта его: при всемъ этомъ, если является въ томъ нужда, описаніе дополняется и другими свѣдѣніями.

Какъ сказано, Николай Гавриловичъ на первыхъ порахъ могъ работать для газеты очень мало: въ силу многихъ причинъ онъ долженъ былъ безъ устали заниматься межеваніемъ въ весенніе и лѣтніе мѣсяцы и приводить въ порядокъ эти землемѣрныя работы зимой (составлять и рисовать планы). Дѣло въ томъ, что онъ, какъ причисленный къ Губернской Чертежной, долженъ былъ давать ежегодно отчеты о произведенныхъ работахъ, а на мѣстѣ—производилъ ихъ онъ не одинъ и нужно было всѣхъ удовлетворить... Вотъ что писалъ онъ въ одномъ письмѣ къ К. Н. Тихонравову: „.... я постараюсь, въ скоромъ времени, Вамъ представить, лишь только поуберусь съ запоздавшими дѣлами, подготовленными въ теченіе прошлаго лѣта, въ которое мнѣ пришлось усердно поработать: такъ много было межевыхъ занятій, что едва успѣвалъ съ

ними справляться, оставляя притомъ черченіе плановъ и прочее, почти третью часть труда, на зиму, а потому и зима мнѣ будетъ давать мало свободнаго времени... Не писалъ къ Вамъ, въ теченіи прошлаго лѣта, потому, что положительно не могъ свободно располагать временемъ, которое сопровождалось присутствіемъ мирового посредника, и дѣла, большею частію, съ поспѣшностію исполнялись по обязательному требованію кредитныхъ учрежденій—срочныя и внѣ очереди.."

И еще долгіе годы продолжалась потомъ эта спѣшная работа... Работалъ Добрынкинъ особенно усердно и потому, что въ ней видѣлъ единственный выходъ впослѣдствіи на самостоятельную дорогу. Онъ слишкомъ хорошо помнилъ ту домашнюю обстановку, въ которой выросъ,—онъ на примѣрѣ матери своей, которая теперь жила съ нимъ, видѣлъ—въ чемъ главный источникъ существованія для людей его среды: работай, работай и работай!...

И онъ, какъ видимъ, работалъ, но не только физически: въ немъ уже зародился интересъ къ изученію мѣстнаго края и, въ силу необходимости постоянно сталкиваясь съ мѣстными жителями, входя съ ними въ общеніе, Николай Гавриловичъ не опускалъ ни одного случая, чтобы отмѣтить все интересное и иногда своеобразное. Такимъ именно путемъ собирался у Добрынкина матеріалъ для будущихъ литературныхъ работъ.

Въ 1867 году онъ напечаталъ только одно изслѣдованіе (въ № 39)—„Фабрикація рогожъ въ селѣ Григоровѣ, мелекковскаго уѣзда", но за то въ этомъ

же году онъ выступилъ съ новымъ видомъ работъ, всегда, къ сожалѣнію, рѣдкихъ въ нашей губерніи,— именно по этнографіи. Просматривая первое сообщеніе Добрынкина изъ этой области—„Село Чаадаево муромскаго уѣзда. (Свадебный обрядъ.—Обычай хоронить „кострому“.—Обычай кричать коледу)“ въ № 29 за 1867 г. (перепечатано въ „Труд. Владим. Губерн. Статистич. Комитета“, вып. VII (1868 г.), стр. 17—31), удивляешься, какъ широко и полно охватилъ намѣченный вопросъ авторъ, казалось, совсѣмъ незнакомый съ этимъ предметомъ, и какъ умѣло, безъ излишества, передалъ существующіе обычаи. И надо только сожалѣть, что К. Н. Тихоправовъ, по преимуществу археологъ, не интересовался особенно этнографіей и потому не принималъ мѣръ къ болѣе обширному собиранію подобнаго матеріала. Впрочемъ, Николай Гавриловичъ и въ слѣдующемъ, 1868 г., напечаталъ нѣсколько подобныхъ сообщеній („Коледа въ селѣ Южѣ, вязниковскаго уѣзда“—въ № 2, „Коледа въ муромскомъ уѣздѣ, въ деревн. Эфановой и Дьяконовой“—въ № 12“, „Вязниковскій уѣздъ Владимірской губерніи. Этнографическій очеркъ“—въ №№ 27—31 (перепечатано въ „Труд. Влад. Губ. Статистич. Комитета“, вып. VII (1868 г., стр. 42—77), гдѣ говорится о с. Южѣ, объ обрядахъ при свадьбѣ, объ офеняхъ, посидкахъ и сообщается словарь своеобразныхъ словъ) и потомъ еще нѣсколько разъ возвращался къ подобнаго рода работамъ, но все это было только *между прочимъ*, систематическаго изученія съ этой стороны жизни мѣстнаго населенія онъ

не предпринималъ, хотя, судя по напечатаннымъ сообщеніямъ, и можно было ждать въ лицѣ его серьезнаго, основательнаго этнографа. Мы объясняемъ этотъ пробѣлъ отчасти тѣмъ, что, какъ сказали выше, не было особаго запроса на подобныя работы со стороны руководителя Тихонравова, отчасти и особо сложившимися обстоятельствами: въ началѣ 1871 года Добрыкинъ женился на Екатеринѣ Павловнѣ Никоновой, которая въ скоромъ времени выступила въ печати со своими работами по этнографіи; Николай Гавриловичъ какъ бы уступилъ своей женѣ эту область въ изученіи мѣстнаго края, а самъ занялся другими отдѣлами широко задуманной работы — изучить Мелекесскій и Муромскій уѣзды во всѣхъ отношеніяхъ. — Что К. Н. Тихонравовъ менѣе интересовался работами по этнографіи, чѣмъ напр. по археологіи, это видно изъ того, что у него подобныя статьи залеживались по году и болѣе. Такъ, въ мартѣ 1871 г., посылая въ редакцію очеркъ свадебнаго обряда въ мелекесскомъ уѣздѣ, Добрыкинъ писалъ Константину Никитичу: „прошу Васъ возвратить мнѣ статью „Осенніе вечера въ мелекес. у.", посланную Вамъ мною въ прошломъ году, которая до сихъ поръ не была напечатана въ вашей газетѣ, изъ чего и заключаю, что она совсѣмъ не будетъ Вами принята въ печать, а потому желая извлечь изъ нея нѣкоторые матеріалы для иной статьи, я и обращаюсь къ Вамъ съ такою просьбою". Оказалось совсѣмъ иное: „вечера" Тихонравовъ напечаталъ, но только въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1871 г.

Продолжая изучать существующіе промыслы (въ 1868 г. Добрякинъ напечаталъ одну статью — „Разработка алебастра въ муромскомъ уѣздѣ. Статистическая замѣтка" въ № 15), Николай Гавриловичъ по самому свойству своихъ практическихъ работъ по необходимости наталкивался на такія мѣстности, которыя своимъ необычайнымъ видомъ, формой останавливали его вниманіе; изъ разпросовъ крестьянъ онъ узнавалъ существующія преданія о нихъ. А между тѣмъ онъ зналъ и много разъ читалъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ подробныя описанія подобныхъ мѣстъ, какъ имѣющихъ археологическое значеніе. Это навело его на мысль собирать болѣе подробныя свѣдѣнія объ этихъ мѣстахъ, изучить ихъ: въ вѣдомостяхъ съ удовольствіемъ принимали подобныя сообщенія, и онъ въ 1868 г. напечаталъ: „Шопулинскій селюкъ въ вязниковскомъ уѣздѣ" въ № 9 и „Указаніе нѣкоторыхъ (10) мѣстностей, съ народными о нихъ преданіями въ меленковскомъ уѣздѣ. (Археологическая замѣтка)" — въ № 14. Такъ незамѣтно вступалъ Н. Г. на путь изученія облюбованнаго имъ края въ историческомъ отношеніи.—Въ томъ же 1868 г. Добрякинъ принялъ большое участіе въ устроенной Статистическимъ Комитетомъ постоянной выставкѣ мануфактурныхъ и заводскихъ произведеній и при ней музея отъ Комитета: онъ доставилъ для послѣдняго образцы рудъ меленковскаго уѣзда, а также подѣлился уже оставленными имъ коллекціями палеонтологическихъ предметовъ, въ видѣ окаменѣлостей. „Душевно радуюсь,-писалъ онъ 25 ноября Тихонравову,—что мои

посильныя и скромныя приношенія заняли мѣсто въ ряду болѣе интересныхъ диковинокъ на постоянной выставкѣ"...

Такъ постепенно втягивался Н. Г. Добрынинъ въ работу по изученію Меленковско-Муромской области, которая впослѣдствіи была подробно описана имъ. Въ 1869 г. онъ напечаталъ: „Географическо-статистическое описаніе гор. Меленокъ и уѣзда его"—въ №№ 19, 21 и 22 (перепечатано въ „Труд. Влад. Губ. Статист. Комитета" вып. VIII (1870 г.), стр. 5—27); въ 1870 г.—„Стари дѣвы"—въ № 22, „Коледа въ меленковскомъ уѣздѣ"—въ № 23, „Наступничество въ меленков. у."—въ № 26 (всѣ три статьи по этнографіи), „Особенности нѣкоторыхъ мѣстностей (3) въ меленк. у." – въ № 27, „Село Вольтино. Археологическая записка"—въ № 35 и „Населенныя мѣстности въ меленков. уѣздѣ" (дер. Фурсова)—въ № 37; въ 1871 г.—„Свадебный обрядъ въ меленков. уѣздѣ. Этнографическій очеркъ"—въ №№ 28 и 29 и „Осенніе вечера въ меленк. у."—въ № 39 (нѣкоторыя изъ статей 1870 и 1871 г.г. по этнографіи были перепечатаны въ „Труд. Влад. Губ. Стат. Ком.", вып. IX (1871 г.), стр. 74—94). Въ 1872 г. напечатано Добрынинымъ: „Вольные ямщики" –въ № 11, „Мірскія повинности крестьянъ меленковскаго уѣзда въ 1870 г."—въ № 13 и „Обрядъ опахиванія въ г. Меленкахъ"—въ № 42.

Всѣ указанныя статьи, по большей части незначительнаго объема, были, такъ сказать, переходной ступенью въ дѣятельности Добрынина: относясь по со-

держанію къ намѣченнымъ имъ ранѣе работамъ, онѣ являлись отдѣльными этюдами большого составлявшагося имъ труда, касающагося Меленковскаго уѣзда. Часть этого труда послана имъ была въ Центральный Статистическій Комитетъ и вошла въ изданіе послѣдняго—„Матеріалы для изученія кустарной промышленности и ручного труда“ („Статистическій Временникъ Россійской Имперіи“. II. Вып. 3-й, стр. 282—293, о меленковскомъ уѣздѣ), а полностью онъ былъ напечатанъ во Владимірѣ: „Очеркъ сельскаго хозяйства, мелкаго ручнаго труда и другихъ незначительныхъ крестьянскихъ промысловъ въ меленковскомъ уѣздѣ“ во „Влад. Губерн. Вѣдом.“ 1873 г., №№ 3, 5—7, 11 и 12; „Рудокопное дѣло въ меленк. у.“, тамъ же, въ № 19; „Меленковскій уѣздъ въ сельско-хозяйственномъ, ремесленномъ, промышленномъ, промысловомъ и экономическомъ отношеніяхъ“—1874 г., №№ 18, 19, 21, 22, 24, 25, 28 и 29 (перепечатано въ „Труд. Владимір. Губ. Статистич. Комитета“ вып. X (1874 г.), стр. 138—200); „Меленковскій уѣздъ въ гидрографическомъ отношеніи“—1874 г., № 37. Къ ряду этихъ же работъ должны быть отнесены: „Семикъ и Троицынъ день въ гор. Меленкахъ“ (1873 г., № 25) и, какъ заключительная часть къ уѣзду, „Жизнь, нравы и обычаи крестьянъ въ меленковскомъ уѣздѣ. (Этнографическій очеркъ)“ — 1875 г., №№ 27—30, 32—34 (перепечатано въ „Ежегодникѣ Влад. Губерн. Статистич. Комитета“, т. 1, вып. 1 (1876 г.), столб. 69—118). Уже одно заглавіе статей, являющихся особыми главами общаго

труда, указываетъ—насколько описаніе Добрынкина полно обнимаетъ уѣздъ.

Какъ уже сказано было выше, это явилось плодомъ занятій Николая Гавриловича по межеванію въ Мелеховскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ работалъ до конца 1872 года (лѣтомъ этого года онъ хотя и перешелъ въ Муромскій мировой съѣздъ, но пока не оставлялъ и Мелеховскаго). Исходивши отъ края до края весь уѣздъ, Добрынкинъ несомнѣнно имѣлъ возможность ознакомиться со всѣми мѣстными особенностями, и потому-то описаніе его является полнымъ и—главное—очень точнымъ.

Покончивъ работы въ уѣздѣ и напечатавъ описаніе его, П. Г. Добрынкинъ съ половины 1870-хъ годовъ всецѣло отдается изученію уже Муромскаго уѣзда, а Мелеховскому удѣляетъ не много вниманія, и то въ позднѣйшее время. Такъ, только въ 1885 г. онъ вспомнилъ объ уѣздѣ и напечаталъ: „Городъ Мелехи"—въ № 4; „Смолокурное производство въ мелеков. у."—№ 7 (перепечатано въ „Ежегодникѣ" т. V (1885 г.), столб. 53—56; „Льняная промышленность въ мелеик. у."—въ № 27; „Плетеніе коробицъ въ мелеик. у."—въ № 32; еще черезъ 10 лѣтъ онъ напечаталъ—„Курганныя находки въ селѣ Урановѣ мелеков. у." (1895 г., № 40); „Народные обычаи въ мелеков. уѣздѣ. Масленица.—Проводы русалки" (1896 г., № 6), и „Производство мочала въ мелеков. у." въ статьѣ „По пути" (1897 г., № 22). Если ко всему этому прибавить, что въ 1879 г. Добрынкинъ издалъ „Карту мелеховскаго уѣзда", съ ста-

тистическими свѣдѣніями, то получимъ полный перечень всего напечатаннаго имъ объ уѣздѣ.

Жилъ Н. Г. Добрянкинъ постоянно въ Муромѣ, т. е. имѣлъ тамъ осѣдлость и проводилъ зимнее время. При всѣхъ занятіяхъ, не могъ онъ быть чуждымъ и общественной жизни этого города и своими впечатлѣніями иногда дѣлился съ К. Н. Тихонравовымъ. А послѣдній, желая разнообразить содержаніе вѣдомостей, не рѣдко пользовался, для освѣщенія мѣстной общественной жизни, свѣдѣніями и своихъ уѣздныхъ корреспондентовъ.—Такъ иногда, съ небольшой переработкой, печатались цѣлыя письма, адресованныя Тихонравову, а не для газеты. Этимъ путемъ Константинъ Никитичъ оживлялъ мѣстный отдѣлъ, пріобрѣталъ новыхъ корреспондентовъ и для газеты. Такъ началъ сотрудничать, какъ хроникеръ общественной жизни въ Муромѣ, и Н. Г. Добрянкинъ. Въ письмѣ отъ 25 ноября 1868 г. онъ сообщилъ Тихонравову нѣсколько словъ о муромской жизни, а тотъ, сокративъ, напечаталъ это въ № 51 „Вѣдомостей" за 1868 годъ; потомъ Николай Гавриловичъ началъ дѣлать сообщенія уже прямо для газеты, и такимъ образомъ появились его мелкія извѣстія: „Борьба съ волкомъ„—1869 г., № 9; „Любительскій спектакль"—1872 г., № 14; устройство чайной для солдатъ и открытіе читальни при ней—1875 г., №№ 13 и 16—17; объ устройствѣ волшебнаго фонаря, взятаго для чтеній въ мѣстной командѣ—№ 20 и т. д. (см. 1876 г., №№ 4, 30 и 48; 1879 г., №№ 3, 9 и 21; 1880 г., № 42; 1882 г., № 17;

1886 г., № 22; 1887 г., №№ 17—18, 34, 36, 40 и 44; 1893 г., №№ 8 и 13; 1895 г., № 8). На протяженіи 30 слишкомъ лѣтъ сообщеній такихъ сдѣлано было Добрынинымъ, правда, не много, но и вообще надо сказать онъ не обладалъ той „легкостью пера", которая должна быть присуща хроникеру общественной жизни; онъ былъ болѣе склоненъ къ усидчивому труду, гдѣ, не торопясь, на основаніи цифровыхъ данныхъ, подробнаго изученія того или иного явленія, можно сдѣлать тотъ или другой выводъ, не гонялсь за особой красотой слога. Помимо всего этого, онъ и не находилъ удобнымъ выступать въ роли корреспондента. Вотъ что писалъ онъ въ апрѣлѣ 1872 года Тихонравову: „Моя статья о муромскихъ любительскихъ спектаклях, казалось бы невинная, надѣлала большого безпокойства между завѣдующими кассою: во первыхъ, стараются узнать виновника статьи, перевираютъ ея содержаніе и высказываютъ много интересныхъ и поучительныхъ эпизодовъ въ денежныхъ дѣлахъ импровизованной труппы любителей; я конечно не обнаруживаю о себѣ, иначе не узналъ бы любопытныхъ закулисныхъ тайнъ, да и если сказать о своемъ авторствѣ, то наживешь множество незаслуженныхъ непріятностей, а потому и Васъ прошу не открывать автора той статьи, тѣмъ я получу право въ другой разъ сообщить что либо изъ нашей городской хроники печатно".

Удѣляя свободное время для „вѣдомостей" и Губернскаго Статистическаго Комитета, по вызову К. Н. Тихонравова и постоянно поощряемый послѣднимъ, Николай Гавриловичъ старался содѣйствовать усиѣ-

хамъ Комитета не только своими литературными трудами: какъ мы видѣли, онъ представилъ свои коллекціи для выставки; убѣждалъ другихъ къ пожертвованію различныхъ коллекцій въ музей при Комитетѣ; какъ довольно хорошій рисовальщикъ, по указанію Тихонравова, срисовывалъ со старинныхъ вещей, иконъ, зданій и пр. копіи, жертвовалъ рѣдкія книги и т. п. Въ 1872 г. онъ приступилъ къ изготовленію слѣпковъ съ медалей, жетоновъ и разныхъ вещей для Музея. Однимъ словомъ, онъ готовъ былъ дѣлать все, что могъ. Такіе-то люди именно и дороги въ провинціи, гдѣ средствъ для общественныхъ учрежденій, въ родѣ, напр., Музея, нѣтъ, и гдѣ, стало быть, приходится надѣяться только на сочувствіе и содѣйствіе обыкновенно немногихъ лицъ. Въ числѣ такихъ лицъ былъ и Добрынкинъ: и К. П. Тихонравовъ готовъ былъ исполнять всевозможныя просьбы и порученія своихъ сотрудниковъ, только бы поддержать ихъ сочувствіе. Добрынкинъ, помимо своихъ литературныхъ работъ, особенно дорогъ былъ Константину Никитичу, что онъ умѣло и точно срисовывалъ со старинныхъ предметовъ, и эти рисунки, благодаря содѣйствію другого сотрудника, П. А. Голышева, Тихонравовъ имѣлъ возможность прикладывать къ изданіямъ Комитета.

Личная жизнь П. Г. Добрынкина за это время устраивалась въ самомъ желательномъ для него направленіи: продолжая работы по межеванію, онъ, поселившись окончательно въ Муромѣ, свелъ здѣсь кругъ знакомства, былъ радушно принимаемъ въ до-

махъ мѣстной интеллигенціи; послѣ женитьбы въ 1871 г. на младшей дочери мѣстнаго доктора Никлова, связь съ обществомъ еще болѣе укрѣпилась и Николай Гавриловичъ сталъ своимъ человѣкомъ. Служебная его дѣятельность также была поощряема: въ 1876 г. онъ получилъ первый чинъ, со старшинствомъ съ 1874 г., и такимъ образомъ окончательно освобожденъ былъ отъ податного состоянія.

Покончивъ съ изученіемъ Меленковскаго уѣзда, какъ уже было сказано, Н. Г. Добрынкинъ отдался почти всецѣло изученію Муромскаго уѣзда и этимъ занимался до конца жизни.

Въ сентябрѣ 1872 года Добрынкинъ писалъ Тихонравову: „Нынѣшнее лѣто я перепелъ въ Муромскій мировой съѣздъ, въ то же время не оставляя и Меленковскій пока, а потому имѣлъ случай собрать достаточно совершенно новыхъ матеріаловъ по Муромскому уѣзду, о которомъ я надѣюсь представить Комитету нѣкоторыя подробныя особенности края въ отношеніи какъ топографіи, такъ статистики, промышленности и другихъ научныхъ отдѣловъ", а въ письмѣ отъ 27 іюля 1873 г. онъ говоритъ: „скажу Вамъ, что о Муромскомъ уѣздѣ у меня собрано матеріаловъ, весьма любопытныхъ, покрайней мѣрѣ года на три моего литературнаго труда". Дѣйствительно, подробное изученіе уѣзда дало такой богатый матеріалъ, что его хватило не на три, а почти на пятнадцать лѣтъ. Основная часть труда Добрынкина, подъ заглавіемъ „Географическо-статистическое описаніе Муромскаго уѣзда", начата печатаніемъ въ 1876 году

(№№ 28 и 29: топографія, геологія, царство ископаемое, орографія, гидрографія) и продолжалась въ послѣдующіе годы (1877 г., №№ 27—30: климатъ, флора, фауна; 1878 г., №№ 26 и 27: населеніе; 1880 г., №№ 34—43: сельское хозяйство; 1884 г., №№: 1, 2, 4, 6, 8, 10, 11, 16, 19, 20, 22, 26, 29, 33, 37 и 42: лѣсъ; 1887 г. №№: 1—8: минеральныя богатства); сюда же должны быть отнесены и слѣдующія статьи: „Почвы въ Муромскомъ уѣздѣ“ (1886 г., № 10); „Кустарная промышленность въ Муром. уѣздѣ“ (1881 г., № 15; 1882 г., №№ 4, 6, 8, 11, 16, 19, 20, 22, 24, 29, 37, 41, 43, 49, 51; 1883 г., №№ 2, 5, 25—29; 1885 г., № 47 („Производство сундучныхъ замковъ въ Муром. уѣздѣ“); 1886 годъ, № 36 („Выдѣлка тюленьихъ шкурокъ“); 1887 г., № 22 („Кустар. пром. Кузнечные мѣха“); „Отхожіе промыслы въ Муром. у.“ (1889 г., №№ 5, 6, 38—44); „Клееварное производство въ Муром. у.“ (№ 27); „Выдѣлка валяныхъ сапогъ и производство желѣзныхъ сапожныхъ шилекъ въ Муром. у.“ (1892 г., № 9); „Вновь возникшіе промыслы въ Муром. у.“ (I. Сборъ тальниковыхъ прутьевъ. 1897 г., № 6.—II. Вылущиваніе желудей. 1897 г., № 8); „По пути. Статистическія замѣтки.“ (I. Сукновальня. 1897 г., № 12.—II. Изготовленіе варенья. 1897 г., № 19); „Новошинская мельница въ Муром. у. Изъ путевыхъ замѣтокъ“ (1897 г., № 14); „Колодезники. Отхожій промыселъ въ Муромскомъ уѣздѣ“ (1898 г., № 14); „Рыбное дѣло въ Муром. у.“ (1899 г., №№ 26—31; тоже

и отд.: 16°, 55 стр.). Нѣкоторыя изъ указанныхъ статей были перепечатаны въ „Ежегодникѣ“ Статистическаго Комитета,—именно: въ вып. 2-мъ тома 1-го (1876 г.) столб. 1—19 — „Геогр.—стат. опис. Мур. у.“ (топографія и кончая гидрографіей); въ томѣ II (1878 г.), столб. 1—22 (климатъ, флора и фауна); въ т. III (1880 г.), столб. 1—14 (населеніе); въ т. IV (1883 г.), столб. 1—62 (сельское хозяйство) и 75—160 (кустарная промышленность); въ т. V (1885 г.), столб. 1—53 (лѣсъ) и 73—80 (почвы); въ т. VI *), столб. 25 и слѣд. (отхожіе промыслы).

Этотъ трудъ былъ составленъ по тому-же плану, какъ и описаніе Мелецковскаго уѣзда, но только здѣсь авторъ даетъ болѣе подробныя свѣдѣнія. Какъ ви-

---

*) Томъ VI „Ежегодника“, въ большей своей части отпечатанный, не былъ выпущенъ и нынѣ составляетъ библіографическую рѣдкость, такъ какъ отпечатанные листы всѣ были употреблены типографіей на макулатуру. Несомнѣнно, окончилось его печатаніе въ 1891 году, такъ какъ изъ статей, въ него вошедшихъ (наборомъ губерн. вѣдомостей), самыя послѣднія напечатаны въ „Влад. Губ. Вѣд.“ въ 1891 г.—Содержаніе этого тома слѣдующее: I. Матеріалы для статистики. (1889 г.). Судоходство по рѣкѣ Тезѣ къ г. Шуѣ и обратно. *Муромца* (столб. 1—24).—Отхожіе промыслы въ Муром. уѣздѣ. *Добрынкина* (25..., не окончено).—II. Матеріалы для исторіи и археологіи. (1888 г.). Древнія гости въ гор. Муромѣ. *Добрынкина* (1—60).—Г. Муромъ. Матеріалы. *Тихомирова* (61—78).—Путешествіе Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича въ 1837 году по Владимірской губерніи. *Строминова* (78—89).—Первая выставка произведеній Владимірской губерніи въ губ. гор. Владимірѣ. *Строминова* (89—112).—Храмъ Всемилостиваго Спаса въ гор. Шуѣ. *Н. Миловскаго* (113—208).—Историческій очеркъ г. Шуи. *Муромца* (209—300). Такое содержаніе VI тома по экземпляру, находящемуся въ нашемъ распоряженіи.

димъ, значительную часть работы занимаетъ описаніе промысловъ населенія уѣзда, и это вполнѣ понятно, такъ какъ они тамъ сильно развиты. Въ предисловіи къ своему труду авторъ говоритъ, что „въ ряду уѣздовъ Владимірской губерніи, Муромскій,— по своимъ промысламъ, кустарной промышленности и другимъ особенностямъ крестьянскаго быта,—занимаетъ въ губерніи видное мѣсто“... И можно теперь отмѣтить, что изслѣдованіемъ Добрынкина этому уѣзду, въ ряду существующихъ описаній, отведено мѣсто вполнѣ ему подобающее, и нужно только сожалѣть, что все это разбросано по множеству №№ газеты, а не сведено въ одну книгу.

Указанными статьями однако не исчерпывается изученіе и описаніе Добрынкинымъ Муромскаго уѣзда: сюда должны быть отнесены и другія статьи его, касающіяся той же мѣстности. Такъ, многочисленныя его сообщенія о метеорологическихъ наблюденіяхъ, произведенныхъ имъ въ гор. Муромѣ (см. 1873 г., №№ 27, 50—52; 1874 г., №№ 6—8, 39—43; 1880 г., №№ 18 и 25; 1886 г., №№ 17 и 18; 1891 г., № 12; 1893 г., № 17; 1894 г., № 29), а также сельско-хозяйственныя его замѣтки (1880 г., № 18; 1886 г., №№ 1—3—„Посѣвы и урожаи хлѣбовъ и травъ въ 1885 году“, перепеч. въ „Ежегодникѣ“, т. V, столб. 57—72; 1886 г., № 49—„Результаты сельскаго хозяйства за 1886 г.“) дополняютъ первую часть его труда — обозрѣніе внѣшней стороны уѣзда—въ географическомъ отношеніи.

Относительно метеорологическихъ наблюденій Добрынкина изъ переписки его съ Тихоправовымъ открывается одна прелюбопытная подробность. Съ самаго начала онъ возъимѣлъ желаніе посылать свои ежедневныя наблюденія въ Импер. Русское Географическое Общество, о чемъ и просилъ Тихоправова написать туда. Однако въ январѣ мѣсяцѣ, препровождая Константину Никитичу метеорологическія наблюденія за октябрь—декабрь 1875 г., онъ пишетъ: „не откажите переслать ихъ въ Географическое Общество—это послѣдняя моя посылка для Общества, которое такъ внимательно относится къ моимъ трудамъ, что въ продолженіи 2-хъ лѣтъ не сказало даже ни слова мнѣ".

Далѣе, къ трудамъ по Муромскому уѣзду нужно отнести статью Добрынкина—„Очеркъ сельскаго хозяйства въ Муром. у.", напечатанный въ „Трудахъ Император. Вольнаго Экономич. Общества" (1880 г., т. 1, № 4, стр. 410—419); „Карту" уѣзда со статистическими данными, изданную въ 1877 году, и къ ней „Поверстникъ" (23 стр.); „Народные юридическіе обычаи въ Муром. у. Сватовство" (1895 г., № 48); „Народные обычаи въ Муром. у. Масляница" (1893 г., № 49); „Рачій моръ въ Муром. у." (1894 г., № 32, и, наконецъ, одну изъ самыхъ большихъ и въ высшей степени интересныхъ его работъ—„Сто лѣтъ назадъ и теперь. Статистическое обозрѣніе Муромскаго уѣзда" (1898 г., №№ 15, 23, 25, 27, 35, 36, 39, 40, 42, 43, 45—47, 49, 50 и 52; 1899 г., №№ 1—4, 6—16, 18—24; тоже, отдѣльно, 16°, 333 стр.).

Въ послѣднемъ трудѣ авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о каждомъ селеніи въ уѣздѣ.

Не ограничиваясь изученіемъ жизни населенія въ настоящемъ состояніи, Н. Г. Добрынинъ, какъ самъ онъ говоритъ, подъ вліяніемъ К. Н. Тихонравова сталъ интересоваться старипой и древностями, а затѣмъ знакомство съ гр. А. С. Уваровымъ въ 1877 г. „еще болѣе упрочило его въ изученіи доисторической эпохи", —однимъ словомъ, Николай Гавриловичъ нерѣдко бралъ на себя и роль историка уѣзда.

Мы уже отмѣчали, что еще при изученіи Мелекковскаго уѣзда Добрынинъ дѣлалъ попытки къ собиранію данныхъ для исторіи этого уѣзда; но тамъ онъ наталкивался на нихъ случайно и, какъ любознательный человѣкъ, не могъ и не хотѣлъ проходить мимо ихъ, этихъ данныхъ. Здѣсь, въ Муромѣ, дѣло обстояло нѣсколько иначе. Тихонравовъ, какъ видно изъ писемъ, поручалъ ему дѣлать рисунки, напр. съ каменнаго ящиковаго креста, съ вещей, представляемыхъ Добрынинымъ въ Комитетъ, съ церквей, иконъ и проч. Въ концѣ 1872 г. Н. Г. уже пишетъ Тихонравову: „Особенно важная замѣчательность Муромскаго уѣзда это—находки каменныхъ стрѣлъ, подвѣсокъ и черенковъ изъ необожженой глины,—все это безспорно свидѣтельствуетъ объ обитателяхъ каменнаго вѣка въ этой странѣ... Объ этой мѣстности и находкахъ я вмѣстѣ съ планомъ представлю Вамъ свои изысканія и описаніе"; видимо, онъ уже проникся интересомъ къ подобнымъ предметамъ и, не взирая ни на что, желаетъ производить изслѣдованія. Въ іюнѣ 1874 г.

онъ обращается къ Константину Никитичу съ такою просьбою: „не найдете ли возможнымъ предложить мои услуги тому Археологическому Обществу, въ которомъ Вы состоите членомъ; я, на первый случай, представилъ бы нѣкоторыя вещи (находки Муром. у.), а потомъ собралъ бы свѣдѣнія о курганахъ и т. п. предметахъ старины, на которыя, пожалуй, составилъ бы планы и рисунки, а то у меня ускользаютъ многія археологическія особенности безслѣдно". Въ мартѣ 1875 г. (№ 12) было напечатано сообщеніе его- „Борки (бугры) съ предметами каменной эпохи", а въ апрѣлѣ онъ уже сообщалъ Тихонравову: „въ нынѣшнее лѣто намѣреваюсь заняться собираніемъ свѣдѣній по части древностей и вообще археологіи по Мурому и уѣзду его: предметъ этотъ мнѣ начинаетъ нравиться; жаль, что я мало знакомъ съ нимъ и не имѣю подъ рукой никакихъ свѣдѣній для ближайшаго руководства при этихъ работахъ"; въ іюлѣ — „свою археологическую коллекцію я понемногу увеличиваю числомъ рисунковъ съ древнихъ вещей и предметовъ"; въ августѣ — „Если Вы будете такъ добры и меня устроите въ Археологическомъ Обществѣ, то я могу на первый случай прислать описаніе Муром. у. въ археологическомъ отношеніи, съ указаніемъ тѣхъ мѣстностей, которыя имѣютъ какія-либо особенности..."; въ ноябрѣ — „за приданное Вами, весьма кстати, начало къ описанію моему Ильинской церкви, я Вамъ очень благодаренъ, подумывалъ и я нѣчто въ этомъ родѣ сдѣлать, да не достало той опытности и знанія, которыми Вы заручились. Много интересуетъ меня археологія,... но безъ

предварительнаго знакомства съ этимъ предметомъ трудно что-либо усвоить себѣ". 17 іюня 1877 г. онъ познакомился въ Муромѣ съ гр. А. С. Уваровымъ, производилъ съ нимъ раскопки, въ сентябрѣ прислалъ Тихоправову корреспонденцію по поводу своихъ археологическихъ раскопокъ и обѣщаетъ прислать таковую же „о раскопкахъ бронзоваго вѣка". 4 октября 1877 г., препровождая записку о курганныхъ находкахъ, Добрынкинъ пишетъ: „какъ видите, Вашъ покорнѣйшій слуга начинаетъ втягиваться въ археологію и по правдѣ сказать—она меня очень интересуетъ". Въ сотрудники Московское Археологическое Общество избрало Добрынкина 30 мая 1877 г.

Изъ этихъ выписокъ мы видимъ, что любознательный Николай Гавриловичъ, благодаря изобилію попадавшихся ему предметовъ старины глубокой, желалъ постичь „суть" ихъ „въ корнѣ", но не легко это знаніе давалось ему. Изъ напечатанныхъ имъ замѣтокъ ясно видно, что хотя „въ точности" всего предмета ему осилить и не удалось, но все же онъ пріобрѣлъ и по части археологіи свѣдѣнія вполнѣ достаточныя. На первыхъ порахъ его особенно интересовала такъ называемая доисторическая эпоха Муромской округи: онъ увлекался раскопками, собираніемъ остатковъ отъ пребыванія человѣка изъ временъ той далекой старины; сохранилъ ли онъ эту „любовь" и въ послѣдующее время,— мы не знаемъ, но одно можно сказать: неблагодарна была эта работа, и вотъ почему: Муромскій уѣздъ въ этомъ отношеніи былъ достаточно обслѣдованъ многими настоящими знатоками, и Добрынкину приходилось только

по ихъ тропинкамъ и слѣдамъ розыскивать тѣ или иные предметы, а это едва ли могло быть интереснымъ и производительнымъ трудомъ. А масса была дѣла другого, почти никѣмъ не початаго: въ Муромскомъ уѣздѣ съ городомъ нашлись памятники старины исторической, и въ такомъ изобиліи, что и послѣ Н. Г. Добрынкина осталось еще много не обслѣдованнаго... И здѣсь, въ этихъ занятіяхъ, несомнѣнную услугу Николаю Гавриловичу оказалъ Тихонравовъ: изъ писемъ Добрынкина ясно видно, что у Константина Никитича на этотъ счетъ была своя особая система постепеннаго ознакомленія новичка съ предметами старины,—видимо, онъ давалъ совѣты, на что нужно обращать главное вниманіе при изученіи подобныхъ предметовъ, гдѣ ихъ находить, что срисовывать и пр. Добрынкинъ пунктуально исполнялъ его совѣты, и мы видимъ, что изъ него выработался дѣйствительный знатокъ, неутомимый въ розысканіи и описаніи предметовъ старины, достойныхъ всеобщаго вниманія.

Изъ статей и замѣтокъ Добрынкина первой категоріи были напечатаны: „О находкѣ костей мамонта и обозрѣніе древностей гр. Уваровымъ въ г. Муромѣ“ (1877 г., № 34); „Новыя находки орудій каменнаго вѣка близъ г. Мурома“ (№ 37); „Курганныя находки въ уѣздѣ“ (№ 41); „Археологическія раскопки гр. Уварова и другихъ лицъ“ (1878 г., № 28); „Курганныя раскопки“ (1886 г., №№ 38 и 39); „Ископаемыя находки въ Муромскомъ и Меленковскомъ уѣздахъ“ (1894 г., № 2.); „Слѣды пребыванія доисторическаго человѣка въ предѣлахъ Му-

ромскаго уѣзда Владимірской губерніи" (1896 г., №№ 18, 19, 25—28; тоже, отд. 8°. 29 стр.). Послѣдняя статья была написана имъ для археологическаго съѣзда въ Ригѣ; о поѣздкѣ на этотъ съѣздъ онъ напечаталъ отчетъ въ №№ 37 и 38—1896 г.

Съѣздъ въ Ригѣ не былъ единственный, посѣщенный Добрыкинымъ: онъ принималъ участіе на археологическихъ съѣздахъ и въ Москвѣ (въ 1890 г.) и въ Вильнѣ (1893 г.). (См. „Занятія восьмого археологич. съѣзда. 1890 г.—„О рѣзныхъ иконахъ св. Николая Можайскаго и другихъ памятникахъ Владимірской губерніи", стр. 106—107, а также—„Труды восьмого археологич. съѣзда въ Москвѣ, 1890 г.", т. IV (изд. 1898 г.), стр. 120—121).

Когда открытъ былъ въ Москвѣ Комитетъ Антропологической выставки, Н. Г. Добрыкинъ принялъ и тамъ участіе своими сообщеніями по доисторической археологіи; за это былъ зачисленъ онъ 2 іюня 1878 г. въ члены выставки, на которой потомъ и экспонировалъ предметы каменной эпохи (см. „Антропологическая выставка", т. I, 1878 г., стр. 288—„Археологическая карта Муромскаго уѣзда"; т. II, 1878 г., стр. 111—Каменныя орудія во Владимірской губерніи, стр. 170—Курганныя вещи, стр. 247—Курганныя находки; т. III, ч. 2-я, вып. 2-й, 1879 г., стр. 80—81—„Коллекція каменныхъ орудій и черепковъ глиняной посуды, на берегахъ рѣки Оки въ Муромскомъ и Гороховецкомъ уѣздахъ": „Краткій обзоръ Антропологической выставки", 1879 г., стр. 13—6—„Древности, найденныя въ предѣлахъ Рос-

сіи"). О выставкѣ онъ помѣстилъ статью во „Влад. Губ. Вѣдомостяхъ" (1879 г., № 25), а по окончаніи ея (въ 1879 г.), Императорское Московское Общество Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи избрало Н. Г. Добрынкина 1 іюня 1880 г. въ дѣйствительные члены.

Чтобы покончить о трудахъ Добрынкина по доисторической археологіи, необходимо отмѣтить, что подобныя работы онъ посылалъ и въ Московское Археологическое Общество (см. изданіе его „Древности", т. VIII (1880 г.)—„Объ изслѣдованіи части Переміловскихъ горъ въ Муромскомъ уѣздѣ", съ картою уѣзда; т. IX (1883 г.)—„Рѣчка Муромка въ археологическомъ отношеніи").

Но какъ ни усердно пропагандировалъ Н. Г. доисторическую эпоху Муромскаго края, на нашъ взглядъ представляются имѣющими гораздо большее значеніе его труды по описанію предметовъ старины болѣе знакомаго намъ времени,—это—„Водосвятная чаша князя Д. М. Пожарскаго" („Влад. Губ. Вѣд.", 1876 года, № 24); „Деревянная церковь XVII вѣка во имя св. пророка Иліи, близъ г. Мурома у села Карачарова", („Ежегодникъ Влад. Губ. Стат. Ком." т. I, вып. I, столб. 238—242, съ рисункомъ); „Объ образѣ древней живописи св. благовѣрныхъ кн. Петра и княгини Февроніи" (1877 г., № 11; сюда же относится—„Муромскій кремль, съ стариннаго образа св. благов. кн. Петра и кн. Февроніи, находящагося въ Муромскомъ соборѣ"—см. „Древности", изд. Москов. Археол. О—ва, т. VIII, 1880 г.); „Вышитая над-

нись на покровѣ съ св. мощей благовѣрн. кн. Петра и кн. Февроніи, въ Муромскомъ соборѣ, XVI вѣка" („Древности", т. VIII, 1880 г.); „Деревянная церковь первой половины XVIII столѣтія въ с. Голянищевѣ" („Влад. Губ. Вѣд.", 1880 г., № 10); „Относительно языческаго капища на мѣстѣ соборнаго храма" (въ Муромѣ—въ „Древностяхъ", т. VIII, 1880 г.); „Древняя Козмодаміанская церковь въ г. Муромѣ" („Влад. Губ. Вѣд.". 1883 г., №№ 15 и 16; тоже—въ „Ежегодникѣ" Влад. Губ. Ст. Комит., т. IV (1883 г.), столб 45 –60; тоже, отд.: 16°, 30 стр., съ рисункомъ); въ 1885 г. онъ сообщилъ въ Москов. Археологич. О—во двѣ фотографіи съ церкви пр. Иліи у с. Карачарова и съ ц. Козмы и Даміана въ Муромѣ (см. „Древности", т. IX. 1885 г.); „Памятники древней письменности Спасскаго монастыря въ г. Муромѣ" („Влад. Губ. Вѣд.", 1891 г., №№ 39, 41—43, 50; 1892 г., №№ 4. 5 и 7; тоже, отд. 8°, 39 стр.); „Панагія патріарха Филарета Никитича" („Влад. Губ. Вѣд.", 1892 г., № 22); „Археологическая экскурсія въ Муромскомъ уѣздѣ" (о древнихъ храмахъ въ селѣ Борисоглѣбскомъ; 1894 г., № 25); „С. Дѣдово" (№ 35); „Гора Городина" (1895 г., № 44); „Древнее рукописное евангеліе въ с. Зяблицкомъ погостѣ" (1896 г., № 41); „С. Климово, Муромскаго уѣзда. Изъ путевыхъ замѣтокъ" (1897 г., № 2); „С. Александрово, Муром. уѣзда. Изъ путевыхъ замѣтокъ" (№ 4); „С. Бѣлавино, Муром. у. Изъ путевыхъ замѣтокъ" (№ 24); „Вереги" (№ 52); „Чинь церкви", или иконостасъ"

(1898 г., № 13); „С. Лазарево, Муромскаго уѣзда. Изъ путевыхъ замѣтокъ“ (1901 г., №№ 6 и 7); „С. Линия. Попутная замѣтка“ (№ 17); „Священная картина „Плоды страданій Христовыхъ“ („Памятная книжка Владимір. губерніи“, 1895 г., стр. 69—72, и тоже, отд.: 8°, 4 стр.); „Обрѣтеніе древнихъ антиминсовъ въ Козмодаміанской церкви въ г. Муромѣ“ („Влад. Епархіал. Вѣдом.“, 1901 г., № 15, стр. 489—495; тоже отд. 8°. 7 стр., съ 3 рисунками; туже статью, въ болѣе подробномъ видѣ, онъ сообщилъ въ Москов. Археологич. О—во, гдѣ и доложена была, уже послѣ смерти автора, въ началѣ сентября 1902 г.).

Приведенный списокъ статей обнимаетъ большую часть уѣзда Муромскаго. а содержаніе ихъ знакомитъ насъ съ предметами древности, открытыми и описанными Добрынкинымъ по большей части въ первый разъ. Понятна поэтому вся цѣнность сообщаемыхъ имъ свѣдѣній. Императорское Московское Археологическое Общество, по этой же причинѣ, 19 января 1901 г., на основаніи §§ 28- 30 Правилъ Коммиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ, избрало Н. Г. Добрынкина иногороднимъ представителемъ Коммиссіи по наблюденію за памятниками старины въ гор. Муромѣ и его уѣздѣ.

Совершенно особо стоятъ другіе труды Добрынкина, относящіеся тоже къ исторіи гор. Мурома и его уѣзда. Собирая въ продолженіи многихъ лѣтъ всевозможные матеріалы для исторіи изучаемаго края, онъ имѣлъ возможность отыскать многія рукописи прежнихъ исто-

риковъ-любителей, многіе акты относящіеся къ тому же предмету въ мѣстныхъ архивахъ, наконецъ—онъ тщательно собиралъ и записывалъ устные разсказы очевидцевъ или по преданію. Часть собраннаго такимъ путемъ матеріала Н. Г. обработалъ въ отдѣльныя статьи (какъ напр. „Разсказы о пребываніи Императора Павла I въ селѣ Мошкѣ, во время путешествія своего въ г. Казань, чрезъ Муромъ, въ 1798 году“—„Влад. Губ. Вѣд. 1877 г., № 41; „Пребываніе Императора Павла I Петровича въ г. Муромѣ, въ 1798 г.“—1878 г., №№ 8, 39 и 40 (обѣ статьи перепечатаны въ „Ежегодникѣ“, т. II (1878 г.), столб. 101—119); „Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ г. Муромѣ въ 1837 г.“—1883 г., №№ 33 и 34,—тоже въ „Ежегодникѣ“, т. V, 1885 г., столб. 1—12 и тоже отд.: 8°, 24 стр.; „Державные гости въ гор. Муромѣ. 1445—1837 г.г.“—1887 г., №№ 23—30,—тоже перепеч. въ „Ежегодникѣ“, т. VI, и тоже отд.: 8°, 1887 г. 108 стр.; „Изъ прошлаго города Мурома съ округой. (Вторая половина XVIII столѣтія“)—1894 г., № 48; 1895 г, №№ 9, 11, 18, 25, 26, 32—38; „Воспоминаніе о пребываніи московскихъ святынь въ г. Муромѣ въ 1812 году“—въ „Памятн. книжкѣ Владимір. губ. 1895 г.“, стр. 61—67, и отд. 8°, 7 стр; „Къ столѣтію дня кончины Императрицы Екатерины II“—„Влад. Губ. Вѣд.“, 1896 г., № 49; „Въ память пребыванія Императора Павла I въ г. Муромѣ въ 1798 г.“—1899 г., № 41 и отд. 16°, 16 стр.), частію издалъ цѣликомъ, снабдивъ

только своими предисловіями и примѣчаніями („Записки А. А. Титова 1-го"; „Записки А. А. Титова 2-го"; „Записки Капустина"—во „Влад. Губ. Вѣд." 1886 г., № 26, а въ № 25 Добрыкинъ помѣстилъ біографическія свѣдѣнія объ обоихъ Титовыхъ; „Статистическое обозрѣніе гор. Мурома", составлен. А. А. Титовымъ—въ „Памятн. книжкѣ Владимір. губерніи" 1900 г., стр. 27—56; „Историческое обозрѣніе гор. Мурома" соч. А. А. Титова, съ краткимъ біографич. очеркомъ автора и портретомъ его—въ „Трудахъ Влад. Губ. Ученой Архивной Коммиссіи", кн. 4 я, 1902 г., 99 стр.), наконецъ, многое напечаталъ Николай Гавриловичъ въ видѣ сырого матеріала,—таковы всѣ грамоты, челобитныя, выписи, записи и т. п. (см. „Влад. Губ. Вѣд. 1872 г., № 39; 1875 г., № 7; 1876 г., №№ 22 и 32; 1878 г., №№ 10, 12, 13, 28 и 29; 1880 г., №№ 16 и 46; 1881 г., № 16; 1884 г., № 9; 1886 года, № 25; 1897 г., №№ 9, 10 и 52; въ „Ежегодникѣ" Влад. Губ. Статистич. Комитета, т. II (1878 г.), столб. 219—225 и 230—231; т. III (1880 г.], столб. 366—372; въ „Памятн. книжкѣ Владимір. губ." 1895 г., стр. 110—112, и отдѣльно, 8°, 3 стр.).

Намъ остается дополнить не многимъ, чтобы получился полный списокъ статей Н. Г. Добрыкина. Когда строилась Муромская желѣзная дорога, Николай Гавриловичъ помѣстилъ нѣсколько статей какъ о значеніи этой дороги, такъ и о порядкахъ на ней: „Сооруженія Муромской желѣзной дороги" (1873 г., № 1); „Поѣздка по Муромской желѣзной дорогѣ"

(1880 г., №№ 30 и 33; 1881 г., №№ 19, 28 и 32).—Въ IV томѣ „Ежегодника“ (1883 г.) онъ помѣстилъ замѣтку „Офенскій языкъ въ Вязниковскомъ уѣздѣ“ (столб. 15—16), служащую дополненіемъ къ изслѣдованію по тому же предмету И. А. Голышева. Въ изданномъ А. А. Живиовскимъ въ 1891 году „Муромскомъ календарѣ“ Добрынкинъ помѣстилъ „Краткій очеркъ гор. Мурома“ и „Сравнительное время“ (стр. 17—18); наконецъ его, какъ гласнаго Муромскаго уѣзднаго земскаго собранія, „Мнѣніе о выясненіи нуждъ земледѣлія во Владимірской губерніи и о мѣрахъ къ ихъ удовлетворенію“ было напечатано въ „Вѣстникѣ Владимірскаго Губернскаго Земства“, 1896 г., № 2, стр. 93—98.

Предъ нами прошелъ длинный рядъ замѣтокъ, статей и даже цѣлыхъ монографій, написанныхъ Добрынкинымъ; все это, касающееся по преимуществу двухъ уѣздовъ—Меленковскаго и Муромскаго,—краснорѣчиво говоритъ намъ о необыкновенномъ трудолюбіи автора и близкомъ знакомствѣ его съ предметами изслѣдованія, со всѣми условіями жизни описываемыхъ уѣздовъ.

Изъ массы написаннаго Добрынкинымъ особенно выдѣляются его обширныя изслѣдованія уѣздовъ въ сельско-хозяйственномъ, топографическомъ, географическомъ и другихъ отношеніяхъ. Здѣсь авторъ, не мудрствуя лукаво, даетъ подробное и точное описаніе изслѣдуемаго края въ томъ или другомъ отношеніи, и въ общемъ получается довольно полная картина, освѣщенная съ разнообразныхъ сторонъ. Нельзя

ставить въ упрекъ неутомимому труженику, если въ его работахъ не найдемъ мы строго и научно обоснованныхъ выводовъ и широкихъ обобщеній: давая вездѣ матеріалъ достовѣрности, не подлежащей сомнѣнію, авторъ и не задавался широкими задачами,—онъ только регистрировалъ факты, предоставляя другимъ дѣлать изъ нихъ научные выводы. Да и ждать работъ другого рода отъ Добрынкина было бы неосновательно. Получившій, какъ мы видѣли, довольно скудное образованіе, Николай Гавриловичъ долженъ былъ работать въ глухой провинціи, гдѣ людей науки и вообще людей литературнаго труда почти совсѣмъ нѣтъ, гдѣ, стало быть, для скромныхъ тружениковъ нѣтъ ни авторитетныхъ руководителей, ни какихъ либо пособій,—работай каждый за свой страхъ и по своему разумѣнію. Большое еще счастье, что въ провинціи находятся такіе любители, какимъ былъ во Владимірской губерніи К. Н. Тихонравовъ: они пробуждаютъ интересъ къ общей работѣ на пользу роднаго края и мало-по-малу привлекаютъ къ этому скромныхъ тружениковъ, добровольныхъ работниковъ. Эти любители—руководители играютъ весьма важную роль въ жизни провинціи,—не будь ихъ, она еще долго бы дремала.

При обзорѣ литературной дѣятельности Н. Г. Добрынкина мы уже упоминали, что онъ неустанно собиралъ всевозможные предметы древности; изъ всего этого у него составилась довольно интересная коллекція грамотъ, монетъ, вещей, фотографій и проч. Всѣмъ этимъ онъ охотно дѣлился съ интересующи-

Ксенофонтъ Ѳедоровичъ Надеждинъ.

мися, показывая и объясняя каждую вещь. И здѣсь, въ кабинетѣ Николая Гавриловича, каждый любитель могъ найти если не подлинникъ, то самое точное изображеніе тѣхъ древностей, которыми богатъ Муромскій край.

Служба Добрынкина по Губернской Чертежной продолжалась до 25 мая 1880 года; въ іюлѣ (26) 1883 г. онъ былъ опредѣленъ въ штатъ канцеляріи Владимірскаго Губернатора, въ 1890-хъ годахъ выступилъ, какъ владѣлецъ крупнаго земельнаго участка, въ роли общественнаго дѣятеля: съ 1894 по 1900 г. былъ гласнымъ Муромскаго уѣзднаго земства, состоялъ нѣсколько лѣтъ членомъ уѣзднаго училищнаго совѣта, а въ 1899 и 1900 г.г. (до 18 ноября) былъ и предсѣдателемъ Муромской уѣздной земской управы (по назначенію). Но вся эта служба скорѣе, можно сказать, отвлекала его отъ любимыхъ занятій. Литературные труды, и только они, сдѣлали имя его широко извѣстнымъ. Такъ 31 марта 1876 г. Юрьевское Общество сельскаго хозяйства избрало его членомъ-корреспондентомъ; за изученіе Добрынкинымъ крестьянскаго хозяйства и кустарной промышленности Императорское Вольно-Экономическое Общество 15 іюня 1878 г. избрало его въ члены-сотрудники; бывшій въ 1897 г. въ Москвѣ международный конгрессъ обратилъ особое вниманіе на представленное Николаемъ Гавриловичемъ собраніе рисунковъ по изученію флоры Муромскаго уѣзда и за это Императорское Русское Общество по акклиматизаціи животныхъ и растеній присудило ему 1 октября 1897 г. свидѣтельство на

бронзовую медаль. Наконецъ, съ 26 ноября 1898 г. Н. Г. Добрынкинъ вошелъ въ составъ членовъ-учредителей Владимірской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи.—За тѣ же литературные труды онъ не одинъ разъ былъ жалованъ и Высочайшими наградами: 5 декабря 1877 г.—орденомъ Станислава 3 ст., 9 апрѣля 1889 г.—орденомъ св. Анны 3 ст. и 16 декабря 1899 г.—орденомъ Станислава 2 ст.—Кромѣ того, въ 1887 г., за поднесеніе Государю Императору экземпляра сочиненія „Державные гости въ гор. Муромѣ съ 1445 по 1837 г." ему объявлена была 22 декабря благодарность Его Величества.—Дослужился Добрынкинъ до чина (съ 19 ноября 1898 г.) титулярнаго совѣтника.

Итакъ, мы видимъ, что Н. Г. Добрынкинъ прожилъ свой вѣкъ не безплодно: онъ, не жалѣя силъ, работалъ на пользу общества и края, ставшаго второй его родиной, работалъ, не заботясь объ извѣстности, работалъ безкорыстно, безъ всякой задней мысли, вполнѣ довольный сознаніемъ, что не зарылъ своего таланта. Работалъ онъ не ослабѣвая до послѣднихъ дней и готовъ былъ работать еще долго, такъ какъ матеріала было уже собрано имъ на многіе годы. Но вдругъ все измѣнилось, измѣнилось совершенно неожиданно для него и для знавшихъ его. Страдая въ послѣдніе годы ослабленною дѣятельностію сердца, Николай Гавриловичъ не рѣдко жаловался на стѣсненіе въ груди и на одышку. Это страданіе свело его и въ могилу. Проведя лѣто на дачѣ, въ концѣ августа 1902 г. Н. Г. вернулся въ Муромъ, но ви-

димому, вполнѣ здоровый; но здѣсь скоро прежніе припадки возобновились и до такой степени усилились, что пришлось лечь въ постель. Принятыя всевозможныя мѣры ни къ чему не привели, и 31 августа 1902 г., въ 5 ч. утра Добрынкинъ скончался.

О немъ см. „Владимір. Губернскія Вѣдомости" 1902 г., №№ 37 и 38 (краткое извѣстіе о смерти Добрынкина, въ № 37, А. В. Смирнова, и некрологъ, составл. Н. П. Травчеговымъ; послѣдній изд. и отд.: 16⁰, 10 стр.—„Труды Влад. Ученой Архивн. Коммиссіи", кн. 5-я, 1903 г., въ отдѣлѣ „Хроника", стр. 19; кн. 6-я, 1904 г., въ отдѣлѣ «Приложенія»—„Портретн. галлерея", А. В. Смирнова, вып. 3-й, стр. 7—8, съ портретомъ.—„Историч. Вѣсти." 1902 г., № 11, стр. 823—824.—Большая часть свѣдѣній взята изъ рукописной автобіографіи, послужного списка и писемъ Д—на къ К. Н. Тихонравову (въ архивѣ Влад. Учен. Архив. Коммиссіи).

LII.

К. Ѳ. Надеждинъ.

Ксенофонтъ Ѳедоровичъ Надеждинъ, одинъ изъ самыхъ любимыхъ преподавателей Владимірской Духовной Семинаріи, довольно извѣстный историческій писатель, былъ сынъ не менѣе извѣстнаго по Владимірской губерніи протоіерея каѳедральнаго собора во Владимірѣ и родился 18 января 1840 г.

Біографія К. Ѳ. до чрезвычайности проста: въ послужномъ его спискѣ никакихъ выдающихся подви-

гозъ не отмѣчено, съ внѣшней стороны жизнь его прошла тихо, скромно; но въ этомъ и вся красота, вся обаятельность личности Ксенофонта Ѳедоровича.

Дѣтство Надеждина прошло при рѣдкостной обстановкѣ по тому времени для дѣтей духовнаго званія: любимецъ родителей, кажется — первенецъ ихъ, онъ избавленъ былъ отъ необходимости знакомства со спартанской жизнью, которая для большинства дѣтей духовенства была „неизбѣжнымъ удѣломъ", не знакома ему была и бурсацкая жизнь во время ученія. Отецъ Ксенофонта Ѳедоровича, человѣкъ съ высшимъ образованіемъ, при томъ же — преподаватель въ мѣстныхъ духовныхъ заведеніяхъ, имѣлъ возможность сразу поставить воспитаніе и образованіе любимаго сына на надлежащій путь, и молодой Надеждинъ при богатыхъ природныхъ дарованіяхъ учился хорошо и во Владимірскомъ духовномъ училищѣ (1848—1854), и въ Духовной Семинаріи (1854—1859). Въ 1859 г., когда К. Ѳ. прошелъ только еще первую половину богословскаго курса, онъ посланъ былъ для продолженія образованія въ С.-Петербургскую Духовную Академію, гдѣ и окончилъ курсъ обученія въ 1863 г. со степенью кандидата. Правда, въ академическомъ спискѣ Надеждинъ занялъ далеко не одно изъ первыхъ мѣстъ; чѣмъ это обусловливалось, мы не знаемъ; впрочемъ, это и не важно,—вѣдь давно извѣстно, что списки учебныхъ заведеній почти всегда бываютъ сами по себѣ, а жизнь человѣка—сама по себѣ. Кандидатское сочиненіе К. Ѳ., однако нужно отмѣтить, не было заурядной отпиской, но большей части год-

ной только для формы и находящей пріютъ, и то изрѣдка, на страницахъ мѣстныхъ, нанчаще—захудалыхъ, епархіальныхъ вѣдомостей. Нѣтъ, въ настоящемъ случаѣ было дѣло другого рода: кандидатское сочиненіе К. Ѳ-ча—«Споры безпоповцевъ Преображенскаго кладбища и Покровской часовни о бракѣ»—сначала было напечатано въ «Православномъ Обозрѣніи» (т. XV, 1864 г., № 10, стр. 139—165, и № 11, стр. 236—271), а потомъ выдержало два изданія—Спб., 1865 г. 8° и, 2-е дополненное, во Владимірѣ, 1877 г. 8°. Это, сравнительно небольшое по объему, сочиненіе произвело въ свое время шумъ въ литературѣ,—о немъ появились многочисленные отзывы въ передовой литературѣ того времени (въ «Современникѣ», «Отеч. Записк.», «Христіан. Чтен.», «Голосѣ» и мн. др.).

Кончивъ курсъ въ Академіи, К. Ѳ. Надеждинъ 24 января 1864 г. былъ назначенъ въ родную Владимірскую семинарію преподавателемъ церковно-библейской исторіи, 1 сентября 1867 г. перемѣщенъ на классъ богослужебныхъ книгъ и всеобщей исторіи, а при преобразованіи семинаріи ему поручено было преподаваніе гражданской исторіи, которое онъ и велъ до конца своей жизни.

Карьера преподавателя въ любомъ среднемъ учебномъ заведеніи почти всюду слишкомъ однообразна и здѣсь болѣе всего приложимо дѣленіе на добрыхъ и злыхъ, и для этого берется критеріемъ щедрость преподавателя на классныя отмѣтки. А все прочее—по заведенному шаблону. К. Ѳ. Надеждинъ менѣе всего

мостъ быть расцѣниваемъ съ этой точки. Онъ съ самаго начала своей преподавательской дѣятельности заслужилъ общую любовь воспитанниковъ совсѣмъ иными своими качествами. Прежде всего онъ противникъ былъ спрашиванія заданнаго урока и задаванія къ слѣдующему — «съ этихъ до этихъ»; почти все назначенное время онъ проводилъ въ разсказываніи и живостью изложенія увлекалъ учениковъ. Разсказывалъ онъ, конечно, не по учебнику, напр., Иловайскаго, а въ томъ объемѣ, какъ самъ зналъ, со всѣми подробностями, — не помѣщаемыми въ учебникахъ, но печатаемыми въ различныхъ изданіяхъ; боязни за либеральность мнѣній у Ксенофонта Ѳедоровича не было, не считалъ онъ вреднымъ и знакомство воспитанниковъ съ новыми мнѣніями и подробностями; XVIII в. русской исторіи былъ особенно увлекателенъ въ разсказахъ Надеждина. Рѣчь его часто прошпиговывалась подходящими анекдотами и тѣмъ еще болѣе оживлялась сама по себѣ и возбуждала слушателей. Такая постановка дѣла преподаванія, естественно, среди мертвящей схоластики, вносила въ молодые умы воспитанниковъ много полезнаго. И это воспитанники съ первыхъ же годовъ дѣятельности К. Ѳ-ча очень скоро поняли и довольно вѣрно оцѣнили.

Вотъ что было напечатано въ 1865 г., т.-е. ровно черезъ годъ послѣ того, какъ К. Ѳ. Надеждинъ поступилъ въ число преподавателей Владимірской семинаріи. «Въ семинарію недавно явился одинъ молодой наставникъ.... Молодой человѣкъ съ благороднымъ рвеніемъ принялся за свой предметъ и, отброся вся-

кую рутину и старинный школьный схоластицизмъ семинарій, заговорилъ живымъ и толковымъ образомъ съ своими слушателями. Семинаристы такъ были обрадованы появленіемъ необыкновеннаго наставника въ ихъ средѣ, съ такимъ усердіемъ внимали его рѣчамъ, такъ коротко сблизились съ нимъ и такъ горячо полюбили его, что рѣшились непремѣнно заявить ему свою признательность какимъ-нибудь торжественнымъ образомъ». Между прочимъ, поднесенъ былъ адресъ. И это былъ не единственный случай въ жизни Ксенофонта Ѳедоровича: въ бумагахъ его сохранилось даже очень много документовъ, свидѣтельствующихъ съ очевидностью—какъ сердечно любили и глубоко уважали хорошаго наставника воспитанники,—здѣсь видимъ и стихи, и прозу, на подобіе того, какъ это практиковалось въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтій, только безъ тогдашнихъ трескучихъ фразъ. Приведемъ здѣсь одинъ—два примѣра, и намъ ясно будетъ, чѣмъ такъ привлекалъ къ себѣ Ксенофонтъ Ѳедоровичъ. «Любящимъ сердцемъ ты отозвался къ думамъ сердечнымъ и нашимъ надеждамъ, въ словѣ твоемъ намъ открылся міръ новыхъ желаній и новыхъ стремленій,—и мы тебя полюбили за слово живое и къ доброму дѣлу живое участье. Все то, что не ясно мы сами любили, въ то вѣру живую ты въ насъ пробудилъ, и мы тебя полюбили за то, что жизнью одною съ нами ты жилъ». А вотъ и другое посланіе: «Позвольте сказать вамъ, Ксенофонтъ Ѳедоровичъ, нѣсколько словъ, словъ искреннихъ и правдивыхъ. Вы такъ говорили: «живите, братцы, не для почестей, не

для славы и денегъ, а для пользы людей нуждающихся въ помощи матеріальной и нравственной, людей добрыхъ, простыхъ, трудолюбивыхъ, но бѣдныхъ и угнетенныхъ, и ваша жизнь будетъ истинно честная жизнь. Полюбите простого русскаго селянина, у котораго жизнь полна труда, заботъ и недостатковъ, у котораго съ рукъ мозоли никогда не сходятъ, у котораго армячишко худой на плечахъ да лапти на истомленныхъ ходьбою ногахъ,—вотъ все его состоянье,—такихъ полюбите, объ нихъ вы заботтесь, объ нихъ вы страдайте душой,—вотъ ваше святое призванье. Словомъ, украшайте себя не внѣшними отличіями, а любовью тѣхъ, для кого вы служить будете....» Эти не многія слова, полныя глубокаго смысла и сказанныя отъ души, тронули наши молодые сердца и умы. За нихъ-то мы отъ «искренняго сердца» воздаемъ вамъ благодарность. И пусть это благородное и дорогое для насъ ваше пожеланіе «жить въ сельской природѣ, жить просто и на пользу бѣдняковъ» останется при насъ на всю жизнь и воспоминаніе о немъ свяжетъ насъ съ вами въ общій братскій союзъ...»

К. Ѳ. Надеждинъ, подробно изучившій былую жизнь родной семинаріи, несомнѣнно, глубоко цѣнилъ проявляемую любовь къ нему воспитанниковъ; но едва ли онъ ожидалъ, что въ день 25-лѣтняго юбилея педагогической дѣятельности такъ широко и такъ единодушно будетъ онъ почтенъ вниманіемъ и своихъ учениковъ, бывшихъ и настоящихъ, и своихъ сослуживцевъ, и даже постороннихъ лицъ. Въ былыя времена подобныя чествованія имѣли мѣсто только въ отношеніи

лицъ высокопоставленныхъ, напр. мѣстныхъ архіереевъ, а скромные преподаватели никогда и не мечтали о чемъ-нибудь подобномъ. 25-лѣтній юбилей Ксенофонта Ѳедоровича превзошелъ всякія ожиданія, онъ оказался событіемъ чрезвычайнымъ. По сохранившимся рукописнымъ матеріаламъ видно, что день 24 января 1889 г. былъ для юбиляра въ высокой степени знаменательнымъ. Въ этотъ день, какъ бы въ предчувствіи близкой кончины (съ небольшимъ черезъ годъ), былъ подведенъ итогъ дѣятельности преподавателя; въ этомъ итогѣ мы видимъ всеобщую любовь всѣхъ знавшихъ юбиляра, искреннюю благодарность за все сдѣланное и единодушное признаніе заслугъ его для родной семинаріи. Не имѣя возможности перечислять здѣсь выраженныя чувства поздравителями въ многочисленныхъ письмахъ, телеграммахъ, привѣтствіяхъ и проч., отмѣтимъ только, что воспитанники семинаріи выработали даже особую программу чествованія, которую предварительно и отправили къ К. Ѳ. Надеждину; въ этой программѣ сказано: «Депутація отъ воспитанниковъ семинаріи имѣетъ прибыть къ Вамъ для поднесенія иконы и подарковъ 29 января въ 11½ час. дня. При поднесеніи будетъ соблюденъ слѣдующій порядокъ: 1) Пѣвчіе семинарскаго хора проноютъ концертъ «Сей день». 2) Рѣчь воспитанника VI класса. 3) Концертъ «Отрыгну сердце мое». 4) Рѣчь воспитанника II класса. 5) Многолѣтіе».

Въ юбилейныхъ рѣчахъ, тоже сохранившихся, отмѣчается и другая черта Ксенофонта Ѳедоровича—

готовность его помогать «тѣмъ изъ семинаристовъ, которые вслѣдствіе какой-либо печальной случайности поставлены были въ необходимость выдти изъ семинаріи и вступить въ жизнь, не имѣя часто ни одной копѣйки. Къ кому же приходится обратиться за помощью и совѣтомъ такому человѣку? Къ кому, какъ не къ Ксенофонту Ѳедоровичу? Ксенофонтъ Ѳедоровичъ и совѣтъ подастъ, и урокъ найдетъ у знакомыхъ, или пріищетъ какое-нибудь занятіе,—однимъ словомъ, сдѣлаетъ все, что только можетъ». Вообще, по словамъ одного бывшаго ученика его, К. Ѳ. былъ весь—«одна любовь къ ближнему», преданъ одному своему дѣлу и своимъ питомцамъ, которыхъ онъ любилъ всею полнотою своего сердца, за которыхъ однихъ онъ болѣлъ и страдалъ всею своею душею и котораго любовь согрѣвала ихъ юношескія сердца и умы».

Таковъ былъ Надеждинъ для воспитанниковъ семинаріи; такимъ же, какъ оказывается, онъ былъ и для своихъ сослуживцевъ. «Это не былъ сухой, замкнутый въ себѣ эгоистъ,—говоритъ другой его бывшій ученикъ, послѣ сотоварищъ по службѣ: простота, искренность, задушевность были отличительными чертами его характера. Общіе товарищескіе интересы и нужды всегда находили сочувственный откликъ въ его добромъ сердцѣ; его благодушный юморъ и мѣткое, нелишенное остроумія, слово оживляло товарищескія бесѣды, а сохранившаяся въ немъ до послѣднихъ дней душевная свѣжесть ободряла тѣхъ, кто начиналъ падать духомъ подъ гнетомъ житейской обстановки».

Сказанными немногими словами можно бы и закончить характеристику Ксенофонта Ѳедоровича; но намъ желательно добавить нѣкоторыя мелочи, чтобы личность Надеждина выступала болѣе рельефно и чтобы не было никакихъ недоразумѣній... Какъ человѣкъ причастный къ литературѣ, онъ до безконечности былъ радъ, если кто изъ его воспитанниковъ выступалъ въ томъ или иномъ изданіи съ печатнымъ словомъ, а особенно еще будучи семинаристомъ. Въ началѣ 1870-хъ годовъ одинъ изъ воспитанниковъ 4-го класса помѣстилъ въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» этнографическій очеркъ, довольно обширный и хорошо составленный. Ксенофонтъ Ѳедоровичъ какъ только узналъ это, на первомъ же урокѣ очень горячо привѣтствовалъ молодого автора, Ѳ. П. С--го, всячески ободрялъ его и искренно благословлялъ на дальнѣйшіе труды. Въ тѣ же 1870-е годы было сильное стремленіе у семинаристовъ къ поступленію въ высшія учебныя заведенія, тѣмъ болѣе, что тогда можно было дѣлать это по окончаніи четвертаго класса. Семинарское начальство, естественно, косо смотрѣло на это поголовное бѣгство изъ семинаріи, главнымъ образомъ—лучшихъ учениковъ. Надеждинъ относился къ этому явленію въ семинарской жизни совершенно иначе, чѣмъ начальство: «бѣглецы» у Ксенофонта Ѳедоровича, да еще у А. П. Серебрянскаго находили самую полную поддержку въ своихъ стремленіяхъ. А это при различнаго рода запугиваніяхъ со стороны начальства значило очень и очень много... Въ товарищескую среду сослуживцевъ Надеждинъ, какъ было упомянуто выше,

хо.я и вносилъ много оживленія, но—надо сказать прямо—тамъ же онъ преждевременно шелъ и къ концу своей карьеры. Дѣло въ томъ, что вся атмосфера того времени мало благопріятствовала движенію впередъ: хотя у К. Ѳ-ча и былъ порядочный кружокъ сверстниковъ-сослуживцевъ, хотя этотъ кружокъ старался много работать умственно, но окружающая среда, старая, дореформенная, мало по малу накладывала свою печать, и молодое поколѣніе въ семинарской корпораціи, благодаря отсутствію научныхъ интересовъ въ общей средѣ и въ лучшихъ случаяхъ безразличному отношенію къ нимъ, естественно, постепенно погружалось въ провинціальную тину и тамъ находило развлеченіе въ обычномъ времяпрепровожденіи. Это, само собою, клало отпечатокъ усталости, научнаго интереса стало проявляться меньше, и Ксенофонтъ Ѳедоровичъ подъ конецъ своей дѣятельности какъ бы замеръ въ извѣстномъ положеніи и неохотно двигался впередъ. Не хотимъ этимъ сказать, что Надеждинъ въ послѣдніе годы потерялъ много обаятельнаго,—нѣтъ, онъ оставался и въ это время интересующимся общественною жизнью, любящимъ свой предметъ; онъ, какъ и прежде, готовъ былъ дѣлиться съ учениками всевозможными свѣдѣніями, интересовался ихъ работами, занятіями, но во всемъ этомъ было уже менѣе свѣжести,—повторяемъ, онъ какъ бы усталъ...

Воспитанники по прежнему любили Ксенофонта Ѳедоровича и хранили въ немъ какъ что-то особенно дорогое, все рѣже и рѣже встрѣчаемое: эту любовь особенно подчеркнули они въ день юбилея Надеж-

дина, на это же указываютъ и сохранившіяся записочки въ родѣ слѣдующихъ: «Воспитанники просятъ у Васъ извиненія за причиненное Вамъ безпокойство во время Вашего урока 31 октября», или—«... просятъ извиненія въ томъ, что шумно сидѣли 6 февраля во время Вашего урока». Какъ это, можетъ быть, ни странно можетъ казаться, но въ присылкѣ подобныхъ записокъ проглядывала только особенная любовь къ наставнику,—не многіе изъ послѣднихъ «удостоивались» полученія такихъ записокъ въ семинаріи.

Нельзя не отмѣтить и того весьма рѣдкаго и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко знаменательнаго явленія во Владимірской семинаріи, въ которомъ близкое участіе принималъ К. Ѳ. Надеждинъ. Въ 1860-хъ годахъ, при пробужденіи въ обществѣ жажды знанія, не отстали въ этомъ и владимірскіе семинаристы: не довольствуясь офиціальными уроками, они обращаются къ нѣкоторымъ изъ наставниковъ съ просьбою читать имъ лекціи частнымъ образомъ. Наставники, понятно, выбирались лучшіе, а въ числѣ ихъ былъ и Ксенофонтъ Ѳедоровичъ.

Изъ изложеннаго выше видимъ, что извѣстность К. Ѳ. Надеждина создалась не какими-нибудь особыми подвигами, не дѣятельностью на виду у всего общества. Нѣтъ, онъ дѣйствовалъ тихо, скромно, только въ тѣсномъ кругу близкихъ людей. Служебная карьера Ксенофонта Ѳедоровича была также очень скромна, какъ вообще скромна она у всякаго преподавателя.

Впрочемъ, и у Надеждина были «подвиги» общеизвѣстные, но не ими создалась слава его. Говоримъ о литературной дѣятельности Ксенофонта Ѳедоровича.

Какъ уже упомянуто было, первый литературный опытъ К. Ѳ-ча обратилъ на себя вниманіе въ литературѣ: но это было только начало, по справедливости говоря—все же не совсѣмъ удачное и даже, судя по заявленію А. Вескинскаго (А. Г. Вишнякова), не вполнѣ тактичное (см. «Книжн. Вѣстн.» 1864, № 24). Дальнѣйшіе литературные труды Ксенофонта Ѳедоровича имѣли гораздо большее значеніе, а нѣкоторые изъ нихъ вызвали такіе отзывы, какихъ въ нашей литературѣ уже не такъ много.

Поступя на службу во Владимірскую семинарію, Надеждинъ, надо думать, немедленно приступилъ къ собиранію матеріаловъ по исторіи этого учебнаго заведенія. Какъ оказалось впослѣдствіи, обширные матеріалы, которыми воспользовался К. Ѳ., были не только во Владимірѣ, но и въ Суздалѣ, въ бывшемъ тамъ такъ называемомъ старомъ консисторскомъ архивѣ. Но и помимо матеріаловъ въ Суздалѣ, Владимірскіе матеріалы (архивы консисторскій и семинарскій) даютъ такую массу исписанной бумаги, что на просмотръ только ихъ должно уйти много и много времени. Что такая гигантская работа не смутила Ксенофонта Ѳедоровича,—это нисколько не удивительно: онъ былъ въ полномъ разцвѣтѣ силъ, здоровый, энергичный, только что со школьной скамьи; несомнѣнно, онъ жаждалъ работы и потому быстро принялся за нее; но здѣсь поражаетъ именно то, что

менѣе чѣмъ черезъ годъ онъ уже приступилъ къ ея печатанію. Это былъ—«Очеркъ исторіи Владимірской Семинаріи»; онъ начатъ печатаніемъ съ перваго же № только что возникшихъ въ 1865 г. «Владимірскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» (см. 1865 г., № 1, стр. 56—64; № 2, стр. 128—133; № 14, стр. 770—781; 1866 г., № 4, стр. 169—179; № 10, стр. 541—545; 1867 г., № 9, стр. 430—439; № 23, стр. 1068—1082; 1868 г., № 16, стр. 779—798; № 17, стр. 823—843; № 23, стр. 1109—1125, и № 24, стр. 1178—1191). Правда, этотъ «Очеркъ» печатался четыре года и это дало возможность автору болѣе подробно изучить матеріалы, да и послѣ, до выпуска въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ, онъ продолжалъ расширять свой очеркъ (см. «Изъ преданій о первомъ ревизорѣ Владимірской семинаріи Филаретѣ, впослѣдствіи митрополитѣ московскомъ» — въ «Душеполезномъ Чтеніи» 1870 г., № 1, стр. 9—13, откуда перепечатано во «Влад. Епарх. Вѣдом.» 1873 г. № 9, стр. 249—255; «Матеріалы для исторіи Владимірской семинаріи. Празднества Владимірской семинаріи въ прежнее время. (I. День св. Іустина Философа»)—во «Влад. Епарх. Вѣд.» 1873 г., № 11, стр. 325—336); но все же общій планъ сочиненія былъ сдѣланъ съ самаго начала и авторъ, видимо, еще до печатанія строго систематизировалъ весь матеріалъ. Въ 1875 г. это сочиненіе Ксенофонтомъ Ѳедоровичемъ было издано отдѣльной книжкой («Исторія Владимірской духовной семинаріи. Съ 1750 года по 1840 годъ. Вла-

димiръ на Клязьмѣ. Печатня А. А. Александровскаго. 1875. 8°. 181+II стр.+1 рисунокъ). По словамъ извѣстнаго профессора П. В. Знаменскаго (см. «Записки Император. Академіи Наукъ по историко-филологическому отдѣленію», т. VII, № 3, стр. 111, 120—121) «книга эта, одного изъ лучшихъ историковъ семинарскаго быта, представляла тогда (въ 1875 г.) собою замѣчательное явленіе среди другихъ исторій нашихъ духовно-учебныхъ заведеній. Написанная прекраснымъ литературнымъ языкомъ на основаніи новыхъ архивныхъ данныхъ и живыхъ преданій среди епархіальнаго духовенства, она давала читателю такое осмысленное и художественное воспроизведеніе старой семинарской жизни (до 1840 г.), какого въ духовной, да и во всей русской ученой литературѣ до него еще ни разу не встрѣчалось».

Такимъ образомъ мы видимъ, что К. Ѳ. Надеждинъ и свой главный литературный трудъ отдалъ на изученіе того же страстно любимаго имъ предмета,—на изученіе прошлаго того учебнаго заведенія, гдѣ онъ учился самъ и гдѣ впослѣдствіи снискалъ себѣ выдающуюся славу. Въ бумагахъ послѣ Ксенофонта Ѳедоровича, какъ намъ извѣстно, нашлось не мало собранныхъ имъ произведеній семинаристовъ прежняго времени; все это, конечно, имѣло и имѣетъ значеніе только съ исторической стороны, но Надеждинъ эти произведенія доморощенныхъ «піитовъ» тщательно розыскивалъ и бережно, какъ нѣчто особенно дорогое, хранилъ. Наконецъ, послѣ К. Ѳ. остались въ рукописи два произведенія, изъ коихъ одно—довольно

Ксенофонтъ Ѳедоровичъ Надеждинъ.

объемистое—«Семинарскія пѣсни»—находится теперь въ распоряженіи мѣстной Ученой Архивной Комиссіи и предназначено къ напечатанію въ «Трудахъ» ея.

Изъ другихъ литературныхъ произведеній Надеждина извѣстны намъ слѣдующія. «Журналъ раскольническій *Истина*»—«Православное Обозрѣніе», 1866, № 7, стр. 316—332; «Дѣятельность редакціи журнала *Истина*»—тамъ же, 1867. № 1, стр. 91—111; «Рукописи по расколу въ библіотекѣ Владимірской семинаріи»—тамъ же, 1867, № 8, стр. 379—389; № 9, стр. 78—86, и 1868, № 12, стр. 417—426; «Матеріалы для исторіи Владимірской семинаріи. I. Историческое описаніе о состояніи духовныхъ училищъ въ гор. Суздалѣ прежде бывшихъ и нынѣ находящихся. Записка составлен. протоіер. *Д. Смирновымъ*.—II. Историческая записка о Переславской семинаріи»—«Владим. Епарх. Вѣдом.» 1874, № 20, стр. 1019—1024, и № 23, стр. 1179—1184; «Рѣчь въ торжественномъ собраніи Владимірской духовной семинаріи 12 декабря 1877 г. по случаю празднованія столѣтняго юбилея со дня рожденія Государя Императора Александра I»—тамъ же, 1878, № 2, стр. 41—49; «Повѣсть инока Симеона іерея суждальца: како римскій папа Евгеній составляль осмый соборъ съ своими единомышленниками»—тамъ же, 1879, № 3, стр. 63—76; «Юбилеи 1880 года (500-лѣтіе Куликовской битвы, 400-лѣтіе сверженія татарскаго ига и 25-лѣтіе царствованія Царя-Освободителя)»—тамъ же, 1880 г., № 6, стр. 156—164; «Стихотворныя посланія Словцова къ Сперан-

скому и Сперанскаго къ Словцову»—тамъ же, 1882, № 5, стр. 113—124; «Противники и сторонники семейной жизни въ расколѣ»—тамъ же, 1882, № 15, стр. 421—435; «Васильевскія» мѣдныя створчатыя двери, находящіяся нынѣ въ Александровскомъ Троицкомъ соборѣ Успенскаго дѣвичьяго монастыря»—тамъ же, 1885, № 21, стр. 613—620, и № 22, стр. 659—666; «Письма и цидули. (Образцы писемъ первыхъ годовъ настоящаго и прошлаго столѣтій)»—1886 г., № 16, стр. 437—444; кромѣ того, въ тѣхъ же «Вѣдомостяхъ» Надеждинымъ въ 1882 (№ 16) и въ 1885 (№ 9) помѣщены двѣ рецензіи. Вотъ весь, кажется—въ довольно полномъ объемѣ, литературный багажъ Ксенофонта Ѳедоровича, разбирая который видимъ движеніе литературной дѣятельности Надеждина по двумъ направленіямъ—по исторіи раскола и по исторіи духовно-учебныхъ заведеній. Совершенно случайно ставши историкомъ раскола, Ксенофонтъ Ѳедоровичъ до нѣкоторой степени увлекся этимъ предметомъ и на основаніи попадавшихъ къ нему письменныхъ памятниковъ составилъ нѣсколько очерковъ, по отзыву знатоковъ—далеко не безплодныхъ, вносящихъ въ исторію раскола новое освѣщеніе. Что касается остальныхъ статей, касающихся археологіи и древней письменности («Цидули», «Стихотворныя письма» и др.), то все это относится къ той же церковной археологіи и трактуетъ о бытѣ того же духовенства, которое было такъ близко сердцу Ксенофонта Ѳедоровича. Въ этихъ статьяхъ «превосходно популяризированъ научный матеріалъ: легкая литера-

турная форма изложенія дѣлаетъ ихъ общедоступными, занимательными».

Прикосновенность К. Ѳ. Надеждина къ литературѣ выразилась не только въ его авторствѣ, но и какъ редактора. Въ 1864 г. было начато оффиціально дѣло объ изданіи во Владимірѣ «Епархіальныхъ Вѣдомостей» и 6 октября того же года К. Ѳ. вмѣстѣ съ о. А. П Сервицкимъ были утверждены редакторами этого новаго періодическаго изданія, начавшаго выходить въ свѣтъ съ 1 января 1865 г. Съ конца 1868 г. Надеждинъ уже не былъ редакторомъ, и вотъ по какому случаю. 7 октября этого года К. Ѳ. представилъ архіеп. Антонію докладную записку, въ которой предлагалъ уменьшить цѣну за «Вѣдомости», вмѣсто 5 р.—3 р., при условіи выпуска каждаго № вмѣсто 3—3½ листовъ по 2—2½ листа. Этимъ получится экономія въ 2 тысячи руб., которые такъ нужны духовенству на открытіе параллельныхъ классовъ въ семинаріи, на устройство училищныхъ зданій и на содержаніе духовныхъ училищъ.—Этотъ проектъ очень не понравился соредактору о. Сервицкому и онъ представилъ архіерею такія соображенія, что редакторами были назначены ректоръ семинаріи и о. Сервицкій, а К. Ѳ. за свой гуманный проектъ былъ лишенъ редакторства.

Жители гор. Владиміра также хорошо знали К. Ѳ. Надеждина: онъ принималъ довольно живое участіе въ народныхъ чтеніяхъ при мѣстномъ братствѣ, и туда простая, ясная и безыскусственная рѣчь его о важнѣйшихъ событіяхъ русской исторіи, начиная съ

древнѣйшихъ временъ и кончая новѣйшими, всегда привлекала громадное количество слушателей всѣхъ возрастовъ и сословій.

Такъ протекала жизнь Ксенофонта Ѳедоровича Надеждина; какъ уже отмѣчено было, въ 1889 году славно былъ отпразднованъ юбилей 25-лѣтней дѣятельности его на педагогическомъ поприщѣ. Въ итогѣ всего, уважая въ лицѣ Надеждина полезнаго дѣятеля на пользу народнаго просвѣщенія, цѣня въ немъ не только талантливаго и въ высшей степени добросовѣстнаго преподавателя, но и человѣка, который въ теченіи слишкомъ 25 лѣтъ являлъ предъ нами живой примѣръ нравственности, благородства и чести, невольно преклоняешься предъ такою личностью, и вполнѣ было естественно, что на юбилеѣ всѣ единодушно и вполнѣ искренно желали Ксенофонту Ѳедоровичу здоровья и силы потрудиться на общую пользу еще многіе годы ... Но, къ глубокому сожалѣнію, дни его уже были сочтены и 4 марта 1890 г. его не стало.

Смерть К. Ѳ. Надеждина вызвала общую печаль всѣхъ знавшихъ его. Отпѣваніе происходило 7 числа въ Богородицкой (семинарской) церкви, при которой и похороненъ. Во время отпѣванія шесть воспитанниковъ семинаріи сказали прощальное слово признательныхъ учениковъ своему незабвенному наставнику; они отмѣтили, чего лишились съ его смертью,—одинъ изъ ораторовъ говорилъ: «мы лишились въ тебѣ отличнаго преподавателя, который умѣлъ сдѣлать свой предметъ такимъ живымъ и интереснымъ, который такъ правдиво освѣщалъ предъ нами событія исторіи

силою своей критической мысли. И многое ты умѣлъ предложить намъ въ самой простой формѣ, представить въ самомъ наглядномъ изображеніи; все у тебя было такъ просто, живо и понятно. Но этого мало. Ты внесъ въ свое преподаваніе воспитательное начало Свои уроки ты всегда сопровождалъ практическими приложеніями, совѣтами, наставленіями, обращенными къ ученикамъ. И были дороги для насъ эти наставленія, потому что они исходили изъ глубокаго пониманія природы ученика и его жизни... Хорошо ты зналъ и нашу внутреннюю жизнь, наши завѣтныя думы и стремленія. И вотъ, съ сердечной любовью относясь къ ученикамъ, какъ опытный другъ, ты въ своихъ бесѣдахъ вооружался противъ неприглядныхъ явленій нашей жизни; такъ вѣрно и рельефно изображалъ вредъ замѣчаемыхъ въ насъ дурныхъ страстей и привычекъ. Въ самомъ задушевномъ дружескомъ тонѣ дѣлались эти предостереженія и совѣты. Часто ты обращался мыслію къ нашему будущему, къ нашей зашкольной жизни, и въ этомъ случаѣ, прекрасно зная стороны этой жизни и условія нашей будущей дѣятельности, ты спѣшилъ дать намъ цѣнныя указанія и наставленія». «Всѣмъ намъ должно помнить, — говорилъ другой, — что и внѣ класса онъ былъ для насъ добрымъ и мудрѣйшимъ совѣтникомъ, а въ затруднительныхъ обстоятельствахъ для многихъ изъ насъ усерднѣйшимъ защитникомъ и помощникомъ. Кто чаще его утѣшалъ насъ? кто усерднѣе его предстательствомъ своимъ во многихъ случаяхъ облегчалъ горестную участь нѣкоторыхъ изъ насъ?»...

О К. Ѳ. Надеждинѣ см. «Библ. для чтенія» 1865, № 2, стр. 48—51.—«Влад. Епарх. Вѣдом.» 1890, № 6, стр. 212 (некрологъ); № 9, стр. 298—302 (*В. Д.*, т.-е. *В. Г. Добронравовъ*).—«Владим. Губерн. Вѣдом.» 1890, № 42 (*М. Левитскій*).—«Спб. Духовная Академія за послѣднія 30 лѣтъ», *П. Чистовича*. Спб., 1889, 8°, стр. 25 (Списки).—«Исторія Владимір. духовн. семинаріи», *Н. В. Малицкаго*. М., вып. 2-й. 1902, стр. 286—288, 353.—«Энциклоп. Словарь», изд. Брокгауза и Ефрона, т. XX, полут. 39, стр. 432.—«Труды Владимір. Учен. Архивн. Ком.», кн. VI, 1904 г., въ приложеніи—«Портретн. галлерея урожен. и дѣятелей Владим. губ.», вып. 3-й (и отдѣльный оттискъ), *А. В. Смирнова*, стр. 21—23, съ портретомъ.—«Рус. Курьеръ», 1889 г., № 222 (*Ризничій іеромонахъ Виталій*).—«Записки Импер. Акад. Наукъ» по историко-филологич. отдѣл., т. VII, № 3, стр. 111, 120—121.—Большая часть для очерка взята изъ рукописныхъ матеріаловъ.

LIII.

А. А. Орловъ.

Александръ Анфимовичъ Орловъ, писатель первой половины XIX столѣтія, получилъ своего рода извѣстность въ литературныхъ кругахъ того времени, и потому, какъ уроженецъ Владимірской губерніи, внесенъ въ нашу галлерею.

А. А. Орловъ былъ сыномъ пономаря села Кучекъ, Александровскаго въ настоящее время уѣзда, Ефима Сергѣева — безъ фамиліи. Этотъ пономарь, какъ видно изъ метрическихъ книгъ, въ 1790 году женился на дочери священника с. Махры, того же уѣзда, Никиты Ильина Орлова. Когда именно родился Александръ—точно неизвѣстно, такъ какъ метрической записи о томъ въ свое время не было сдѣлано ни по с. Кучкамъ, ни по с. Махрѣ; но такъ какъ въ ревизской сказкѣ, составленной во второй половинѣ 1794 г., сказано, что у пономаря Сергѣева имѣются дѣти и въ числѣ ихъ старшимъ показанъ сынъ Александръ (о которомъ здѣсь идетъ рѣчь) «3-хъ лѣтъ», стало быть, онъ родился, вѣроятнѣе всего, въ 1790 или 1791 году. Мѣстомъ родины его было село Махра, у дѣдушки, какъ и самъ онъ говоритъ объ этомъ въ книжкѣ «Моя жизнь».

Отецъ Александра Орлова былъ человѣкъ малограмотный, нигдѣ не учившійся, но вмѣстѣ съ тѣмъ — если вполнѣ довѣряться словамъ сына — имѣлъ характеръ кроткій, былъ честный и очень доброй души человѣкъ. Поголовная бѣдность духовенства того времени не дѣлала исключенія и для пономаря Ефима Сергѣева, у котораго къ тому же ежегодно семейство все увеличивалось. Въ этомъ несчастіи отца для Александра оказалось и нѣкоторое счастіе: дѣдушка—священникъ Орловъ взялъ его къ себѣ, гдѣ мальчикъ и провелъ первые годы дѣтства. Дѣдушка, по словамъ Орлова, былъ человѣкъ образованный, что и не диво, такъ какъ по тогдашнему времени кончившіе

полный курсъ семинаріи, особенно въ селахъ, были рѣдкостью. Воспитаніе, данное Александру Орлову въ раннемъ дѣтствѣ, поэтому было не изъ обычныхъ въ то время; правда, бабушка не мало баловала его, но въ то же время въ изобиліи снабжала и свѣдѣніями о вѣдьмахъ, о водяникахъ, о лѣсовикахъ, о дворовыхъ; дѣдушка, любившій заниматься изученіемъ природы, имѣвшій, по словамъ Орлова, пылкое воображеніе, началъ обученіе внука необычнымъ въ селахъ путемъ: объяснялъ «въ самыхъ величественныхъ выраженіяхъ» всякую казавшуюся ребенку загадочною мелочь, касалось ли то явленій природы, произведеній ли искусства; съ картинами природы дѣдушка знакомилъ мальчика въ натурѣ. «Когда съ свѣтозарнаго юга приходила къ намъ благодатная весна, — говоритъ Александръ Анфимовичъ, — имѣя пылкое воображеніе, онъ (дѣдушка) увлекался прелестями разцвѣтающей природы; а потому пріучилъ и меня фантазировать такъ, что, когда я началъ учиться поэзіи, и, прочитавши миѳологію, началъ видѣть въ каждой рощицѣ нимфъ и дріадъ, у каждаго ручейка наядъ, въ темныхъ лѣсахъ сатировъ и фавновъ».

Въ книжкѣ «Моя жизнь» А. А. Орловъ говоритъ, что «дѣдушка до семи лѣтъ не начиналъ учить меня грамотѣ»; въ другомъ мѣстѣ говоритъ онъ, что «онъ принялся обучать меня грамотѣ на седьмомъ году»; далѣе онъ сообщаетъ, что «грамота мнѣ была не трудна, потому-что дѣдушка мой буквы мнѣ изъяснялъ заранѣе такъ, что я того и не примѣтилъ... Сказать короче, что я читать выучился въ недѣлю.

Александръ Ипфимовичъ Орловъ.

Письмо также было мнѣ не трудно». А. А. Орловъ, видимо, не много забылъ, когда дѣдушка началъ учить его грамотѣ: въ 1797 г. въ с. Махру поступилъ священникомъ отецъ Орлова прямо изъ пономарей, на мѣсто умершаго въ томъ году гестя сво его; въ это время Александру могло быть никакъ не болѣе 7 лѣтъ.

Отецъ Орлова, какъ уже отмѣчено, былъ въ сущности человѣкъ малограмотный, долгое время извѣстный подъ кличкой «пономарь Ефимка», никакой школы никогда не видавшій; очень своеобразно отнесся онъ и къ дальнѣйшему обученію своего старшаго сына Александра: когда сыну было одиннадцать лѣтъ, рѣшилъ онъ отвезти его въ семинарію; ближайшею изъ послѣднихъ была въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ (нынѣ Вифанская). Вмѣстѣ съ своею женою отвезъ его туда, оставилъ на постояломъ дворѣ, далъ сыну 15 коп., — и больше ничего. Родительское сердце матери Александра Орлова заставило ее попросить дворничиху, чтобы та не оставила Алексѣньку. Несложный церемоніалъ отправленія въ школу этимъ и закончился.

Самъ Орловъ говоритъ, что въ низшихъ классахъ онъ былъ очень тупъ. «Привычки болѣе дѣйствовать воображеніемъ и пріучившись съ дѣдушкой разсуждать, я не могъ вытверживать уроки, которыхъ я не понималъ. Память моя была чрезвычайно тупа; при томъ же латинскіе уроки затрудняли всѣ мои способности. Однако никакъ не должно похулить схоластическую дисциплину. Она мнѣ развернула и на-

мять, которая, соединясь съ силою воображенія, сдѣлала меня хорошимъ ученикомъ въ высшихъ классахъ».

Изъ книжки «Моя жизнь» видимъ, что А. А. Орловъ еще въ семинаріи, подъ вліяніемъ различныхъ соображеній, по настоящему — очень наивныхъ, рѣшилъ оставить духовное сословіе. Въ этихъ видахъ онъ занялся особенно усердно изученіемъ нѣмецкаго и французскаго языковъ, которые въ семинаріи считались «побочными». Родители, однако, смотрѣли на своего сына семинариста съ иной точки зрѣнія, — они одно время твердо рѣшили взять Орлова изъ семинаріи и опредѣлить его на мѣсто, и только одна случайность помѣшала исполненію этого плана.

Орловъ кончилъ курсъ въ Троицкой Лаврской семинаріи въ 1813 году и ему былъ выданъ аттестатъ, изъ котораго видно, что онъ обучался въ семинаріи „ноября съ 19-го дня 1801 года грамматикѣ, ариѳметикѣ, началкамъ геометріи, географіи, поэзіи, риторикѣ, философіи и исторіи свѣтской и философской два года съ успѣхами довольно хорошими, богословіи и исторіи священной и церковной два же года съ успѣхами изрядными; сверхъ сего обучался нѣмецкому и французскому, на нѣмецкомъ съ успѣхами превосходными, на французскомъ также съ отличными. Во всю бытность въ семинаріи велъ онъ себя благородно и безпорочно". Аттестатъ былъ выданъ 29 сентября 1813 года, т. е. когда Орлову было 23—24 года.

Окончивъ курсъ въ Троицкой Лаврской семинаріи, Орловъ, вопреки ожиданіямъ родителей и родствен-

Александръ Анфимовичъ Орловъ.

никовъ своихъ, въ духовное званіе не поступилъ; онъ все лелѣялъ семинарскую свою идею выдти въ свѣтское званіе и тамъ добиться „чиновъ извѣстныхъ“. Съ этой цѣлью онъ отправился въ гор. Владиміръ, куда довезъ его волостной голова «по пути» безплатно.

9-го октября 1813 года Александръ Анфимовичъ подалъ епископу Владимірскому Ксенофонту прошеніе, въ которомъ писалъ: «природою я Александровской округи, села Махры священника Анфима Сергѣева сынъ, въ Троицкую Лаврскую семинарію для продолженія наукъ поступилъ въ 1801 году, съ надеждою быть въ духовномъ званіи, гдѣ и кончилъ курсъ богословскаго ученія. Но какъ нынѣ имѣю въ себѣ въ груди боль и частыя припадки, почему далѣе продолжать наукъ и поступить въ духовное званіе не могу», и потому просилъ уволить его въ свѣтское званіе. По тогдашнему времени, началось дѣло по этой просьбѣ: Орловъ по освидѣтельствованіи врачебною управою сказался «слабъ грудью» и въ ноябрѣ все дѣлопроизводство было отправлено въ Св. Сунодъ.

Во Владимірѣ Орловъ жилъ, какъ онъ самъ говоритъ, 9 мѣсяцевъ; конечно, не подысканіемъ подходящаго мѣста по духовной службѣ, какъ обѣщалъ родителямъ, занимался онъ, а совсѣмъ инымъ. Ему хотѣлось использовать знаніе новыхъ языковъ, нѣмецкаго и французскаго, которыми занимался въ семинаріи сверхъ обязательныхъ предметовъ. Но въ тогдашнее время вся жизнь и всѣ поступки людей должны были строго согласоваться съ установленными правилами; извѣстно, что тогда преслѣдовались люди,

занимавшіеся обученіемъ грамотѣ, если не имѣли на то разрѣшенія; преподаваніе иностранныхъ языковъ преслѣдовалось еще болѣе строго. Орловъ, видимо, это зналъ и потому сначала, 28 апрѣля 1814 г., подалъ въ консисторію прошеніе, въ которомъ писалъ — «при прошеніи объ увольненіи я приложилъ на мои знанія отъ Лаврской семинаріи аттестатъ, но какъ теперь мои обстоятельства требуютъ того, чтобъ аттестатъ мой былъ при мнѣ», а потому и просилъ выдать его. Въ консисторіи придрались съ формальной стороны и въ просьбѣ отказали. Александръ Анфимовичъ однако этимъ не смутился, дѣло свое онъ продолжалъ дѣлать, и 13 мая 1814 года директоръ Владимірской гимназіи Дмитревскій донесъ епископу Кононфонту: «Семинаристъ Александръ Орловъ, который не получилъ еще увольненія изъ духовнаго званія, просилъ меня, чтобъ здѣшняя гимназія сдѣлала ему экзаменъ въ знаніи французскаго языка и дала на оное аттестатъ для обученія юношества. Посему и здѣлавъ ему въ гимназіи въ моемъ присутствіи экзаменъ, по которому оказался онъ знающимъ достаточно и грамматически французскій языкъ и можетъ оному обучать, въ чемъ и аттестатъ ему данъ. Но какъ онъ, Орловъ, состоитъ еще подъ начальствомъ духовнаго правительства и не можетъ располагать собою по произволенію своему, то прилагая при семъ помянутый данный ему отъ гимназіи аттестатъ, представляю его въ Ваше Архипастырское распоряженіе».

Поступокъ Орлова, какъ состоящаго еще въ ду-

ховномъ вѣдомствѣ, а между тѣмъ осмѣлившагося безъ дозволенія своего начальства просить экзаменъ, «духовнымъ правительствомъ» не былъ одобренъ, что и поставлено было на видъ Орлову; имѣетъ съ тѣмъ, велѣно было выдать ему оба аттестата (семинарскій и изъ гимназіи) и обязать его подпиской, «дабы не отлучался изъ гор. Владиміра до полученія о увольненіи его указа». Все это было исполнено въ іюлѣ 1814 года.

Всѣ эти строгости «высшаго начальства» для Александра Анфимовича, конечно, не имѣли почти никакого значенія; для него болѣе важно было получить самые аттестаты. По полученіи ихъ онъ 17 іюля подалъ епископу Ксенофонту новое прошеніе: «какъ теперь имѣю необходимую нужду отлучиться въ гор. Муромъ, а самовольно того безъ позволенія высшаго начальства учинить не осмѣливаюсь», просить — въ означенный городъ уволить. 27 іюля былъ уволенъ на мѣсяцъ, съ выдачею билета.

Зачѣмъ Орловъ уѣхалъ въ Муромъ — неизвѣстно; объ этомъ нѣтъ никакого упоминанія и въ книжкѣ «Моя жизнь». Можетъ быть, онъ поступилъ туда къ кому-нибудь на урокъ, а можетъ быть, были тамъ и родственники его. Извѣстно только, что въ 1833 г. А. А. Орловъ напечаталъ книжку «Муромскій Донъ-Кишотъ, или честные сумасброды». Но не имѣя подъ руками этого произведенія Орлова, трудно сказать, отразилась ли въ ней жизнь его въ Муромѣ.

Между тѣмъ отъѣздъ Орлова изъ Владиміра почти совпалъ съ полученіемъ консисторіею указа, по кото-

рому приказано: «изъ вѣдомства духовнаго въ свѣтское, по его, Орлова, желанію, уволить, ежели послѣдуетъ объ немъ изъ какого мѣста требованіе, чего и ожидать мѣсяцъ, считая терминъ сей съ того времени, какъ онъ подастъ просьбу о своемъ выпускѣ, если же въ теченіе мѣсяца не пришлется объ немъ ни откуда требованіе, то отослать его въ тамошнее Губернское Правленіе при сообщеніи съ прописаніемъ поведенія и ученія его, для опредѣленія, куда онъ самъ пожелаетъ, въ тамошней или другой губерніи, за симъ исключить его вовсе изъ вѣдомства духовнаго съ того времени, какъ онъ отправленъ будетъ въ Губернское Правленіе, яко совершенно выбывшій въ свѣтское состояніе и начальство».

Орловъ продолжалъ жить въ Муромѣ и оттуда 1 сентября 1814 г. прислалъ въ консисторію выданный билетъ, такъ какъ по случаю болѣзни самъ явиться не могъ. Въ октябрѣ онъ возвратился оттуда и 7 числа ему былъ выданъ изъ консисторіи билетъ для пріисканія мѣста въ теченіе мѣсяца. А. А. билетъ не возвратилъ, и въ виду того, что ни изъ какого мѣста «требованія на Орлова не получено», консисторія 26 марта 1815 г. опредѣлила: къ благочинному послать указъ и велѣть отрапортовать—гдѣ именно помянутый сынъ его имѣетъ настоящее мѣстопребываніе.

О томъ, что почти безграмотный сначала пономарь, а потомъ священникъ Ефимъ (переименовавшій себя послѣ въ Анфима) Сергѣевъ былъ благочиннымъ, говоритъ и сынъ его въ книжкѣ «Моя жизнь»

(ч. I, стр. 62—65). Благочинный Анфимъ Сергѣевъ 18 мая 1815 г. рапортовалъ: «во исполненіе указа во извѣстіе доношу, что означенный сынъ мой находится въ числѣ благородныхъ и имѣетъ настоящее нынѣ свое пребываніе въ Московскомъ университетѣ при своей должности».

Такъ было на самомъ дѣлѣ, какъ рапортовалъ отецъ Орлова. Изъ Владиміра послѣдній отправился въ Москву: «получивши чистую отставку изъ духовнаго вѣдомства, я пустился, говоритъ онъ, — въ бѣлокаменную. Вотъ тутъ-то увижу я рѣдкости, думалъ я; вотъ здѣсь-то понаберусь ума, разума.... Я мечталъ о щастіи; я думалъ такъ, что щастіе мое также будетъ пространно, какъ и Москва; но теперь (1832 г.) понимаю, что это были мечты».

Въ Москвѣ, пробывши нѣсколько дней у дядюшки, который не прочь былъ опредѣлить Орлова на какое-нибудь мѣстечко чиновника, Александръ Анфимовичъ сдалъ экзаменъ въ Университетъ и былъ зачисленъ въ студенты.

Студенческая жизнь въ университетѣ того времени была едва ли тяжелѣе нашего времени для бѣдныхъ студентовъ; семинаристы находили возможность зарабатывать содержаніе себѣ уроками. Такъ было и для Орлова: но онъ положительно ни откуда не получалъ никакого пособія и содержать ему себя было не легко. Бѣгая по дешевымъ урокамъ за нѣсколько верстъ, Орловъ былъ и голодный, и раздѣтый; книгъ купить было не на что. Этотъ студентъ университета вскорѣ послѣ поступленія вынужденъ былъ даже

уѣхать изъ Москвы, болѣе чѣмъ за четыреста верстъ, на уроки къ помѣщику.—А. А. Орловъ пробылъ въ университетѣ, кажется, по юридическому факультету, семь лѣтъ и кончилъ курсъ кандидатомъ. Почему, по предположенію И. А. Шляпкина, И. И. Дмитріевъ утверждаетъ, что «Орловъ получилъ степень магистра отъ Университета»—свѣдѣній у насъ нѣтъ; объ кандидатской степени Орловъ самъ говоритъ, а чтобы послѣ онъ могъ получить степень магистра — въ этомъ можно сильно сомнѣваться.

Закончивъ высшее образованіе, Александръ Акфимовичъ, оставаясь въ прежнихъ «мечтахъ», возникшихъ еще на семинарской скамьѣ, думалъ, что онъ сразу завоюетъ въ свѣтѣ и положеніе, и богатство, но дѣйствительность, конечно, скоро разочаровала его. Вспоминая послѣ этотъ первый шагъ въ жизни, Орловъ говоритъ: «Ежели бы я слѣдовалъ гласу благоразумія, то конечно бы остался въ безвѣстномъ состояніи ученыхъ; но высокомѣріе вскружило мнѣ голову; я мечталъ о золотыхъ горахъ, а Богъ приводитъ только поглядывать на людей, какъ они считаютъ деньги». Вся послѣдующая жизнь его доказала, что онъ былъ типичный неудачникъ, попавшій въ среду, которая и исказила все его существованіе. Съ развитымъ, благодаря дѣду, съ юности фантазерствомъ, съ полнымъ незнакомствомъ съ жизнью свѣтскаго общества, Александръ Акфимовичъ сдѣлалъ громадную ошибку, не оставшись въ той средѣ, въ которой родился. Высшее образованіе, конечно, въ высокой степени цѣнно; но для того, чтобы сидѣть

среди приказной братіи, особенно въ первой половинѣ XIX вѣка, чтобы писать тѣ повѣсгушки и романы, благодаря которымъ А. А. Орловъ и остался памятенъ, для этого не было никакой нужды тратить семь лѣтъ на университетское образованіе, что въ жизни Орлова прошло безъ всякаго слѣда. Да и писателемъ А. А., надо думать, сдѣлался совершенно случайно, не имѣя прежде этого занятія въ виду. Однимъ словомъ, Орловъ въ юности не зналъ жизни совершенно, не зналъ—куда себя пристроить, а когда жизнь открыла предъ нимъ широко свои двери, онъ не зналъ—на что онъ болѣе способенъ, вошелъ ощупью, жадно впитывая въ себя все для него новое, безъ разбора, безъ всякой критической оцѣнки, и этотъ неопытный человѣкъ, гордый самомнѣніемъ, совершенно погибъ въ волнахъ житейскаго моря.

Въ подробностяхъ жизнь А. А. Орлова, послѣ выхода его изъ университета, до сего времени неизвѣстна. Едва ли, однако, эта жизнь и была интересна въ общественномъ смыслѣ. Самъ онъ, прожившій гражданиномъ не менѣе десяти лѣтъ, рисуетъ свою жизнь въ очень печальномъ видѣ, не давая впрочемъ никакихъ деталей для ея обрисовки. Это—по нынѣшней терминологіи—была жизнь интеллигента-пролетарія. До написанія своей книжки «Моя жизнь, или исповѣдь» А. А. послужилъ уже въ Уголовной Палатѣ, гдѣ увидѣлъ, что «доля его очень не завидна»; тамъ онъ среди приказной братіи ничѣмъ особеннымъ не выдѣлился, даже и ему не чуждъ былъ порокъ стараго чиновничества—взяточничество, о чемъ онъ самъ

откровенно повѣствуетъ, какъ бы оправдывая это въ то время всероссійское зло.

Служба въ Уголовной Палатѣ Орловымъ была оставлена по какому-то загадочному случаю. «Я не могъ, говоритъ А. А., служить (въ Уголовной Палатѣ). Этому причиною—окаянная душа г-жи Уродовой, которая, выманивъ меня изъ Палаты, лишивъ меня милостей добродѣтельнаго начальника моего, лишила меня и енотовыхъ шубъ, въ которыхъ я хаживалъ. Но я жестоко наказанъ за оплошность. Проживши у Уродовой мѣсяцъ, я впереди потерялъ двадцать лѣтъ жизни. Ежели бы эта Уродова давала мнѣ не 1100 руб. въ годъ, но сто десять тысячъ, то я сказалъ бы: милліона не надобно». Что это за личность Уродова, въ качествѣ чего покинулъ для нея Орловъ Палату—неизвѣстно; но, несомнѣнно, жизнь у нея была поворотнымъ пунктомъ въ дальнѣйшей судьбѣ Александра Анфимовича: «съ тѣхъ поръ несчастія полились на мою голову», -- говоритъ онъ. «Провидѣнію было угодно наказать меня; Уродова мнѣ вязала руки, запирала въ пустую комнату, не давая ни пищи, ни питья... Я до сихъ поръ (въ 1832 г.) ужасаюсь даже во снѣ лица ея; въ Рождественскіе морозы я вырвался отъ нея, оставя все, что я нажилъ потомъ и кровью... Наложила на меня руку Уродова; съ тѣхъ поръ я ничего не вижу, кромѣ горестей. Я лишился мѣста».

Послѣ этого загадочнаго эпизода Орловъ уѣхалъ въ одно помѣстье, надо полагать, не съ какою-либо опредѣленною цѣлью, а такъ—отдохнуть, укрыться

отъ Уродовой: «даже не миновать бы мнѣ Уголовной Палаты, говоритъ онъ,—ежели бы Господь не уничтожилъ адскихъ замысловъ».

Скоро однако Орловъ вернулся въ Москву: «въ Москвѣ было у меня еще кой-что,—повѣствуетъ онъ. Но прибытіи я еще благодарилъ Бога, что я живъ, хотя ужъ не было тѣхъ енотовыхъ шубъ и часовъ, которыя я нажилъ въ домахъ господъ. Въ Москвѣ я увидѣлъ себя безъ мѣста, безъ доходовъ». Надо думать, дальнѣйшая судьба Орлова нисколько не улучшилась; нажитое прежде давало ему на первыхъ порахъ возможность жить кое-какъ и даже на свой счетъ печатать сочиненія: книжки хотя и слабо, но все же расходились и завлекали автора: онъ отдался писанію повѣстей и романовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе бѣдиѣлъ... «Что-то такое есть, что, такъ сказать, гонитъ отъ меня счастіе,—писалъ онъ въ 1831 г., по предположенію г. Шляпкина—И. И. Дмитріеву. Можетъ быть это потому, что я внутренно счастливъ, и что мнѣ предназначено гордиться бѣдностью. Упрекаютъ меня, почему я занимаюсь столь ничтожными произведеніями тогда, когда-бы я могъ произвести что-нибудь лучшее. Но это знаетъ моя одна нужда! Ежели другіе имѣютъ годового дохода тысячу, а мнѣ въ годъ не даютъ и двухъсотъ рублей; ежели другіе занимаютъ стулья, а мнѣ не даютъ мѣста на скамейкѣ въ числѣ самыхъ ничтожныхъ писцовъ; ежели другой встаетъ окруженъ изобиліемъ, а я не имѣю куска чернаго хлѣба и не въ состояніи заплатить пяти рублей за квартиру;

ежели у другого полки уставлены книгами, а у меня не на что купить пера, чернилъ и бумаги: то между мною и другими разница велика; а по сей причинѣ мнѣ ничего не остается дѣлать, какъ смѣяться надъ несчастіями! и готовить себѣ послѣ гроба другимъ воспоминаніе: Орловъ умеръ въ нищетѣ! И былъ— Олицетворенная Нищета!»

Мы привели длинную цитату изъ письма Орлова, чтобы показать—какъ онъ жилъ и, можно сказать, даже до самой смерти: смерть его вызвала у одного писателя того времени замѣтку — «Алекс. Анфимов. Орловъ, въ нищетѣ и болѣзни кончилъ дни свои въ Москвѣ, въ Маріинской больницѣ, въ мартѣ мѣсяцѣ 1840 года". Стало быть, что было дѣйствительностью для Орлова въ 1831 г., то такъ и осталось до 1840 г.

Едва ли онъ гдѣ-нибудь служилъ. Въ письмѣ къ Дмитріеву онъ просилъ, чтобъ не умереть съ голоду, объ опредѣленіи его народнымъ учителемъ, въ чемъ будто бы Университетъ отказалъ ему. По другимъ свѣдѣніямъ, онъ былъ «какъ слышно, первостатейнымъ пьяницей». Пользуясь помощью различныхъ благодѣтелей, Орловъ печаталъ свои «сочиненьица»; писать ихъ—онъ считалъ своимъ истиннымъ призваніемъ,—онъ сдѣлался, какъ справедливо опредѣлилъ С. А. Венгеровъ, форменнымъ графоманомъ.

Литературная дѣятельность Александра Анфимовича Орлова, если не ошибаемся, началась въ 1824 г., когда имъ издана „Латинская азбука". М., Университ. типогр. Это было вполнѣ естественно, такъ какъ онъ зналъ латинскій языкъ довольно хорошо и потребность

въ подобной книжкѣ, надо думать, тогда сознавалась всѣми. Но слѣдующія произведенія Орлова были уже иного рода,—онъ занялся разсказами. Впрочемъ, первыя два сочиненія были патріотическія произведенія,—это поэмы „Димитрій Донской, или начало Россійскаго величія". М., 1827. 8°, Университ. тип. и „Александръ Первый, или пораженіе двадесяти языкъ. Героическая поэма". М., тип. Селивановскаго, 1828. 8°. Послѣ этого идетъ длинный рядъ романовъ. Вотъ ихъ перечень по годамъ.

Въ 1830 г. вышли: „Встрѣча чумы съ холерою, или внезапное уничтоженіе замысловъ человѣческихъ". Московская повѣсть. М., въ Университ. тип., 8°. 31 стр., изд. 2-е въ 1831 г. Авторъ въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву говоритъ, что это „маленькое сочиненьице", писанное единственно для того, чтобъ не умереть съ голоду, съ невѣроятною быстротою распространилось по Москвѣ и понравилось особенно простому народу. Книгопродавецъ нажилъ поболѣе тысячи, а я—говоритъ Орловъ—десять рублей!—Въ томъ же году вышли: „Неколебимая дружба Чухломскихъ жителей Кручинина и Скодоумова, или Митрофанушка въ потомствѣ". Московская повѣсть. 3 части. М., въ тип. Лазаревыхъ. 12°.—„Смерть купца, или отеческое наставленіе сыну при концѣ жизни". Повѣсть въ стихахъ. М., въ тип. Степанова, 8°; 3-е изданіе было напечатано въ 1862 г., въ М., въ тип. П. Глушкова, 16°, 54 стр.—„Рыцарь бѣлаго филина Щетина, наслѣдникъ Ильи Муромца". Сатирическій романъ. М., тип. Степанова, 12°.

Въ 1831 г.: „Трактирщики, или красненькая на женѣ ленточка". М., въ Универ. тип., 12°.—„Промотавшійся купецъ". Нравственно-сатирическій романъ. М., въ Универ. тип., 12°.—„Дунячка, Московская междуумочка, или узенькій корсетецъ". Критическій романъ. М., Университ. тип., 12°; изд. 2-е М., 1834 г.—„Верхогляды, пріѣзжіе за газетами, или махнули рукой да и поѣхали домой". Переяславская повѣсть. М., Универс. тип., 12°.—„Сѣдая борода, или Робертъ, названный графъ Парижскій". Нравоучительный романъ. М., тип. кн. Львова. 12°.—„Тафтяное платье, или измятая кофточка. Преображенскія лентошницы". Нравственно-критическій и сатирическій романъ. М., тип. Селивановскаго, 12°.—„Французская бѣглянка, или мадамъ Фено изъ Москвы съ Кузнецкаго моста въ Парижъ". (Въ стихахъ). М., Университ. тип., 8°.—„Звваки на Макарьевской ярмаркѣ, или Московскій купецъ Савва Саввичъ, каковыхъ купцовъ мало". 2 части. М., Университ. тип., 12°.—„Вороньи перья, или Московская самодурка". Сатирическая повѣсть. М., тип. Кузнецова, 12°.—„Карты, разговаривающія съ дѣвицами, вдовицами, молодыми молодицами и со всѣми лицами, или тетка—барыня, хотя не красотка, а все тетка". М., тип. Степанова, 12°.—„Настоящій русскій купецъ, или свадьба прекрасной Парани". М., тип. Степанова, 12°.—„Живые обмороки, или оттѣнки невѣжества, глупостей, пронырства и обмана". М., въ Универ. тип., 12°, 34 стр.—„Соколъ былъ бы соколъ, да курица его съѣла, или бѣжавшая жена". М., тип. Степано-

ва. 12°, 44 стр.—„Погребеніе купца, или два одно другому противныя завѣщанія для наслѣдниковъ". (Въ стихахъ). М., тип. Степанова, 8°; изд. 2-е. М., 1858, 12°.—„Марѳа Ивановна Выжимкина". Нравственно-сатирическій романъ. 2 части. М., въ Университ. тип., 12°. 41 и 40 стр.—„Раскольникъ, или веслоухіе". Старинная повѣсть. М., тип. Степанова. 12°.—„Горькая участь". М., тип. Селивановскаго, 8°.—„Ужасъ или Странствующая Холера". Объ этомъ произведеніи авторъ писалъ Дмитріеву: „С. Т. Аксаковъ изъ одного человѣколюбія, дабы сколько-нибудь помочь въ моей крайности, взялся напечатать Ужасъ или Странствующая Холера въ мою собственную пользу, но... сія книжка остановлена". Можно думать, что книжка эта не вышла, хотя г. Шляпкинъ и помѣстилъ ее въ своемъ спискѣ, а С. А. Венгеровъ замѣтилъ, что Орлову приписываютъ и „Ужасы странствующей холеры". Въ каталогахъ мы ее не нашли.—„Родословная Ивана Выжигина, сына Ваньки Каина, родъ его, племя съ тетками, дядями, тестемъ и со всѣми отродками". Нравственно-сатирическій романъ. 4 части. М., тип. Степанова, 12° —„Смерть Ивана Выжигина". Нравственно-сатирическій романъ. Съ портретомъ автора (изображенъ сидящимъ на стулѣ, въ сюртукѣ и пестромъ жилетѣ). М., тип. Рѣшетникова, 12°. 1 портретъ+70 стр. На это сочиненіе Орлова, „извѣстнаго публикѣ остроумными сочиненіями", была открыта предварительная подписка, о чемъ и объявлено было въ „Москов. Вѣдом." 1831, № 30.—„Церемоніалъ погребенія Ивана Выжигина,

сына Ваньки Каина". Нравственно-сатирическій романъ. М., въ Универ. тип., 12°. VII+29 стр.— „Крестный отецъ Петра Выжигина, или Два кума Ивана Ивановича Выжигина". Аллегорическій романъ. М., тип. Степанова, 12°.— „Хлыновскія свадьбы Игната и Сидора, дѣтей Ивана Выжигина". Сатирическій романъ. М., тип. Лазаревыхъ, 12°, II+112 стр.— „Хлыновскіе стеники Игнатъ и Сидоръ, или дѣти Ивана Выжигина". 2 части. М., тип. Степанова, 12°.—

Въ 1832 г.: „Ѳедоръ Кривой, или Елизавета Михайловна, супруга Петра Ивановича Выжигина: ни дѣвка ни вдова и не замужняя жена". Нравственно-сатирическій романъ. 3 части. М., тип. кн. Львова, 12°.— „Бѣгство Петра Ивановича Выжигина въ Польшу". Нравственно-сатирическій романъ. М., тип. Степанова, 12°.— „Анна купеческая дочька, или бархатный ридикуль изъ галантерейнаго ряду". Нравственно-повѣствовательный романъ. М., въ Универс. тип., 12°.— „Вологодскіе жители: Толстосумовъ и Финагей Финагеевичъ, дѣвичьи слезы и смѣшная предпріимчивость Владимірскихъ обитателей, или люди, желающіе перенести Югъ на Сѣверъ". Старинная повѣсть. М., въ Универс. тип., 12°, 96 стр.— „Живые мертвецы, или дѣти невѣжества". Аллегорическая повѣсть. М., Универс. тип., 12°.— „Моя жизнь или Исповѣдь. Московскія произшествія". М., въ Губернской тип., 12°, 124+II и 120+II стр.— „Переломанная нога, или купеческіе гуляки на ярмаркѣ". Нравственно-сатирическій романъ. М., тип. кн. Львова, 12°.— „Тарабарское семейство, или дико-

вика въ гостинномъ ряду". Нынѣшняго времени повѣсть. М., въ Университ. тип., 12⁰, 13+1 н. стр. — „Четыре сестры невѣсты, или крестьянки въ госпожахъ". Нравственно-критическій романъ. М., въ Универ. тип., 12⁰. – „Простонародныя пѣсни". 2 части. М., тип. Селивановскаго, 8⁰, 124 и 120 стр. - „Сатиры". (Стихи). М., тип. Селивановскаго, 12⁰. Съ приложеніемъ портрета автора (изображенъ въ профиль).

Въ 1833 г.: „Купеческая лавка, запертая послѣ смерти родителя своего, и рѣчь, произнесенная при трогательномъ прощаніи рядовичей съ купеческимъ сыномъ, выходящимъ изъ пустой лавки". М., Губернская тип., 16⁰.—„Муромскій Донъ-Кишотъ, или честные сумасброды". 2 части. М., тип. Пономарева, 16⁰.—„Серебряной рубль, или трое московскихъ купцовъ". М., тип. Пономарева, 12⁰.—„Сказки. Сказка первая—о чортѣ и сѣромъ кафтанѣ". М., тип. Селивановскаго, 8⁰. Изданіе 2-е. М., тип. Пономарева, 12⁰.—„Сказки. Чертовы ночи, или новое не любо не слушай, а лгать не мѣшай". 7 ночей М., тип. Степанова и Университ. тип., 12 .—„Потеря любовницы, или обмоченный слезами платокъ". Трагическая повѣсть М., тип. Пономарева, 18⁰.—„Судъ Божій". Вышло ли въ свѣтъ это произведеніе Орлова—неизвѣстно: въ каталогахъ мы не нашли. Подписка на это сочиненіе была объявлена въ „Москов. Вѣдом." 1833, № 66, гдѣ Орловъ сообщалъ: „Не обращался я съ подписками на свои сочиненія, ибо продавалъ ихъ за сущую малость въ пользу книгопродавцевъ, не имѣя самъ возможности ихъ отпечатывать. Нынѣ же

обращаюсь къ почтеннѣйшей публикѣ по примѣру прочихъ, съ подпискою на книгу, подъ названіемъ *Судъ Божій*. Подписчики будутъ удовлетворены вѣрно".

Въ 1834 г.: „Надгробныя надписи, собранныя изъ всѣхъ монастырей и со всѣхъ кладбищъ московскихъ". М., тип. Селивановскаго, 8°, 20 стр.—„Новѣйшая латинская азбука, съ присовокупленіемъ склоненій и спряженій". М., Университ. тип., 8°. 14 стр.—„Басилы косые, или оптическое путешествіе по столамъ приказныхъ". М., Университ. тип., 16°, 47 стр.—„Правда Божія". М., тип. Лазаревск. Института восточн. языковъ. 8°.— „Сатиры. (I. Безъ денегъ худо жить.—II. О мудрости Соломоновой)". М., тип. Пономарева. 18°. 31 стр.—„Сказка. Владѣй Фадѣй нашей Настасьей". М., тип. Лазаревск. Института восточн. языковъ, 12°.—„Сказка о Давай-Ломай". М., тип. Лазар. Институт. восточн. яз., 12°.—„Тарасъ, или умныхъ учитъ дуракъ". Сатирическая повѣсть. М., тип. Лазаревыхъ, 12°. 28 стр.—„Тяжба купцовъ Продували и Облизали, или Стряпчій Трубодетъ". М., тип. Пономарева. 8°. 36 стр.

Въ 1836 г.: „Панорама Москвы и ея окрестности въ новѣйшемъ ихъ видѣ и положеніи". М., тип. Селивановскаго, 12°.—

Въ 1837 г.: „Померкающая луна, или покореніе Браилова". Героическая пѣснь. М., тип. Кириллова. 8°.—

Въ 1839 г.: „Радостная встрѣча новаго 1839 г., благодѣтельствующимъ Россіянамъ". Стихи. М., тип.

Смирнова, 16°, 16 стр.—„Искатель невѣстъ по сердцу, или свахины предложенія“. М., тип. Кириллова, 12°.

Въ 1840 г.: „Съ радостными чувствами благоговѣнія, жданный 1840 новый годъ“. М., т. Селивановскаго, 8°, 9 стр.—„Торжественное заложеніе Святаго храма во имя Христа Спасителя, въ Москвѣ, или благовѣющія чада Церкви къ Зиждителю его“. М., тип. В. Кирилова, 16°, 32 стр.

Въ 1841 г., послѣ смерти автора, напечатано слѣдующее произведеніе Орлова: „Малолѣтокъ, кормилецъ престарѣлаго обнищавшаго отца своего, или чистое родительское благословеніе“. М., тип. Кирилова, 12°, 21 стр.

Указаннымъ въ этомъ длинномъ спискѣ не исчерпывается все написанное Александромъ Анфимовичемъ Орловымъ. Прежде всего сюда нужно добавить изданное анонимно (такъ отмѣчено въ каталогахъ). Изъ нихъ П. Шибановъ (антикваръ) въ каталогѣ № 117 указываетъ принадлежащими А. А. Орлову (№ 268) слѣдующія три произведенія: „Московская свадьба, или торговецъ гостинаго двора. Русская быль“. Нравственно-сатирическій романъ. М., Губернская тип., 1831. 16°.—„Похожденіе червонца и послѣдняя участь его на Макарьевской ярмаркѣ“. М., тип. Селивановскаго, 1834, 12°.—„Разгулье купеческихъ сынковъ въ Марьиной рощѣ“. М., 1836 г.—Наконецъ, еще въ 1832 г. г. П. Станц. въ статьѣ своей въ „Литер. Прибавл. къ Рус. Инвалиду“ (№ 18) указывалъ, что А. А. Орлову принадлежатъ „Страдающая невинность, или поросенокъ въ мѣшкѣ“, „Ти-

тулирный совѣтникъ, или тревога въ присутственномъ мѣстѣ" и „Французская грамматика".

А. А. Орловъ, какъ видно по этому списку, былъ писатель очень плодовитый; но на самомъ дѣлѣ—если собрать все имъ написанное и издать въ наше время, то едва-ли получится одинъ большой томъ. Конечно, дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ. Къ сожалѣнію, прочитать намъ удалось изъ произведеній Орлова не многое и для образца можно указать на его книжку „Моя жизнь". Казалось, автору, хорошо знакомому съ сельскимъ бытомъ, съ жизнью духовенства и затѣмъ лично пережившему всѣ описываемыя событія, можно бы изложить *свою* жизнь, положимъ субъективно, но обстоятельно, безъ всякихъ ненужныхъ вставокъ. Читая книжку просто досадуешь, что все изложіе пересыпано не относящимися къ дѣлу разсужденіями, при томъ изложенными нельзя сказать, чтобы литературно. Писалъ все же человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ. Изъ книжки, особенно изъ второй части, „Моя жизнь"—жизнь автора теряется для читателя и выходитъ что-то похожее на фантазію не высокаго полета. Свои сатирическіе, нравственно-сатирическіе, нравственно-критическіе и т. п. романы Александръ Лифляндовичъ, прямо надо сказать, писалъ только потому, что его мучилъ зудъ писательства; онъ воображалъ себя человѣкомъ даровитымъ, а между тѣмъ критика того времени, время отъ времени, часто высмѣивала его, указывала на его глупости въ издаваемыхъ имъ книжкахъ; это глумленіе нищущей братіи еще болѣе толкало Орлова на писаніе „рома-

новъ“ и повѣстей, изъ которыхъ нѣкоторые сыграли роль въ литературной дѣятельности Орлова. Это — подражанія „Выжигину“ Булгарина.

Булгаринъ и литературная его компанія вообще пользовались только презрѣніемъ отъ истинныхъ литераторовъ и тогда и послѣ. Орловъ въ 1831—32 г.г. былъ особенно плодовитъ и вмѣстѣ съ тѣмъ его произведенія особенно вышучивались партіей Булгарина, особенно когда Александръ Анфимовичъ рѣшился подражать Булгарину, его „Выжигину“. За Орлова вступился А. С. Пушкинъ въ журналѣ „Телескопъ“, скрывшись подъ псевдонимомъ *Особняка Косичкина*. У Пушкина и его друзей, конечно, тутъ была другая цѣль. Злая статья Пушкина „Тержество дружбы, или оправданный Александръ Анонимовичъ Орловъ“ сдѣлала свое дѣло: Булгаринъ, Гречъ и др. были жестоко наказаны - якобы за Орлова, а въ сущности за свою полицейско-литературную дѣятельность.

Заданный Пушкинымъ тонъ держался въ борьбѣ литературныхъ партій (въ частности и по отношенію къ Орлову) до самой смерти Александра Анфимовича. Въ 1839 г. В. Г. Бѣлинскій почти повторяетъ статью Пушкина, когда говоритъ: „Въ нѣкоторыхъ журналахъ вошло въ обычай унижать произведенія г. Орлова, и, какъ мы слышали, г. Булгаринъ съ неудовольствіемъ отзывается о нашемъ, будто-бы шуточномъ сравненіи достоинства его произведеній съ достоинствомъ произведеній г. Орлова. Напрасно! Мы отнюдь не хотимъ унижать такимъ сравненіемъ ни того, ни другого сочинителя: но не постигаемъ, поче-

му одинъ изъ нихъ не хочетъ убѣдиться въ дѣйствительномъ своемъ сходствѣ съ другимъ, ибо, безъ всякихъ шутокъ, это разительное сходство между сими двумя „сочинителями“ дѣйствительно существуетъ: тотъ же выборъ предметовъ и взглядовъ на нихъ, та же манера въ повѣствованіи и философствованіи, тѣ же нравственныя мысли и пословицы, тѣ же всѣмъ извѣстныя общія мѣста, которыя, впрочемъ, г. Орловъ не выдаетъ за новыя, ему принадлежащія мысли; тоже наконецъ желаніе блеснуть иногда латинскими изреченіями.... Такое же сходство замѣчается и въ томъ вниманіи, которое оказываетъ публика симъ двумъ писателямъ: доказано фактами, что г. Орловъ имѣетъ полное право повторить слѣдующія слова г. Булгарина: „моихъ сочиненій нѣтъ вовсе въ продажѣ, не взирая на то, что Ѳ. Булгаринъ никогда не печаталъ изданія менѣе, какъ 2500 экземпляровъ....., и что эти сочиненія безпрерывно охуждали въ журналахъ“. Всякій хладнокровный и безпристрастный въ этомъ дѣлѣ человѣкъ, прочитавъ сочиненія г.г. Орлова и Булгарина одно за другимъ, согласится, что еслибъ г. Орловъ издавалъ свои сочиненія на хорошей бумагѣ и печаталъ ихъ хорошимъ шрифтомъ, если бъ имѣлъ въ комъ нибудь усерднаго учителя, и что всего важнѣе, еслибъ онъ былъ хозяиномъ ежедневной политико-литературной газеты, въ которой такъ удобно хвалить себя и бранить другихъ, то наше сравненіе, съ перваго взгляда, можетъ быть, и странное, показалось бы дѣломъ весьма обыкновеннымъ. Мы увѣрены, что газета г. Орлова была бы очень инте-

ресна, ибо безъ всякаго сомнѣнія, въ г. Орловѣ больше неподдѣльнаго таланта и болѣе классическаго образованія, нежели сколько донынѣ замѣчается въ произведеніяхъ соперничествующихъ съ нимъ сочинителей".

Не много раньше, въ 1838 г. тотъ же Бѣлинскій говорилъ объ Орловѣ: „Какъ не правы люди, которые нѣкогда истощали свое остроуміе надъ романами А. А. Орлова: у него *своя* публика, которая находила въ его произведеніяхъ то, чего искала и требовала для себя, и въ *извѣстной* литературной сферѣ онъ одинъ, между множествомъ, пользовался *истинною* славою, *заслуженнымъ* авторитетомъ".

Совсѣмъ другого мнѣнія объ Орловѣ были его враги. Самъ Булгаринъ въ замѣткѣ о смерти Орлова говоритъ, что „мы не смѣемъ называть его писателемъ, но чтобъ какъ нибудь характеризовать его назовемъ: *писавшимъ*. Орловъ учился въ какой-то семинаріи, зналъ порядочно латинскій языкъ и русскую грамоту, и думалъ, что съ этими средствами можно быть литераторомъ. Орловъ началъ свое поприще писаніями для публики Толкучаго Рынка, и мы вовсе не поставляемъ ему этого въ порокъ. И эта часть грамотной публики должна имѣть свою литературу и своихъ производителей: въ этомъ нѣтъ ничего дурного. Литературные противники Булгарина.... подговорили Орлова писать пародіи на сочиненія Булгарина и г. Орловъ настрочилъ: *Семейство Выжигина* и тому подобное! Наконецъ... стали сравнивать Булгарина съ Орловымъ и называли ихъ равными по литературному достоинству!.. Это называется литературою!!!"

Ксенофонтъ Полевой въ своихъ „Запискахъ“ называетъ Орлова „пошлымъ писакой, издающимъ отвратительныя брошюрки подъ разными циническими заглавіями“. Сближеніе Пушкина съ Орловымъ Полевой объясняетъ тѣмъ, что поэту нравилось подстрекать Орлова къ разнымъ выходкамъ противъ непріятныхъ ему Булгарина и Н. Полевого.

Въ общемъ нужно отмѣтить, что А. А. Орловъ не далеко ушелъ отъ своихъ сверстниковъ—Кузьмичева, Сидова и имъ подобныхъ: писалъ онъ очень не важно, для простого народа часто не совсѣмъ понятно.

Объ Орловѣ см. Сочиненія А. С. Пушкина (разн. изданій), статья „Торжество дружбы“ (прежде въ „Телескопѣ“, ч. IV, 1831, № 13, стр. 135–144) и „Нѣсколько словъ о книжицѣ г. Булгарина и о прочемъ“, а также письмо его къ Орлову отъ 24 ноября 1831 г.—9 января 1832 г.—„Литерат. Газета“ 1840 г., № 39.—„Сѣверная Пчела“ 1840, № 124.—С. К. Смирновъ—„Исторія Троиц.-Лаврск. Семинаріи“, стр. 532.—„Моск. Телегр.“ 1831, № 6, стр. 258; № 13, стр. 105; № 17, стр. 92; 1832, № 3; № 12, стр. 133 (Письмо Мартоса).—„Литер. Прибавл. къ Рус. Инвал.“ 1832, № 18, стр. 137–138 (П. Свинц.); 31, 233–234 (Петръ Шибановъ); 1839, т. II, стр. 259.—„Литер. Газета“ 1840, № 46 (поправка къ извѣстію въ № 124 „Сѣверн. Пчелы“).—„Петербур. Вѣсти.“ 1862, № 4 (Бл. Слово—А. А. Орловъ и его сочиненія).—„Записки“ Кс. А. Полевого. Спб., 1883, стр. 315—318.—„Рус. Архивъ“ 1880, т. II, стр. 510—511 (Пись

мо Гоголя къ Пушкину) и „Письма Н. В. Гоголя", ред. Шенрока. Спб., 1902, т. I, стр. 185—187. — „Энцикл. Словарь" Брокгауза и Ефрона, т. 22, полут. 43, стр. 165. „Литератур. Вѣстникъ", т. I, 1901, кн. III, стр. 284—290 (С. А. Венгеровъ— Къ характеристикѣ А. А. Орлова, съ портретомъ); тамъ же, стр. 291—294 (А. В. Смирновъ—А. А. Орловъ. Матеріалы для его біографіи).—„Труды Владимір. Учен. Архивн. Коммиссіи", кн. III. 1901. матеріалы, стр. 7.—Проф. Н. А. Шляпкинъ—„Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина", Спб., 1903. 8°. стр. 154—158.—Русскій Біографич. словарь. Томъ на букву О. Спб., 1905. 8°, стр. 321 (Н. А.).— Упоминается объ Орловѣ: „Жизнь и труды М. П. Погодина", Н. Барсукова. Кн. 6-я, стр. 80, 86, 87. 108.—„Матеріалы для біографіи Гоголя", В. И. Шенрока, т. I, стр. 348, и т. III, стр. 52.—Н. Г. Чернышевскій— „Очерки гоголевскаго періода русской литературы", изд. 1892, стр. 74. 192.—

LIV.

Н. Д. Оранскій.

Николай Діомидовичъ Оранскій, писатель первой половины XIX вѣка, о которомъ, если не ошибаемся, не знаютъ даже записные наши библіографы, родился отъ Діомида Семенова (безъ фамиліи), діакона Богоявленскаго погоста Вязниковскаго уѣзда, Владимірской губерніи, 6 декабря 1786 года. Погостъ въ то

время былъ большой,—въ немъ жили три священника, два діакона и проч. Діомидъ Семеновъ въ началѣ 1790-хъ годовъ былъ произведенъ во священника. Это обстоятельство, надо полагать, дало возможность ему до нѣкоторой степени подготовить сына Николая къ поступленію въ школу уже нѣсколько грамотнымъ.

Мальчикъ Николай Діомидовъ поступилъ въ 1797 г., съ фамиліей Оранскій, въ Вязниковское духовное училище, какъ въ ближайшее. Училище это тогда только-что вновь открылось 2 октября 1797 г. Здѣсь Оранскій учился до окончательнаго закрытія училища 10 августа 1800 г. Въ сохранившихся спискахъ училища Оранскій во всѣ годы обученія аттестованъ занимающимся „изрядно“; но изъ дѣлъ того-же училища оказывается, что обучали тамъ очень немногому. Въ концѣ августа 1800 г. ученикамъ училища было произведено повѣрочное испытаніе во Владимірской духовной семинаріи, послѣ котораго Оранскій и былъ зачисленъ въ воспитанники семинаріи. Здѣсь и въ училищѣ обучался онъ латинскому языку, ариѳметикѣ, географіи, поэзіи и риторикѣ. Годы обученія Николая Діомидовича въ риторикѣ совпали какъ разъ съ первыми годами управленія епархіею епископа Ксенофонта, который, какъ извѣстно, былъ радѣтелемъ духовнаго просвѣщенія, ввелъ для распорядка въ классахъ учебнаго матеріала опредѣленную систему; установленный имъ распорядокъ строго соблюдался и за этимъ слѣдилъ самъ Ксенофонтъ. Несомнѣнно, введенная система прилежнымъ и даровитымъ ученикамъ принесла большую пользу; такимъ ученикомъ былъ и Николай Оранскій.

Въ 1798 г. Св. Синодомъ было предложено архіереямъ, чтобы они, избирая изъ семинаріи лучшихъ учениковъ, посылали ихъ по два человѣка въ окружныя академіи для приготовленія изъ нихъ учителей. Изъ Владиміра ученики посылались въ Троицкую лаврскую семинарію. Оранскій учился настолько успѣшно, что правленіе семинаріи въ 1803 г. нашло вполнѣ справедливымъ „для образованія къ учительской должности“ отправить и его, какъ студента философіи въ Лаврскую семинарію. Тамъ онъ обучался философіи, богословіи, исторіи, еврейскому и нѣмецкому языкамъ, изъ коихъ съ перваго переводятъ, а на второмъ сочинять и говорить могъ, — такъ аттестованъ при окончаніи курса.

Въ 1807 г. курсъ ученія былъ конченъ и Оранскій 27 сентября опредѣленъ въ родную семинарію учителемъ естественной исторіи и еврейскаго языка. Еврейскій языкъ въ семинаріи до 1807 г. не изучали, такъ что Николай Діомидовичъ явился первымъ его преподавателемъ и, какъ видно, настолько хорошимъ, что уже въ 1809 году воспитанники могли — по обычаю того времени — въ тетради различныхъ привѣтствій епископу Ксенофонту помѣстить и еврейскую рѣчь одного ученика. Въ 1808 г. Н. Д. Оранскій былъ назначенъ учителемъ и высшаго нѣмецкаго класса.

Казалось, всѣ мечты и желанія Оранскаго исполнились, онъ получилъ даже учительское мѣсто въ семинаріи; но это его, видимо, не удовлетворяло. Нельзя забывать, что тогдашняя жизнь была сурова — можно

сказать — во всѣхъ отношеніяхъ и особенно — въ матеріальномъ. Какъ ни дороги тогда были деньги и дешева жизнь, все же нищенское жалованье учителей семинаріи приковывало къ учебному заведенію очень не многихъ,—въ обычномъ случаѣ искали получше мѣста въ духовномъ вѣдомствѣ, а другіе, болѣе разборчивые и совсѣмъ покидали родовое сословіе. Такъ поступилъ и Н. Д. Оранскій. Двухъ лѣтъ не прослужилъ онъ въ семинаріи, какъ его уже потянуло на волю. Началась обычная для того времени процедура увольненія изъ духовнаго званія, формальность, наполненная лжи со всѣхъ сторонъ.

Оранскій подалъ въ мартѣ 1809 г. прошеніе архіерею, гдѣ между прочимъ писалъ, что онъ достигъ уже тѣхъ лѣтъ, когда надобно помышлять объ избраніи себѣ состоянія. Имѣлъ онъ намѣреніе съ самого малолѣтства посвятить себя духовному званію, но — будто бы—застарѣлая грудная болѣзнь, часто случающееся головокруженіе и теченіе крови изъ носу дѣлаютъ его неспособнымъ къ отправленію священнослужительскихъ должностей. И врачебная управа нашла Оранскаго одержимымъ сѣченіемъ въ груди и головными частыми припадками. 22 февраля 1810 г. Николай Діомидовичъ былъ уволенъ въ свѣтское званіе. Онъ къ этому времени позаботился подъискать себѣ мѣстечко и 21 февраля 1-й Департаментъ Московской Палаты Уголовнаго суда уже сообщилъ въ консисторію, что Оранскій подалъ туда прошеніе объ опредѣленіи его въ число канцелярскихъ служителей. Въ мартѣ 1810 г. онъ туда и поступилъ секретаремъ.

Дальнѣйшая карьера Н. Д. Оранскаго, однако, немного ушла отъ секретарства: съ 1812 по 1814 г. онъ былъ секретаремъ Московскаго Совѣстнаго суда, съ 1814 по 1816 г. опять секретаремъ при управленіи Московскаго оберъ-полиціймейстера, съ 1816 по 1818 г. секретаремъ Тверского губернатора, съ 1818 по 1820 г. секретаремъ Московскаго Губернскаго Правленія.

Обязанности секретарей всѣхъ вѣдомствъ и учрежденій хорошо извѣстны, особенно стараго времени, когда часто секретарь былъ „и царь и богъ“. Николай Діомидовичъ, надо думать, былъ человѣкъ дѣла, его принимаютъ на отвѣтственную по тогдашнему времени должность въ любое мѣсто,—такъ зарекомендовалъ онъ себя. Но самому Оранскому, надо полагать, все это надоѣло и въ 1820 г. онъ покинулъ Москву и въ теченіе трехъ лѣтъ исполнялъ обязанности Александровскаго, Владимірской губерніи, „волостного смотрителя при дворцовыхъ конскихъ заводахъ“.

Привычка къ жизни въ Москвѣ тянула туда и Н. Д. въ 1826 г. былъ опредѣленъ оберъ аудиторомъ при Московскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ, кн. Дмитріѣ Владиміровичѣ Голицынѣ, при чемъ завѣдывалъ секретнымъ отдѣленіемъ генералъ-губернаторской канцеляріи. Тамъ онъ служилъ по 1836 годъ, и за это время, между прочимъ, принималъ участіе въ слѣдственной коммиссіи по дѣлу А. И. Герцена, въ качествѣ оберъ-аудитора. Въ то же время, одновременно съ аудиторской должностью, Оранскій состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при коммиссіи по постройкѣ храма Христа Спасителя въ Москвѣ.

Въ январѣ 1836 г. Николай Діомидовичъ Оранскій былъ назначенъ смотрителемъ Павловской больницы въ Москвѣ. Эту хотя и не видную, но очень отвѣтственную должность занималъ онъ до самой своей смерти, 11 лѣтъ, и скончался 14 января 1847 года. Погребенъ Н. Д. въ Москвѣ на кладбищѣ Данилова монастыря; почти рядомъ съ его могилою въ 1852 г. вырыта могила и для извѣстнаго нашего писателя, Н. В. Гоголя.

Такъ протекла жизнь Оранскаго; дѣятельность его, какъ видимъ, была очень разнообразна. Но не эта дѣятельность, въ подробностяхъ намъ и мало извѣстная, обращаетъ наше вниманіе.

Какъ уже было отмѣчено, Николай Діомидовичъ стоитъ въ ряду русскихъ писателей. Правда, онъ писатель очень маленькій, ничего особеннаго онъ не создалъ, но — все равно онъ достоинъ вниманія потомства, потому что своею литературною дѣятельностью онъ хоть каплю добраго дѣла сдѣлалъ для того великаго и могучаго, что называется развитіемъ общества. Кромѣ того, Оранскій интересенъ и какъ литературный дѣятель, тщательно скрывавшій свое авторство и потому до сего времени невѣдомый въ литературномъ мірѣ.

Н. Д. Оранскій не былъ завзятымъ, профессіональнымъ писателемъ: онъ любилъ заниматься литературою только въ свободное отъ служебныхъ занятій время, писалъ онъ поэмы, преимущественно духовнаго и историческаго содержанія, сочинялъ стихи и басни. Николай Діомидовичъ однако не страдалъ маніей пе-

чатанія своихъ произведеній, какъ дѣлали это другіе въ то время,—онъ только нѣкоторыя изъ нихъ напечаталъ въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ и сборниковъ, но всѣ или безъ имени автора, или подъ псевдонимомъ *Старожилъ*.

Изъ напечатанныхъ произведеній Оранскаго извѣстны: „Подарокъ дѣтямъ въ день Свѣтлаго Христова воскресенія. Апрѣля 14-го дня 1840 года". (М., Университ. тип., 1840 г., 8°. 44 стр.), *безъ имени автора*; въ этомъ „подаркѣ" помѣщены двѣ поэмы въ стихахъ на евангельскія событія: „Голгофа" и „Воскресеніе Христово" и историческая поэма—„Танкредъ на горѣ Элеонской"; далѣе отдѣльно издана поэма въ стихахъ изъ эпохи смутнаго времени, подъ заглавіемъ—„Пѣснь русскаго барда" (М., въ Университ. тип., 1840. 8°, 22 стр.), также *безъ имени автора*; въ началѣ поэмы помѣщено посвященіе на имя „друга", подписанное инициалами *Н. О.* Въ томъ же 1840 году была напечатана отдѣльно поэма „Путешествіе въ Троицко-Сергіевскую лавру" (М., Университет. тип., 1840 г. 8°), посвященная памяти московскаго митрополита Платона и вызвавшая отзывъ въ „Отечествен. Запискахъ. (1840 г., августъ, стр. 40). Наконецъ, въ 1842 году былъ изданъ Н. Д. Оранскимъ сборникъ стихотворныхъ произведеній его, подъ заглавіемъ—„Стихотворенія *Старожила*" (М., Университет. тип., 1842°. 8°. IV+141+2 нен. стр., на который рецензія была помѣщена въ „Маякѣ" 1843 г., т. 9, № 6, гл. 4, стр. 109—126. Этотъ сборникъ распадается на три

отдѣла; въ первомъ помѣщена большая поэма въ пяти пѣсняхъ—„Янъ Усмовичъ, русскій богатырь времени святаго Владиміра". Въ предисловіи къ этой поэмѣ, посвященномъ „Моимъ друзьямъ", авторъ между прочимъ говоритъ:

„Старину любя родную,
Въ честь вождя родной страны
Спѣлъ и пѣсню боевую
Я напѣвомъ старины".

Во второмъ отдѣлѣ сборника „Стихотвореній" помѣщены поэмы: „Пересѣтъ", „Виритская царевна", „Потопъ", „Чародѣй", большія оды—„Сѣверное сіяніе". „Жизнь". „Ночь", „Суета суетствій,—вѣческая суета", и стихотворенія—„Въ альбомъ дочери въ день ея бракосочетанія, 28-го апрѣля 1841 года", „Прощаніе" и „Воспоминаніе"; наконецъ въ третьемъ отдѣлѣ находятся басни, написанныя авторомъ въ молодыхъ годахъ: „Орелъ и Куница", „Лисица и Кошка", „Встрѣча" (притча), „Медвѣдь и Волкъ", „Щенокъ и Хорекъ", „Овца, Свинья, Пастухъ и Волкъ" и „Двѣ собаки".

Кромѣ произведеній Н. Д. Оранскаго, изданныхъ отдѣльными брошюрами, нѣкоторыя стихотворенія его помѣщены были въ тогдашнихъ журналахъ; перечислить ихъ нѣтъ возможности, и именно благодаря тому, что часть ихъ напечатана анонимно. Выше упомянутая ода „Сѣверное сіяніе" первоначально была помѣщена въ „Москвитянинѣ" 1841 г., въ № 5. Потомъ извѣстны стихотворенія Оранскаго, напечатанныя въ журналѣ „Маякъ" подъ псевдонимомъ *Старожилъ*:

въ 1843 г., т. 9. № 6—„Единоборство Нестора Солунянина (Событіе временъ гоненія на христіанство“); т. 11—„На кончину Петра Ивановича Озерова“; т. 12—„Комета“; въ 1844 г., т. 14—„Никомидійская дѣва“. (Событіе временъ Максиміана Геркула); т. 15—„На кончину графини Н. А. Зубовой“; т. 17—„Елеонская пѣснь; въ 1845 г., т. 19. № 1, гл. I, стр. 1—24—поэма „Князь Федоръ Юрьевичъ Рязанскій“.

Изъ произведеній Николая Діомидовича сохранились въ рукописи (неизвѣстно—были-ли напечатаны): стихотвореніе—„Воспоминанія освобожденія Москвы отъ Галловъ“, стихотвореніе—„Воспоминаніе поэта о старинѣ“, стихотвореніе „Село Влахерискоe“ (бывшее имѣніе князя С. М. Голицына, иначе „Кузьминка“ подъ Москвою) и стихотвореніе переданное наслѣдниками во Владимірскую Ученую Архивную Коммиссію. Наконецъ, нужно отмѣтить, что сохранился также составленный Оранскимъ черновой текстъ акафиста князю Даніилу Московскому.

Когда Н. Д. Оранскій обучался въ Троицкой Лаврской Семинаріи, онъ въ 1805 г. вспомнилъ тамъ праздновавшееся ежегодно въ январѣ мѣсяцѣ Владимірскою семинаріею тезоименитство епископа Ксенофонта: какъ видно, уже тогда студентъ философіи довольно бойко писалъ стихи,—онъ въ этомъ году прислалъ любимому всѣми епископу ко дню его ангела тетрадь со стихами, въ которой было помѣщено его стихотвореніе „Изображеніе“. Это стихотвореніе послѣ, въ 1901 г. было напечатано въ „Трудахъ

Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи" (кн. III, стр. 205 – 210, и оттуда въ отд. оттискѣ статьи „Литературные опыты воспитанниковъ Владимірской духовной семинаріи въ началѣ XIX столѣтія", (стр. 33 – 38).

Вотъ все, что намъ извѣстно о литературной дѣятельности Оранскаго. Написалъ онъ не много, написалъ почти все это въ довольно зрѣломъ возрастѣ. Всѣ литературныя произведенія его проникнуты глубокимъ религіознымъ настроеніемъ, патріотизмомъ и любовью къ старинѣ; въ стилистическомъ отношеніи въ нихъ замѣтно вліяніе Хераскова и Державина. Издавая въ 184[illegible] г. „Стихотворенія Старожила" и вполнѣ сознавая свою отсталость отъ вѣка, „отъ издателя" въ предисловіи говорится, что „лѣта юности автора современны лѣтамъ зрѣлаго мужества Державина. Пѣснопѣнія сего знаменитаго Барда и великаго Ломоносова переходили тогда изъ устъ въ уста, какъ нѣкогда пѣсни Оссіана у горныхъ обитателей Шотландіи. Въ училищахъ затверживались они учащимися какъ образцы высокаго, истинно-поэтическаго. Изученіе образцовъ въ юности основываетъ настроенность духа, похожую на подражаніе А въ существѣ она есть только сочувствіе съ первообразами, совпаденіе взгляда и мысли".

Для нашего времени произведенія Николая Діомидовича сильно устарѣли, особенно его поэмы, и читать ихъ теперь очень трудно, тѣмъ болѣе, что писанія Оранскаго далеки и отъ „первообразовъ". Басни и мелкія стихотворенія еще по плечу были по-

эту и потому вышли болѣе (сравнительно) удачными, болѣе жизненными, чѣмъ „стихотворныя размышленія".

Объ Оранскомъ большая часть свѣдѣній доставлена намъ внукомъ его, А. С. Оранскимъ; мы только немного дополнили составленный имъ очеркъ.—См. еще—„Вязниковское духовн. училище", В. Г. Добронравова. Владиміръ, 1905, стр. 12 и слѣд.—„Исторія Владимір. Духовн. Семинаріи", Н. В. Малицкаго. Вып. 1. М., 1900, стр. 208, 218 и 237.

LV.

М. И. Херасковъ.

Протоіерей Михаилъ Ивановичъ Херасковъ, извѣстный духовный писатель, видный общественный дѣятель даже за предѣлами Владимірской губерніи, сынъ священника (послѣ—протоіерея), родился въ селѣ Кучкахъ, Юрьевскаго уѣзда Владимірской губерніи. 1-го октября 1836 года.

Раннее дѣтство Михаила Ивановича прошло въ семьѣ родной его бабушки въ с. Никульскомъ, Владимірскаго уѣзда. Нѣсколько болѣе привольная жизнь въ качествѣ «любимчика», можетъ быть—иногда излишнее баловство со стороны бабушки, невольное снисхожденіе къ естественнымъ дѣтскимъ шалостямъ,—все это однако не наложило особой печати на развитіе Миши среди другихъ его братьевъ, воспитывавшихся дома: онъ, какъ и братья, оказался, при природной даровитости, весьма скромнымъ, прилежнымъ

мальчикомъ, и при томъ очень способнымъ. Тамъ, у бабушки, М. И. очень легко выучился читать, писать и хорошо подготовился къ поступленію въ училище.

Обучался М. И. Херасковъ сначала во Владимірскомъ духовномъ училищѣ, а въ 1850 году перешелъ во Владимірскую духовную семинарію. Обученіе въ офиціальной школѣ нисколько не шло въ разрѣзъ съ домашнимъ образованіемъ: Хераскову не къ чему было привыкать, онъ вступилъ какъ бы въ знакомую уже ему среду, и потому таившіяся въ немъ богатыя духовныя дарованія и прилежаніе сразу раскрылись; Михаилъ Ивановичъ почти съ первыхъ шаговъ въ школѣ сталъ во мнѣніи учителей и начальства способнымъ и трудолюбивымъ мальчикомъ, а затѣмъ и юношей. Въ семинаріи, особенно въ старшихъ ея классахъ, при тогдашней системѣ преподаванія въ семинаріяхъ, М. И. Херасковъ обнаружилъ уже задатки тѣхъ своихъ способностей, которыя развились въ немъ во всей силѣ впослѣдствіи, и семинарское начальство нисколько не задумалось отправить его для продолженія образованія въ Кіевскую духовную академію, когда пришелъ оттуда вызовъ, хотя Херасковъ еще не окончилъ полнаго богословскаго курса, а прослушалъ его только одинъ годъ. Это было въ 1855 г. и Херасковъ вошелъ въ составъ девятнадцатаго курса академіи (1855—1859).

Обученіе въ академіи, естественно, дало возможность развиться вполнѣ всѣмъ природнымъ дарованіямъ Хераскова: академія утвердила въ немъ вѣру въ науку, пріучила его работать въ области мысли, и

Протоіерей
Михаилъ Ивановичъ Херасковъ.

онъ вышелъ изъ нея уже вполнѣ сформировавшимся ученымъ, съ богатымъ запасомъ знаній, умѣвшимъ свободно разбираться въ нихъ, комбинировать въ извѣстномъ направленіи и расширять ихъ. Окончилъ онъ курсъ въ академіи магистромъ подъ № 4-мъ.

Насколько ученыя занятія интересовали Михаила Ивановича— уже видно изъ того, что противъ обычая всѣхъ воспитанниковъ—на лѣто уѣзжать на родину, онъ почти всегда оставался на лѣтніе каникулы въ Кіевѣ и посвящалъ ихъ научнымъ занятіямъ, въ пополненіе прослушаннаго въ теченіе учебнаго года. Эта склонность, естественно, положила на него отпечатокъ угрюмости, при томъ же и отъ природы онъ былъ склоненъ къ уединенію, къ сосредоточенности; все это какъ то невольно наводило на мысль, обычную, ходячую въ духовенствѣ, особенно въ былое время, что Херасковъ вѣроятно съ теченіемъ времени приметъ монашескій санъ, а родные и знакомые уже мечтали имѣть въ лицѣ его будущаго архіерея. Но все устроилось иначе.

По заведенному порядку, по окончаніи курса въ академіи, М. И. сталъ искать учительскаго мѣста, которое и получилъ онъ очень скоро: 13 сентября 1859 г. онъ былъ назначенъ наставникомъ въ Нижегородскую духовную семинарію, гдѣ и началъ преподавать словесность въ 1-мъ и во 2-мъ классахъ. Тамъ онъ однако пробылъ только два года,—его тянуло на родину, и 27 сентября 1861 г. онъ былъ перемѣщенъ во Владимірскую семинарію на классъ церковной исторіи и соединенныхъ тогда съ ней пред-

метовъ—каноническаго права, археологіи и библейской исторіи. Впрочемъ, эта энциклопедичность въ преподаваніи продолжалась недолго: съ конца ноября того же года онъ сталъ преподавать только церковную исторію во всѣхъ высшихъ отдѣленіяхъ семинаріи.

11 февраля 1865 г. было открыто Владимірское епархіальное женское училище; создано оно по мысли и стараніями бывшаго тогда на Владимірской каѳедрѣ епископа Ѳеофана; средствъ на содержаніе было очень мало и въ виду этого нѣкоторые изъ наставниковъ семинаріи изъявили согласіе преподавать въ училищѣ необходимые предметы безплатно. М. П. Херасковъ былъ однимъ изъ первыхъ такихъ преподавателей: съ 16 февраля 1865 г. по 2 декабря 1866 г. онъ читалъ тамъ священную исторію. Со службой въ училищѣ до извѣстной степени было связано и принятіе Херасковымъ священническаго сана: 29 августа 1865 г. онъ былъ рукоположенъ священникомъ къ Введенской церкви, что при женскомъ училищѣ, а 30 августа—за усердную службу при семинаріи и женскомъ училищѣ—награжденъ набедренникомъ.

Такимъ образомъ, какъ бы не преднамѣренно о. М. П., занявъ мѣсто священника при училищѣ, вошелъ въ тѣсную связь съ жизнью новооткрытаго училища. Епископъ Ѳеофанъ, вполнѣ признавая достоинства Хераскова въ учебномъ отношеніи, видимо, желалъ привлечь его къ болѣе активной дѣятельности и потому склонилъ его принять священническій санъ, который въ данномъ мѣстѣ службы, конечно, ничего не давалъ въ матеріальномъ отношеніи. Чтобы еще бо-

лѣе привязать о. М. П. къ училищу. 22 декабря 1866 г. онъ былъ утвержденъ въ должности законоучителя училища, а 13 іюля 1868 г. опредѣленъ членомъ Совѣта и вмѣстѣ съ тѣмъ ему поручено было безмездно проходить должность инспектора классовъ Епархіальнаго женскаго училища. Впрочемъ, это было уже послѣ ухода еписк. Θеофана съ Владимірской каѳедры, но несомнѣнно это было прямымъ слѣдствіемъ того обстоятельства, что Херасковъ съ самаго начала возникновенія училища явился ближайшимъ помощникомъ епископа по введенію въ училищѣ педагогическаго и воспитательнаго строя. О Михаилъ Ивановичъ Херасковъ хорошо видѣлъ, что дѣла чисто организаціоннаго въ училищѣ на первыхъ порахъ было очень много: подобныя училища въ то время были еще очень малочисленны, практика по управленію ими еще не дала никакихъ общихъ положеній, и потому приходилось во всемъ идти ощупью. Самый уставъ епархіальныхъ женскихъ училищъ былъ изданъ только въ концѣ 1868 г., но и это событіе не убавило, а только прибавило работы Хераскову: ему, какъ инспектору, пришлось не мало поработать надъ различными инструкціями для эконома, для начальницы, инспектора, дѣлопроизводителя и для воспитанницъ. Однимъ словомъ, М. П. Херасковъ, являясь однимъ изъ главныхъ дѣятелей по организаціи женскаго училища во Владимірѣ, на первыхъ порахъ существованія послѣдняго отдавалъ ему большую часть времени.

Служба въ Епархіальномъ женскомъ училищѣ совпала съ началомъ изданія во Владимірѣ „Епархі-

альныхъ Вѣдомостей" и, можетъ быть это вызвало литературную дѣятельность Хераскова, — такъ по крайней мѣрѣ извѣстно по печатнымъ источникамъ. Первою его статьею была — „Разговоръ священника съ прихожанами о недостаточности для спасенія однихъ внѣшнихъ дѣлъ благочестія", напечатанная въ „Влад. Епарх. Вѣд." 1865 г., № 12; „Экзаменъ въ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія" — въ № 15; потомъ тамъ же напечатаны имъ были: „Выборъ по жребію пенсіонерокъ во Владимірскомъ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія" — въ № 21; „Поученіе къ воспитанницамъ Владимірскаго училища дѣвицъ духовнаго званія въ день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы" — въ № 23; „Бесѣды священника съ прихожанами о значеніи христіанской обрядности и о важности ревностнаго соблюденія уставовъ св. церкви" — 1866 г., № 2; „Разговоръ съ прихожаниномъ о военной службѣ — по случаю рекрутскаго набора" — тамъ же, № 2; „Поученіе о томъ, какъ надо приготовляться къ смерти" — 1866 г., № 4; „Пособіе къ изученію устава Богослуженія Православной Церкви" — К. Никольскаго. (Рецензъ.) — № 7; „Краткая священная исторія Ветхаго и НовагоЗавѣта" свящ. Н. Попова. (Рец.) — № 12; „Рѣчь по случаю молебствія при открытіи Владимірскихъ водопроводовъ. 30 августа 1866 г." — въ № 18, и тоже во „Влад. Губ. Вѣд." 1866, № 36; „Святый Симонъ, первый епископъ Владимірскій и Суздальскій" — во „Вл. Епарх. Вѣд." 1866 г., № 22; 1867 г., №№ 3, 5, 7 и 13; „Поученіе къ воспитанницамъ Владимірскаго женскаго

училища, въ день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы"—№ 23; „Привѣтственная рѣчь воспитанницамъ Владимірскаго Епархіальнаго женскаго училища на двухгодичномъ актѣ онаго"—1867, № 5; „Двухгодичный актъ въ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія"—тамъ же, № 5; „Замѣтка о воскресной школѣ при Владимірской семинаріи"—№ 10; „Слово въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича"—№ 11. въ приложеніи; „Пожертвованіе въ пользу воскресной школы и Владимірской семинаріи и начальственное распоряженіе"—№ 14; „Закладка построекъ въ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія"—№ 17; „Поученіе къ воспитанницамъ Владимірскаго епархіальнаго женскаго учалища по случаю пріобщенія Св. Таинъ"—въ „Сборникѣ поученій", изд. при „Вл. Еп. Вѣд." 1867 г.; „Поученіе при погребеніи Владимірскаго городского головы А. А. Никитина"—въ прилож. къ № 24 „Влад. Еп. Вѣд." 1867 г.; „Поученіе къ сельскимъ прихожанамъ по случаю освященія приходскаго храма"—въ „Мірскомъ Вѣстникѣ" 1867 года; „Слово въ день тезоименитства Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича"—„Влад. Епарх. Вѣд." 1868, № 18; „Праздникъ въ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія—21-го ноября 1868 г."—№ 24; „Воскресная школа при Владимірской семинаріи"—1869, № 5; „Поученіе при гробѣ наставника Владимірской духовной семинаріи Александра Васильевича Поспѣхова"—1870, № 7 (тутъ и некрологъ Поспѣхова); „Выпускъ перваго курса воспитанницъ

болѣе отвѣчало его наклонностямъ и его призванію. По сохранившимся воспоминаніямъ можно установить, что въ чтеніи и толкованіи Пятокнижія Моисеева онъ уже тогда излагалъ (принося въ классъ записки) тоже самое, что послѣ вошло въ его „Руководство къ послѣдовательному чтенію Пятокнижія Моисеева". Это было такъ ново, такъ необычно, въ сравненіи съ прежними временами, что тогда же злые языки не пропустили случая распространить слухъ, что Херасковъ воспользовался записками Клеентова, не задолго предъ тѣмъ преподававшаго тотъ же предметъ въ семинаріи. Конечно, это была чистѣйшая ложь и послѣдующее совершенно оправдало о. Хераскова.

23 октября 1870 г. о. Михаилъ Херасковъ былъ опредѣленъ законоучителемъ Владимірской мужской гимназіи и священникомъ при пансіонской церкви; благодаря этому онъ долженъ былъ отказаться отъ преподаванія въ семинарія, и этимъ кончается первый періодъ его дѣятельности. Этотъ періодъ онъ началъ еще совершенно молодымъ человѣкомъ, прямо со школьной скамьи, и можетъ быть на первыхъ порахъ былъ не чуждъ неизбѣжныхъ промаховъ; но принимая во вниманіе, что Владимірская семинарія въ 60-хъ годахъ представляла по составу преподавателей полный разцвѣтъ наилучшаго своего состоянія, что М. И. Херасковъ въ это время съумѣлъ выдѣлиться и среди лучшихъ своихъ товарищей, нужно думать, онъ своими знаніями, своею скоро пріобрѣтенною опытностью импонировалъ въ средѣ учащихъ и тогда уже обращалъ на себя вниманіе и начальства,

болѣе отвѣчало его наклонностямъ и его призванію. По сохранившимся воспоминаніямъ можно установить, что въ чтеніи и толкованіи Пятокнижія Моисеева онъ уже тогда излагалъ (принося въ классъ записки) тоже самое, что послѣ вошло въ его „Руководство къ послѣдовательному чтенію Пятокнижія Моисеева". Это было такъ ново, такъ необычно, въ сравненіи съ прежними временами, что тогда же злые языки не пропустили случая распространить слухъ, что Херасковъ воспользовался записками Клеентова, не задолго предъ тѣмъ преподававшаго тотъ же предметъ въ семинаріи. Конечно, это была чистѣйшая ложь и послѣдующее совершенно оправдало о. Хераскова.

23 октября 1870 г. о. Михаилъ Херасковъ былъ опредѣленъ законоучителемъ Владимірской мужской гимназіи и священникомъ при пансіонской церкви; благодаря этому онъ долженъ былъ отказаться отъ преподаванія въ семинаріи, и этимъ кончается первый періодъ его дѣятельности. Этотъ періодъ онъ началъ еще совершенно молодымъ человѣкомъ, прямо со школьной скамьи, и можетъ быть на первыхъ порахъ былъ не чуждъ неизбѣжныхъ промаховъ; но принимая во вниманіе, что Владимірская семинарія въ 60-хъ годахъ представляла по составу преподавателей полный разцвѣтъ наилучшаго своего состоянія, что М. И. Херасковъ въ это время съумѣлъ выдѣлиться и среди лучшихъ своихъ товарищей, нужно думать, онъ своими знаніями, своею скоро пріобрѣтенною опытностью импонировалъ въ средѣ учащихъ и тогда уже обращалъ на себя вниманіе и начальства,

которое не задумываясь считало возможнымъ поручать ему такія сложныя дѣла, какъ напр. организацію женскаго духовнаго училища. И стоитъ только обратиться къ исторіи этого училища (кстати сказать, за первый періодъ своего существованія уже напечатанной въ трудѣ А. И. Преображенскаго), мы видимъ, какъ практично, какъ цѣлесообразно было тогда все придумано, все устроено; тогда епархіальное женское училище не было тѣмъ яко-бы институтомъ, изъ котораго выходятъ теперь дѣти-дочери псаломщиковъ, спроты и др. настоящими „барышнями“ кое-что знающими изъ наукъ, но совершенно не знакомыми съ тѣми житейскими условіями, въ которыя ставитъ ихъ жизнь, вынуждающая не рѣдко горько сознавать, что хлѣбы, пироги не родятся готовыми, что платья шьются не все профессіональными портнихами и т. п. А жизнь въ училищѣ тогда развѣ такъ шла, какъ теперь, развѣ могла она идти такъ?! И въ семинаріи М. И. Херасковъ далъ рѣзкій примѣръ, что человѣку, получившему высшее образованіе, человѣку, поставленному для воспитанія и образованія юношества, не подобаетъ пробавляться готовыми книжками, готовыми учебниками, а можно и должно самому работать. Правда, все это было 50 лѣтъ тому назадъ; но не надо забывать, что хорошее останется всегда только хорошимъ...

Прекративъ занятія въ семинаріи, о. Херасковъ не порвалъ совершенно связи съ женскимъ училищемъ: тамъ онъ съ 23 октября 1870 г. началъ преподавать физику, а съ 28 октября — и педагогику. Кромѣ

того, съ 28 ноября 1870 г. по 1878 г. онъ былъ членомъ Владимірскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, а съ 9 августа 1871 г. по 3 марта 1878 г. и членомъ хозяйственнаго комитета Владимірской гимназіи.

Въ 1872 г. епархіальныя женскія училища были преобразованы; по новому уставу о. Хераскову было предоставлено мѣсто законоучителя во 2-мъ и 3-мъ классахъ и, кромѣ того, по тому же уставу ему поручена была съ 8 сентября 1872 г. штатная должность инспектора классовъ. Наконецъ, необходимо отмѣтить и такую чисто воспитательную роль Михаила Ивановича въ гимназіи, какъ должность воспитателя въ Благородномъ пансіонѣ, которую онъ исполнялъ съ 4 октября 1876 г. по 1 іюня 1878 г.

Второй періодъ педагогической дѣятельности М. И. Хераскова продолжался до 10 мая 1878 г., когда онъ былъ избранъ ректоромъ духовной семинаріи. Этотъ періодъ, какъ видимъ, посвященъ былъ имъ все тому же епархіальному женскому училищу и Владимірской гимназіи. Въ женскомъ училищѣ онъ былъ уже не новичекъ, и хотя ему пришлось здѣсь въ 1872—1878 г.г. исполнять новую должность инспектора, т. е. онъ долженъ былъ наблюдать за состояніемъ училища во всѣхъ отношеніяхъ, и въ педагогическомъ, и въ воспитательномъ, и въ хозяйственномъ, но это не представило ему никакихъ затрудненій: съ перваго дня существованія училища онъ слишкомъ сроднился съ нимъ, зналъ лучше чѣмъ кто-либо другой свѣтлыя и темныя стороны его жизни,

и потому дисциплинировать всѣ подвѣдомственныя отрасли въ желательномъ и нужномъ направленіи ему въ училищѣ было очень легко, и дѣйствительно онъ поставилъ училище на должную высоту во всѣхъ отношеніяхъ.

И въ должности законоучителя гимназіи онъ не былъ только оффиціальнымъ исполнителемъ этой обязанности. Здѣсь онъ задался цѣлью— воспитать юношество въ строго религіозномъ направленіи. Конечно, трудно сказать, насколько достигъ онъ здѣсь цѣли,— среда была иная, составъ воспитанниковъ по домашнему воспитанію слишкомъ разнообразенъ. Но это, понятно, нисколько не удерживало Михаила Ивановича отъ выполненія намѣченнаго плана: какъ однимъ изъ могущественныхъ средствъ воздѣйствія на учениковъ, кромѣ обычныхъ классныхъ занятій, онъ считалъ „проповѣдываніе слова Божія“, чѣмъ и старался воспользоваться при каждомъ представившемся къ тому случаѣ. Наконецъ, въ послѣднее время службы Хераскова въ гимназіи той же цѣли отвѣчало и соединеніе обязанности воспитателя съ должностью законоучителя.

Разсмотрѣнные два періода дѣятельности о. М. И. Хераскова показываютъ, что трудолюбіе и блестящія способности молодого педагога въ приложеніи къ жизни всегда давали желаемые результаты. И это нисколько не удивительно: Херасковъ былъ человѣкъ любящій свое дѣло, онъ всегда готовъ былъ посвятить себя нелегкимъ и сложнымъ обязанностямъ воспитателя и руководителя учащейся молодежи.

Но и помимо этого о. Херасковъ къ концу 70-хъ годовъ въ глазахъ всего общества уже ясно вырисовался какъ выдающійся проповѣдникъ, какъ особый мастеръ живого слова. Вотъ что онъ напечаталъ до 1879 года: „Рѣчь къ воспитанникамъ Владимірской губернской гимназіи, при совершеніи перваго богослуженія въ гимназической церкви“ — „Влад. Губ. Вѣд.“ 1870 г., № 45; „О постѣ (противъ современнаго легкомысленнаго отношенія къ посту)“ — „Влад. Епарх. Вѣд.“ 1871, № 5; „Максимъ, митрополитъ Кіево-Владимірскій и всея Руси“ (1283—1305) и правило его“ — 1869, № 13 и 1871 г., № 17; „Поученіе по случаю продолжительнаго бездождія и слуховъ о холерѣ“ — „Влад. Губ. Вѣд.“ 1871, № 34; „Слово въ день Успенія Божіей Матери“ — тамъ же, № 37; „Слово въ день столѣтняго юбилея покойнаго графа М. М. Сперанскаго“ — „Влад. Епарх. Вѣд.“ 1872, № 2; (Изъ слова на день рожденія Государя Императора Александра Николаевича) „Свѣтская гуманность и христіанская любовь“ — № 9; „Выпускной экзаменъ въ Епархіальномъ женскомъ училищѣ“ и „Рѣчь при второмъ выпускѣ воспитанницъ Владимірскаго епархіальнаго женскаго училища, въ 1872 г.“ — тамъ же, № 14; „Поученіе къ Добросельскимъ поселянамъ при открытіи въ ихъ приходѣ народной школы“ и „Рѣчь при открытіи школы въ с. Добромъ“ — „Владим. Губ. Вѣд.“ 1872, № 32; „Слово и поученіе къ попомъ“ (блаженнаго Кирилла, митрополита Кіево-Владимірскаго) — „Влад. Епарх. Вѣд.“ 1873, № 12; „О религіи, какъ главномъ руководительномъ

началѣ воспитанія" —тамъ же, №№ 15 и 16; „Слово въ день коронованія Ихъ Величествъ, Государя Императора Александра Николаевича и Государыни Императрицы Маріи Александровны" —тамъ же, № 17; „Изложеніе ученія Православной Церкви о Матери Божіей. (Изъ „Union Chretinne" за 1867 г.). Переводъ. —№ 23: „Промыслъ Божій о спасеніи языковъ, являемый въ судьбахъ древняго Филистимскаго народа,—по ветхозавѣтнымъ пророчествамъ" - тамъ же, 1874 г. №№ 2, 3, 7 и 8; „О карточной игрѣ"-- № 10; „Нѣсколько словъ противъ пристрастія къ свѣтской литературѣ" - № 19; „Поученіе къ воспитанникамъ Владимірской гимназіи въ день храмового праздника Св. Бл. и Вел. Князя Александра Невскаго, 23 ноября 1874 г." -- № 24; „Нравственный урокъ юношамъ"—тамъ же, 1875, № 4; „Слово въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича"—№ 9; „Историческій взглядъ на современный индифферентизмъ и невѣріе" —№№ 14 и 15; „Слово въ день вѣнчанія на царство Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича" — № 17; „Поученіе воспитанникамъ Владимірской гимназіи въ день Св. Бл. Вел. Князя Александра Невскаго"—№ 23; „Слово на дворянскіе выборы въ г. г. Владимірѣ" —„Влад. Губ. Вѣд." 1876 г., № 7, и тоже во „Влад. Епарх. Вѣд." 1876, № 2; „По поводу газетныхъ толковъ о разрѣшеніи театральныхъ зрѣлищъ въ великій постъ" —„Влад. Епарх. Вѣд." 1876, № 4; „Поученіе къ новообращнымъ" (Зборомірскимъ) —№ 17; „Слово въ день тезоименитства

Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича"—№ 18; „Поученіе къ воспитанникамъ Владимірской гимназіи, въ день храмового праздника Св. Бл. В. Князя Александра Невскаго, 23 ноября 1876 г.—№ 23; „Слово въ день Рождества Христова"—тамъ же, 1877, № 1; „Кончина и погребеніе Владимірскаго каоедральнаго протоіерея, О. М. Надеждина"—№ 2; „Рѣчь при гробѣ" его же—№ 2; „Слово въ день Восшествія на престолъ Государя Императора Александра Николаевича"—№ 5; „Рѣчь обратившемуся въ православіе изъ католицизма" (преподав. гимназіи Сѣдлаку)— № 8; „Поученіе воспитанникамъ Владимірской гимназіи"—№ 23; „Слово въ день столѣтняго юбилея въ Бозѣ почившаго Императора Александра Благословеннаго"— 24; „Слово на новый годъ"—тамъ же, № 1878 г., № 1; „Слово въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича, 17 апрѣля 1878 г."—№ 9; „Слово надъ гробомъ протоіерея Владимірской Николозлатовратской церкви Я. В. Миловскаго, 19 апрѣля 1878 г." и „Некрологъ его"— № 9; „Слово, сказанное при погребеніи Преосвященнѣйшаго Антонія, архіепископа Владимірскаго и Суздальскаго"—№ 11; „Слово въ день срѣтенія иконы Боголюбскія Божія Матери, 21 мая 1878 г."—№ 13; „Святый пророкъ Илія, по сказанію священныхъ книгъ"—№№ 14, 15 и 16; „Поученіе воспитанникамъ семинаріи, сказанное предъ началомъ 1878—1879 учебнаго года"—№ 19; „Слово къ духовнымъ воспитанникамъ—противъ табакокуренія"—№ 23 и

„Привѣтственная рѣчь 12-му пѣхотному Великолуцкому полку, при возвращеніи его на родину, послѣ Восточной войны“ — № 24.

Въ 1878 г. наступилъ третій періодъ въ дѣятельности Михаила Ивановича Хераскова: 10 мая этого года онъ былъ опредѣленъ ректоромъ Владимірской семинаріи и 18 іюня возведенъ въ санъ протоіерея. Онъ хорошо сознавалъ, какія обязанности принимаетъ на себя въ качествѣ руководителя жизни цѣлаго учебнаго заведенія во всѣхъ даже мельчайшихъ проявленіяхъ послѣдняго. Двадцатилѣтній опытъ указалъ ему, что начальникъ заведенія, чтобы справиться съ своей задачей, долженъ обладать практическими знаніями, тактичнымъ умѣньемъ обращаться съ сослуживцами—людьми различныхъ направленій и характеровъ, а особенно съ воспитанниками, юношеская стремительность которыхъ должна быть направляема осторожной и опытной рукой, во избѣжаніе нежелательныхъ осложненій въ жизни учебнаго заведенія. Человѣкъ съ недюжиннымъ умомъ, М. И. понималъ, что онъ всецѣло долженъ отдать себя на службу въ роли ректора, что онъ долженъ входить въ мельчайшіе интересы семинаріи, быть центромъ, около котораго вращалась бы и которымъ направлялась бы вся семинарская жизнь. Въ виду этого о. Херасковъ принялъ мѣры, чтобы онъ не былъ обременяемъ посторонними порученіями, и дѣйствительно—только въ 1882 г. ему поручено было обревизовать Владимірское духовное училище, а остальныя порученія и назначенія уже тѣсно соприкасались съ его служебными обязанностями

и нисколько не нарушали общаго хода непосредственныхъ дѣлъ. Такъ, въ 1884 г. о. Херасковъ былъ назначенъ предсѣдателемъ строительнаго комитета по производству капитальнаго ремонта семинарскихъ зданій, а въ 1885 г.—и комитета по устройству семинарскаго общежитія; наконецъ, въ 1887 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета по обсужденію средствъ и способовъ содержанія общежитія при семинаріи для своекоштныхъ воспитанниковъ и порядка управленія имъ.

Ректоромъ семинаріи М. П. Херасковъ былъ слишкомъ 10 лѣтъ. Избранъ онъ былъ на эту должность — какъ человѣкъ завѣдомо опытный въ воспитаніи юношества, какъ извѣстный хорошій администраторъ. И дѣйствительно, Михаилъ Ивановичъ управлялъ семинаріей образцово. При своемъ недюжинномъ умѣ и педагогической опытности, онъ положилъ замѣтный отпечатокъ на жизнь учебнаго заведенія за время своего ректорства. М. П. Херасковъ отличался замѣчательною тактичностью, самообладаніемъ, невозмутимостью и подъ часъ желѣзною силою воли, именно тѣми качествами, которыя требуются отъ администраторовъ всякихъ учебныхъ заведеній, будутъ ли то свѣтскія, или духовныя. Ему, проведшему слишкомъ двадцать лѣтъ въ заботахъ о лучшей постановкѣ административно-педагогическаго дѣла, была близко знакома та обширная дѣятельность, которая возлагалась на него, какъ на ректора.

Здѣсь, въ семинаріи, Херасковъ направлялъ главное вниманіе на воспитаніе юношества, и для того

употреблялъ тѣ же средства къ достиженію намѣченной цѣли, что и прежде—въ гимназіи: живое его слово, краснорѣчивое, убѣдительное несомнѣнно дѣйствовало здѣсь въ желаемомъ направленіи болѣе успѣшно, такъ какъ и среда была другая, да и положеніе самого оратора усиливало авторитетъ его слова. При немъ, между прочимъ, изданы были и „Правила поведенія для воспитанниковъ Владимірской духовной семинаріи“ (въ 1880 г.), которыя такъ полно обнимаютъ всю жизнь воспитанниковъ.

Во время ректорства М. И. Хераскову пришлось вводить въ семинаріи уставъ 1884 г. и потомъ — какъ уже было упомянуто—играть главную роль при постройкѣ общежитія при семинаріи. Ужъ такъ давно повелось особенно въ духовномъ вѣдомствѣ (и кажется только въ немъ одномъ), что начальники заведеній считаются отвѣтственными за выполненіе даже такихъ функцій, которыя выходятъ изъ разряда ихъ компетенціи. Что можетъ быть общаго, напр., между ролью опытнаго педагога и хорошаго строителя? А о. Херасковъ, если не ошибаемся, именно за то и пострадалъ, что какъ предсѣдатель строительнаго комитета не сумѣлъ все „строеніе“ закончить гладко. Обычныя начались жалобы подрядчика... и о. ректора, да и не одного его только, попросили удалиться, сдѣлавъ вмѣстѣ съ тѣмъ на него грожданый начетъ. Онъ ушелъ; но для всѣхъ было несомнѣнно, что высокія качества личности Михаила Ивановича, какъ ректора, какъ педагога и воспитателя, не подверглись никакому сомнѣнію. И можно только пожалѣть, что се-

минарія лишилась въ свое время такого начальника, каковымъ былъ о. Херасковъ. Онъ былъ уволенъ съ пенсіею въ 800 руб.

Періодъ послѣдней службы въ семинаріи былъ однимъ изъ плодотворныхъ въ писательской дѣятельности Хераскова. Въ 1879—1888 годахъ онъ напечаталъ: „Слово на новый годъ“—„Влад. Епарх. Вѣдом.“ 1879, № 2; „Слово при погребеніи преосвященнаго Іустина“—№ 7; „Слово къ духовнымъ воспитанникамъ“—№ 11; „Память праведнаго съ похвалами, тебѣ же довлѣетъ свидѣтельство Господне, Предтече показалъ бо ся воистину и пророковъ честнѣйшій“—№ 14; „Рѣчь къ воспитанникамъ Духовной Семинаріи предъ началомъ учебнаго года 1879—1880“—№ 19; „Слово къ духовнымъ воспитанникамъ (о приличіи и вѣжливости)“—№ 24; „Рѣчь при освященіи Высочайше пожалованныхъ Георгіевскихъ знаменъ двѣнадцатому пѣхотному Великолуцкому полку“—№ 24; „Слово въ день Рождества Христова“—1880, № 1; „Слово на юбилейное празднество двадцатипятилѣтія царствованія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича“—№ 5; „Поученіе къ духовнымъ воспитанникамъ (19 февраля)“—№ 9; „Уставъ ссудо-сберегательной кассы при Владимірской духовной семинаріи“—№ 9; „Слово въ день срѣтенія иконы Божіей Матери Боголюбскія“—№ 11; „Рѣчь воспитанникамъ Владимірской духовной семинаріи предъ началомъ ученія“—№ 18; „Православная церковь въ борьбѣ съ аріанствомъ по смерти Константина Великаго до еди-

подержавія Константія (337—350)"—№№: 21; 1881, №№ 3, 8, 9, 14, 15, 19; 1882 г., №№ 7 и 10; „Слово въ недѣлю православія" 1881, № 6; „Поученіе, сказанное на заупокойной литургіи по въ Бозѣ почившемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ, 3 марта"—№ 8; „Поученіе воспитанникамъ семинаріи, послѣ пріобщенія Св. Таинъ"—№ 12; „Слово къ воспитанникамъ Владимірской семинаріи при началѣ учебнаго 1881—1882 года"—№ 18; „Мысли пастыря церкви о современномъ настроеніи общества (по поводу тезоименитства Государя Императора Александра III)"—№ 20; „Поученіе воспитанникамъ Владимірской духовной семинаріи предъ исповѣдью"—1882, № 4; „Слово въ день восшествія на престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича"—№ 7; „Поученіе къ новообрачнымъ" (Оедоровскимъ)—№ 9; „Слово въ день принятія Боголюбской Иконы Божіей Матери"—№ 12; „Поученіе воспитанникамъ Владимірской духовной семинаріи при началѣ учебнаго (1882—1883) года"—№ 17; „Слово при погребеніи И. В. Алябьева"—№ 24; „Рѣчь на юбилеѣ преподавателя семинаріи Н. Е. Бѣляева"—№ 24; „Слово на новый (1883) годъ"—1883, № 3; „Слово при погребеніи протоіерея Г. П. Крылова"—№ 4; „Поученіе новообрачнымъ" (Алябьевымъ)—№ 5; „Рѣчь на торжествѣ въ семинаріи въ день коронованія"—№ 11; „Рѣчь при гробѣ И. П. Велентѣя"—№ 12; „Поученіе воспитанникамъ Владимірской духовной семинаріи при началѣ новаго учебнаго года, 1883—

1884“—№ 19; „Поученіе при гробѣ о. протоіерея А. И. Розова“ —1884, № 7; „Мудрость человѣческая въ противоборствѣ съ мудростью божественной и средства къ устраненію этого противоборства для блага общественнаго. (Голосъ пастыря церкви по поводу современныхъ жалобъ на стѣсненія научной и литературной свободы въ нашемъ обществѣ)“ —№ 11; „Слово въ день Успенія Божіей Матери“ —№ 17; „Слово въ день восшествія на престолъ Государя Императора“ —1885, № 11; „Слово при открытіи памятника надъ могилою кн. Д. М. Пожарскаго“ — № 13; „Поученіе воспитанникамъ семинаріи предъ началомъ новаго 1885—86 учебнаго года“ —№ 19; „Рѣчь при открытіи образцовой церковно-приходской школы при Владимірской духовной семинаріи“ —1886, № 4; „Слово въ день священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ“ —№ 11; „Поученіе воспитанникамъ семинаріи предъ началомъ 1886—1887 учебнаго года (4 октября)“ —№ 21; „Бесѣда въ день восшествія на престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича“ — 1887, № 6; „Бесѣда съ воспитанниками семинаріи, при началѣ новаго 1887—1888 учебнаго года“ — № 18; „Слово въ день юбилейнаго чествованія 900-лѣтія крещенія Руси (15 іюля 1888 г.) св. княземъ Владиміромъ“ —1888, № 16, „Поученіе воспитанникамъ Владимірской духовной семинаріи при началѣ новаго 1888—1889 учебнаго года“ —№ 18; „Рѣчь на торжественномъ освященіи новоустроеннаго корпуса при духовной семинаріи и открытіи въ немъ обще-

житія для воспитанниковъ оной" — № 22. Въ 1886 г. М. И. Херасковъ собралъ въ одну книгу „Слова, поученія и рѣчи, съ тремя опытами внѣцерковныхъ собесѣдованій" и все это издалъ во Владимірѣ. 8°. 1 портретъ (не при всѣхъ экземплярахъ) и 772 стр.

Собраніе словъ и поученій въ одну книгу, естественно, вызвало критику въ литературѣ. Подобный родъ „литературы", какъ извѣстно, очень обиленъ и выдвинуться тутъ удается очень немногимъ. М. И. Херасковъ былъ далеко не изъ рядовыхъ проповѣдниковъ. Херасковъ былъ проповѣдникъ публицистъ, по словамъ одного компетентнаго критика; онъ поставлялъ главною цѣлью своей проповѣднической дѣятельности освѣщеніе и обсужденіе съ точки зрѣнія ученія православной церкви явленій и направленій современной (по тому времени) общественной жизни. Послѣ проповѣдей протоіерея А. М. Иванцова-Платонова, между нашими проповѣдниками,— говорилъ тогда критикъ,—мы не знаемъ другого, у кого бы такъ полно и всесторонне разсматривалась современная жизнь, какъ это находимъ у Хераскова. Въ заключеніе критикъ добавляетъ, что между проповѣдями о. протоіерея не мало такихъ, которыя по широтѣ и глубинѣ воззрѣнія и по академической компетенціи автора въ рѣшеніи поставленныхъ вопросовъ заслуживаютъ особеннаго вниманія, и потому, какъ выдающееся явленіе въ области современной нашей проповѣди, рекомендуетъ ихъ, какъ хорошее чтеніе для людей образованныхъ...

Съ оставленіемъ службы въ семинаріи для о. М. И.

Хераскова наступила тяжелая пора: увольненіе не давало никакого опредѣленнаго мѣста, а на рукахъ, кстати сказать, была семья очень большая. Общее тогда было желаніе—видѣть его въ губернскомъ соборѣ во главѣ духовенства; но мѣсто было занято. И только въ маѣ мѣсяцѣ, и то совершенно случайно, освободилось настоятельское мѣсто въ соборѣ захудалаго города Суздаля, и Михаилъ Ивановичъ былъ радъ и ему: по прошенію онъ былъ опредѣленъ туда архіепископомъ Θеогностомъ, назначившимъ вмѣстѣ съ тѣмъ его и благочиннымъ градскихъ и нѣкоторыхъ сельскихъ церквей, наблюдателемъ церковно-приходскихъ школъ Суздальскаго уѣзда, предсѣдателемъ уѣзднаго отдѣленія епархіальнаго училищнаго совѣта и членомъ уѣзднаго училищнаго совѣта.

Нѣкоторыя изъ этихъ должностей, какъ извѣстно, платныя, и это до нѣкоторой степени примиряло о. протоіерея со всею тяжестью взваленныхъ на него обязанностей.

Привычка къ постоянному умственному труду, казалось, въ Суздалѣ не могла найти благопріятной почвы для своего дальнѣйшаго развитія,—думалось, жизнь въ рамкахъ приходскаго священника съ многочисленными и разнообразными обязанностями поглотитъ его и затянетъ. Однако оказалось, Михаилъ Ивановичъ не таковъ былъ человѣкъ, чтобы могъ онъ „забыться и заснуть“.

Прежде всего необходимо упомянуть, что еще состоя на службѣ въ семинаріи, М. И. Хераскovъ, получивъ въ свое распоряженіе преподаваніе священ-

наго писанія, обратилъ вниманіе на отсутствіе хорошихъ учебниковъ по этому предмету. Какъ уже было говорено, онъ тогда-то и задался цѣлью составить для I класса семинаріи учебникъ. Какъ мы видѣли, трудъ его возбудилъ зависть и породилъ сплетню. И дѣйствительно—было чему завидовать: составленное имъ „Руководство къ послѣдовательному чтенію Пятокнижія Моисеева", введенное потомъ въ качествѣ учебнаго руководства во всѣхъ духовныхъ семинаріяхъ, было удостоено Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ полной (1000 р.) преміи преосвященнаго Макарія, митрополита Московскаго. Книга эта, изданная сначала въ Спб., въ 1873 г., потомъ печаталась во Владимірѣ и выдержала нѣсколько изданій. Поощренный успѣхомъ перваго руководства, М. П. занялся составленіемъ второго—„Обозрѣніе книгъ ветхаго завѣта". Эта книга также удостоена была преміи митроп. Макарія, полной (выдано только 500 р.), и также введена въ семинаріяхъ въ качествѣ учебнаго руководства. Кстати отмѣтить, что о. протоіерей Херсаковъ надъ этой книгой работалъ до самой смерти (3-е изданіе, исправленное и дополненное имъ было совершенно закончено). 1-е изданіе ея было въ 1877 году, во Владимірѣ.—Оставивъ духовно-учебную службу и поселясь въ Суздалѣ, М. П. не прекратилъ работу по составленію учебниковъ: въ 1893 г. онъ представилъ на соисканіе премій митроп. Макарія новое свое сочиненіе—„Посланія Апостольскія и Апокалипсисъ—истолковательное обозрѣніе", которое и было удостоено половинной преміи, но въ

число учебныхъ руководствъ уже не пошало, а было одобрено только въ качествѣ полезнаго пособія для преподавателей и учениковъ семинарій, что впрочемъ не помѣшало еще до смерти автора выдержать два изданія.

Этимъ однако не ограничились ученые труды о. протоіерея М. И. Хераскова во время жизни его въ Суздалѣ: ученые труды его въ области св. писанія цѣнились такъ высоко, что Учебный Комитетъ при св. Синодѣ нѣсколько разъ считалъ нужнымъ воспользоваться его знаніями,—онъ поручалъ ему рецензіи сочиненій, представляемыхъ авторами для соисканія премій митрополита Макарія: такъ, въ 1893 г. онъ разсматривалъ сочиненіе о. Іакова Галахова — „Посланіе св. апостола Павла къ Галатамъ", въ 1895 г.—сочиненіе С. В. Кохомскаго—„Объясненіе важнѣйшихъ мѣстъ четвероевангелія", въ 1897 г.—сочиненіе Ив. Николина—„Дѣянія св. апостоловъ, опытъ историко-критическаго введенія".

Служба въ Суздалѣ, какъ видѣли, не повліяла на продолженіе ученыхъ трудовъ о. М. И. Хераскова. Кромѣ того, эта служба открыла въ немъ и другія достоинства, не такъ замѣтныя во Владимірѣ.

Какъ настоятель собора, онъ прежде всего проявилъ заботу объ украшеніи храма. Благодаря его стараніямъ, холодный соборъ въ 1894 г. былъ сдѣланъ теплымъ, въ 1890 г. было торжественно отпраздновано 900-лѣтіе вступленія на Суздальскую каѳедру святителя Ѳеодора (мощи его почиваютъ въ соборѣ), и за „положенные имъ немалые труды

по приготовленію къ этому празднику и по распоряженію онымъ, благодаря чему празднованіе это совершилось съ тѣмъ великолѣпіемъ и одушевленіемъ народнымъ, которыя далеко превзошли всѣ ожиданія суздальцевъ", суздальская городская дума выразила о. протоіерею искреннюю благодарность, а о. Михаилъ Ивановичъ, пользуясь этимъ воодушевленіемъ гражданъ, возбудилъ и привелъ въ исполненіе мысль объ открытіи при соборѣ церковно-приходской школы „Оеодоровской". — Какъ ревностнаго исполнителя службъ церковныхъ, о. Херскова молящіеся въ соборномъ храмѣ могли всегда видѣть тамъ и въ будничные дни, — онъ не гнушался, когда не служилъ самъ, помогать на клиросѣ псаломщикамъ.

Какъ относился о. протоіерей къ исполненію своихъ обязанностей въ должности благочиннаго, въ качествѣ завѣдующаго школами, наконецъ — какъ гласный земскихъ собраній и засѣданій въ городской думѣ — говорить о томъ много не приходится: человѣкъ съ ровнымъ характеромъ и рѣдкой способностью тактичнаго обхожденія съ окружающими, о М. П. Херасковъ вездѣ былъ на высотѣ своего призванія, всюду онъ вносилъ истинное пониманіе вещей, глубокій интересъ къ дѣлу; только формальнымъ исполнителемъ обязанностей онъ никогда не былъ.

Живя во Владимірѣ, какъ мы видѣли, о. Херасковъ очень часто выступалъ предъ обществомъ какъ церковный ораторъ. Въ Суздалѣ — были нѣкоторыя другія условія, и здѣсь онъ выступалъ съ поученіями не такъ уже часто. Кромѣ того, въ собор-

номъ храмѣ здѣсь проповѣдывали слово Божіе священники благочинія по очереди, и потому о. Михаилу Ивановичу не хотѣлось лишать этихъ ораторовъ случая поучать народъ съ соборной каѳедры; ему приходилось только замѣщать отсутствующихъ, и тогда онъ произносилъ проповѣди—импровизаціи. Но разъ въ жизни суздальцевъ возникало какое-нибудь событіе съ церковнымъ или общественнымъ характеромъ, о. протоіерей не оставлялъ его безъ отклика: вездѣ и всюду онъ выступалъ съ поученіемъ или рѣчью, являясь прекраснымъ истолкователемъ переживаемыхъ моментовъ.

Но уклоняясь по тѣмъ или инымъ причинамъ отъ литургійной проповѣди, о. М. И. Херасковъ не могъ оставаться безъ живой бесѣды съ жителями города, и потому всю свою проповѣдническую энергію направилъ на внѣбогослужебныя собесѣдованія. Съ перваго же года своего служенія въ г. Суздалѣ онъ обратилъ особенное вниманіе на эти собесѣдованія и своей энергіей, опытностью въ церковномъ поученіи и любовью поставилъ ихъ высоко. Эти собесѣдованія, всегда глубоко содержательныя и поучительныя, привлекали массу слушателей; происходили они въ Казанской церкви города.

Къ счастію, они и не затерялись и въ свое время были напечатаны въ журналѣ „Пастырскій Собесѣдникъ“, гдѣ о. протоіерей печаталъ почти все написанное имъ въ суздальскій періодъ жизни. Вотъ что имъ напечатано тамъ: въ 1891 г.: „Поученіе, сказанное на Всенощномъ бдѣніи 24 декабря 1890 г., съ при-

глашеніемъ на пожертвованія въ пользу Миссіонерскаго Общества"—№ 1; „Рѣчь при открытіи съѣзда земскихъ начальниковъ въ гор. Суздалѣ, 1 февраля 1890 г."—№ 5; „Вступительная рѣчь при открытіи внѣбогослужебныхъ чтеній въ г. Суздалѣ, 3 ноября 1891 г."—№ 48 (такія же рѣчи его при возобновленіи чтеній въ послѣдующіе годы см. 1892, № 47; 1893, № 46; 1895, № 47; 1896, № 47; 1897, № 47; 1898, № 44; 1899, №№ 18 и 47; 1900, № 47); „Напутственно-заключительное поученіе къ народу при окончаніи внѣбогослужебныхъ чтеній въ г. Суздалѣ"—1892, № 16 (рѣчи его при окончаніи чтеній въ послѣдующіе годы см. 1893, № 15; 1894, № 18; 1896, № 11; 1897, № 18; 1898, № 14—15; 1900, № 16; 1901, № 17); еще онъ напечаталъ въ томъ же журналѣ: въ 1892 г.: „Поученіе въ день Рождества Христова, предъ сборомъ пожертвованій на дѣло обращенія язычниковъ"—№ 1; „Поученіе обществу хоругвеносцевъ въ г. Суздалѣ при открытіи и первомъ засѣданіи его"—№ 2; „Христіанскія размышленія о смерти"—№ 25—26; „Бесѣда при совершеніи молебствія по поводу извѣстія о приближающейся холерѣ"—№ 28; „Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи Суздальской городской думы, 26 іюля 1892 г."—№ 29—30; „Слово въ день Рождества Пресвятой Богородицы"—№ 33; „Слово предъ крестнымъ ходомъ вокругъ г. Суздаля и при совершеніи общественнаго молебствія объ отвращеніи холерной эпидеміи"—№ 34—35; „Напутственное поученіе Суздальскимъ хоругвеносцамъ, при отправленіи ихъ въ

Свято-Троицкую Сергіеву лавру для принесенія въ даръ сооруженной имп хоругви къ празднику 500-лѣтія памяти Преподобнаго Сергія"—№ 36—37; „Поученіе при освященіи обновленнаго храма"—№ 48; „Слово при совершеніи благодарственнаго молебствія по поводу избавленія отъ губительной болѣзни—холеры"—№ 52; въ 1893 г.: „Бесѣда на день Рождества Христова"—№ 1; „Поученіе при сборѣ пожертвованій на обращеніе язычниковъ, въ день Рождества Христова"—№ 3—4; „Слово въ день памяти Святителя Ѳеодора, перваго епископа суздальскаго"—№ 24—25; „Изъ слова въ день святаго пророка Божія Иліи" (о ревности духовной)—№ 31; „Слово предъ совершеніемъ общественнаго молебствія въ г. Суздалѣ въ предотвращеніе грозящаго городу бѣдствія отъ холеры"—№ 32—33; „Поученіе къ сельскимъ прихожанамъ о благоговѣйномъ стояніи въ храмѣ Божіемъ"—№ 34—35; „Бесѣда въ день Рождества Пресвятой Богородицы"—№ 36—37; „О сущности христіанскаго благочестія и о недостаточности одного наружнаго, показного благочестія"—№ 38; „Изъ слова въ день памяти Святителя Суздальскаго Іоанна (15 октября), нетлѣнно почивающаго въ Суздальскомъ соборѣ"—№ 40; въ 1894 г.: „Внѣбогослужебныя истолковательныя бесѣды по четвероевангелію"—1894, №№ 1—14, 19—22, 24, 26, 27, 29, 30, 32, 36, 37, 39, 41, 45—47 и 51; 1895 г., №№ 1, 3, 5, 6, 8, 9, 11, 13—14, 16—17, 21—23, 25—27, 31—32, 36—39, 44, 49 и 51; 1896 г., №№ 1, 8, 11, 14, 20, 24, 25, 28—30,

37, 40, 44—46, 48 и 52; 1897, №№ 5, 10, 13, 17, 19, 21, 27—28, 39 и 49; 1898 г., №№ 6, 10, 16, 22, 27—28, 30—31, 34, 35 и 49; 1899 г., №№ 11, 22, 33—34, 37 и 48; 1900 г., №№ 3, 13, 24, 29—30, 32—33 и 45; 1901 г., №№ 10, 12—15, 20—21 и 31—34; „Поученіе предъ сборомъ въ пользу Православнаго Миссіонерскаго Общества, 24 декабря 1893 г., на Всенощномъ бдѣніи"—1894, № 2; „Рѣчь гласнымъ Суздальской городской думы предъ присягой при началѣ ихъ службы"—1894, № 15; „Проповѣдь Іоанна Крестителя"—1894, № 33; „О продолженіи христіанской іерархіи и о долгѣ пасомыхъ по отношенію къ своимъ пастырямъ"—1894, № 34; „Поученіе въ день Рождества Христова предъ сборомъ пожертвованій въ пользу Православнаго Миссіонерскаго Общества"—1896, № 50; „Поученіе въ день празднованія Святителямъ и Чудотворцамъ Суздальскимъ Ѳеодору и Іоанну, 20 августа 1897 г."—1897, № 31—32; „Поученіе на молебствіи при открытіи добровольнаго пожарнаго общества въ г. Суздалѣ, 31 августа 1897 г."—1897, № 34; „Поучительное воззваніе предъ сборомъ въ пользу Православнаго Миссіонерскаго Общества"—1898, № 52; „Религіозно-патріотическое торжество въ г. Суздалѣ по случаю празднованія 200-лѣтняго юбилея Суздальскаго Суворовскаго 62 пѣхотнаго полка"—1900, № 27.

Чтобы уже закончить списокъ произведеній о. М. П. Хераскова, упомянемъ здѣсь, что за то же время было имъ напечатано во „Влад. Епарх. Вѣдом."

слѣдующее: „Слово въ день чествованія девятисотлѣтней памяти суздальскаго святителя Ѳеодора, 8 іюня 1890 г.“—1890, № 12; „Торжество девятисотлѣтней памяти св. Ѳеодора въ г. Суздалѣ“—тамъ же, № 13; „Надгробное слово (при гробѣ врача В. Я. Менци). (Истина нашего воскресенія, какъ слѣдствіе воскресенія Христова“)—1891, № 5; „Рѣчь, при чествованіи настоятеля Суздальскаго Спасо-Евѳиміева монастыря, о. архимандрита Досиѳея, по случаю исполнившагося 50-лѣтія его служенія въ священномъ санѣ и 25-лѣтія его настоятельскаго служенія въ г. Суздалѣ“ 1893, № 19.

Мысль о смерти, видимо, занимала о. протоіерея,—онъ часто говорилъ, что ему пора умирать, что уже тяжела становится жизнь; разговоръ о загробной жизни умершихъ сталъ любимымъ его разговоромъ за послѣдніе годы. Онъ только высказывалъ желаніе—прожить годъ—два, чтобы окончить предположенный и уже начатый новый литературный трудъ. Надо полагать, этимъ трудомъ было руководство по св. Писанію для V класса Семинаріи, которое онъ намѣревался составить, предполагая переработать для этого свои внѣбогослужебныя истолковательныя бесѣды на четвероевангеліе.

Но случилось все иначе.—8 сентября 1901 г., въ день престольнаго праздника въ соборѣ, о. Херасковъ служилъ и говорилъ импровизированное поученіе на тему—„Богородице, Дѣво, радуйся“. Уже въ это время нѣкоторые посѣтители храма замѣтили въ о. Михаилѣ Ивановичѣ перемѣну, но—собственно—

никто близкой развязки не ждалъ. На слѣдующій день онъ всталъ по обыкновенію очень рано, самъ зажегъ лампадку предъ иконами, готовясь начать чтеніе правила предъ совершеніемъ св. литургіи. Вдругъ появились сильные приступы одышки, которой онъ страдалъ и прежде, оказанная домашняя помощь не давала облегченія и въ 8 часовъ утра о. М. П. Хераскова не стало. Скончался онъ 9 сентября 1901 г., а погребенъ въ Суздалѣ 11-го числа, у собора.

О М. П. Херасковѣ см. „Влад. Губерн. Вѣдом." 1901, № 37 (А. В. Смирновъ), и оттуда отд. отт. Владиміръ 1901. 8° 18 стр.—„Влад. Епарх. Вѣд." 1901, №№ 20 и 21 (Е. Воскресенскій), и оттуда отд. отт. Владиміръ. 1901. 8°. 32 стр.—„Москов. Вѣдом." 1901, № въ первой половинѣ сентября.—„Исторія Владимір. Духовн. Семинаріи", Н. В. Малицкаго. Вып. 2. М.. 1902, стр. 264 (въ примѣч.), 282—284.—„Исторія Владимір. епархіал. женск. училища за первый періодъ его существованія", А. П. Преображенскаго. Владим. 1902. 8°, стр. 104—106, 128—131, 276—280, 315—319 и 483.—„Труды Владим. Учен. Арх. Ком." кн. IV, въ приложен. „Портретн. галлерея...", вып. 2. Владим., 1902, стр. 15—17. съ портретомъ, и отд. отт. „Портретн. галлерея" А. В. Смирнова.—„Энциклоп. Словарь", изд. Брокгаузъ и Ефронъ, т. 37. полут. 73, стр. 156.

Алексѣй Егоровичъ Разинъ.

LVI.

А. Е. Разинъ.

Алексѣй Егоровичъ Разинъ, дѣятельный литературный и журнальный труженикъ, даровитый популяризаторъ научныхъ свѣдѣній и составитель хорошихъ дѣтскихъ книгъ, происходилъ изъ крестьянъ Владимірской губерніи и родился въ 1823-мъ году. Отецъ его былъ своего рода юрисъ-консультомъ у своихъ помѣщиковъ Шепелевыхъ, владѣвшихъ тогда огромными имѣніями и знаменитыми заводами, а главнымъ управляющимъ всѣхъ имѣній этихъ помѣщиковъ былъ родной дядя Разина по матери, П. М. Горностаевъ, тоже изъ крестьянъ, но уже получившій университетское образованіе. Такое привиллегированное положеніе родныхъ, конечно, могло бы дать и особое воспитаніе мальчику Разину; но онъ былъ истинный „сынъ природы“ и до 11 лѣтъ жилъ на полной свободѣ, настоящей деревенской жизнью, ни въ чемъ не отставая отъ своихъ товарищей. Такая привольная жизнь однако для мальчика вдругъ оборвалась: отецъ умеръ, мать осталась безъ средствъ, съ 5 дѣтьми, и Алексѣй, средній среди братьевъ и сестеръ, былъ взятъ дядей въ Петербургъ на воспитаніе. Круто измѣнившіяся обстоятельства глубоко потрясли мальчика, привыкшаго къ полной свободѣ: изъ веселаго, живого, онъ сталъ нелюдимымъ, суровымъ; дядю за эту перемѣну въ то время онъ очень не долюбливалъ.

Горностаевъ приписалъ Разина къ мѣщанскому сословію и отдалъ его для ученія въ 3-ю Спб. гим-

назію. „Вольному сыну природы“ систематическое обученіе въ гимназіи не нравилось: сначала онъ занимался только нѣкоторыми, любимыми предметами, а затѣмъ, тяготясь зависимымъ положеніемъ въ домѣ дяди и скукой въ гимназіи, и совсѣмъ забросилъ ученіе, сталъ манкировать посѣщеніемъ гимназіи и, вѣроятно, окончательно погибъ-бы, если бы не спасло его случайное знакомство въ это время съ товарищемъ по гимназіи, Зубчаниновымъ. Послѣдній ввелъ Разина въ свою семью и здѣсь Алексѣй Егоровичъ получилъ, какъ онъ самъ выражался, „духовное рожденіе“. Умная, работящая семья Зубчаниновыхъ, и при томъ высоко-нравственная и гуманная, во главѣ которой стоялъ старшій братъ Николай, докторъ, извѣстный и въ ученой литературѣ, эта семья произвела полнѣйшій переворотъ въ 16-лѣтнемъ Разинѣ: онъ воскресъ дѣйствительно для сознательной жизни и работы.

Встрѣчая въ семьѣ Зубчаниновыхъ чаще всего горячо преданныхъ своему дѣлу врачей, Разинъ увлекся и рѣшилъ сдѣлаться медикомъ. Дядя и слушать не хотѣлъ объ этомъ, онъ требовалъ, чтобы племянникъ кончилъ курсъ въ гимназіи. Такая противоположность во взглядахъ была причиной полнаго разрыва Разина съ дядей: юноша погорячился, вышелъ изъ V класса гимназіи и принялся самостоятельно готовиться къ поступленію въ Медицинскую Академію Результатъ однако получился для юноши совершенно неожиданный: когда черезъ годъ усиленныхъ занятій Разинъ явился въ Медицинскую Ака-

демію, тамъ отъ него и прошенія не приняли, какъ отъ не окончившаго нигдѣ курса.

Эта неудача нисколько не сломила энергіи А. Е. Разина: гордый сознаніемъ, что онъ болѣе правъ, чѣмъ его дядя, Алексѣй Егоровичъ ушелъ отъ послѣдняго и переселился къ Зубчаниновымъ, которые приняли и пріютили въ сущности несчастнаго, увлекшагося юношу. Безъ этой поддержки, и нравственной, и матеріальной, юноша стоялъ на прямой дорогѣ къ погибели.

Жизнь у Зубчаниновыхъ дала толчекъ и всей послѣдующей дѣятельности Алексѣя Егоровича. Здѣсь въ 1841 году онъ узналъ, что есть возможность получить мѣсто уѣзднаго учителя въ городѣ Колѣ; Разинъ подалъ прошеніе и явился на экзаменъ въ университетъ. Экзаменъ онъ сдалъ блестяще, а сочиненіе его обратило на себя особое вниманіе экзаменаторовъ. Въ числѣ послѣднихъ профес. А. В. Никитенко отговорилъ Разина ѣхать въ неизвѣстную даль и обѣщалъ ему въ Петербургѣ помощь и покровительство. Молодой человѣкъ вполнѣ довѣрился этому и остался... можно сказать, безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій въ Петербургѣ.

Настала самая тяжелая пора въ жизни Разина: выступила на первый планъ реальная борьба съ непокрытой нуждой, такъ какъ частные уроки мало помогали дѣлу. Однако, не смотря на критическое положеніе, Алексѣй Егоровичъ не падалъ духомъ, онъ весь отдался научнымъ занятіямъ, вѣря и надѣясь, что только этимъ путемъ можно добиться че-

го-нибудь. Онъ увлекся въ это время особенно естественными науками, въ занятіяхъ которыми помогали ему не мало и знакомые врачи, давшіе при томъ возможность работать въ лабораторіяхъ Медицинской Академіи. Одновременно съ этимъ кружокъ молодыхъ людей, съ Разинымъ и Зубчаниновыми во главѣ, составилъ общество „самоусовершенствованія и самообразованія", благодаря чему А. Е. имѣлъ возможность продолжить образованіе и расширить свои познанія и по другимъ научнымъ предметамъ. Тогда же Разинъ занялся изученіемъ англійскаго языка.

Въ 1845 году Анна Михайловна Дараганъ (1806—1877) издала замѣчательную книжку— „Елка. Подарокъ на Рождество. Азбука съ примѣрами постепеннаго чтенія" (Спб., 8°). Въ составленіи этой книжки принялъ весьма близкое участіе А. Е. Разинъ, рекомендованный составительницѣ, какъ дѣльный помощникъ. Это была первая литературная работа Алексѣя Егоровича, давшая опредѣленное направленіе всей послѣдующей его дѣятельности. Помимо этого, знакомство съ Дараганъ вызвало въ молодомъ человѣкѣ горячее желаніе изучать новые языки и вмѣстѣ съ тѣмъ выступить съ самостоятельными работами въ литературѣ. Изученіе новыхъ языковъ очень легко далось Разину, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ уже могъ переводить съ пяти языковъ безъ лексикона, а по французски даже и говорить. Приложеніе этихъ знаній А. Е. вскорѣ осуществилъ и на дѣлѣ. Въ то время издавался Ѳ. К. Дершау журналъ „Сѣверное Обозрѣніе", въ

которомъ А. Е. и нашелъ возможнымъ помѣстить свои первые переводы; это—„Записки фельдмаршала графа Стединга“ (за 1848 г., № 1, отд. 2, стр. 1—18, и № 3, отд. 2, стр. 1—27) и „Мексиканскія сцены,—нравы рудокоповъ“ (1848 г., № 3, смѣсь, стр. 16—31). Въ томъ же журналѣ была помѣщена и первая самостоятельная работа Разина (за подписью: А. Р—нъ): „Жизнь и приключенія домашняго учителя“. Романъ въ 4-хъ частяхъ. (Сѣвер. Обозр. 1848 г., № 1, отд. 1, стр. 35—114, и № 3, отд. 1, стр. 1—64. Окончанія не было).

Сотрудничество въ „Сѣвер. Обозр.“ могло однако удовлетворять самолюбіе молодого автора, но нисколько не устраивало въ матеріальномъ положеніи, такъ какъ издатель почти ничего не платилъ своимъ сотрудникамъ. Въ виду этого А—ю Е—чу желательно было получить уроки въ какомъ-нибудь учебномъ заведеніи, что вскорѣ онъ и нашелъ въ пансіонѣ М. Б. Чистякова. Послѣдній увидалъ въ Разинѣ хорошаго учителя и помимо своего пансіона устроилъ его въ 1848 году репетиторомъ русскаго языка и словесности въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ. Занятія въ учебныхъ заведеніяхъ болѣе всего отвѣчали желаніямъ Алексѣя Егоровича,—въ этомъ онъ видѣлъ тогда свое призваніе, и отдался этому дѣлу всецѣло; начальство и воспитанники очень скоро полюбили молодого репетитора, начальство дало ему мѣсто штатнаго учителя, а воспитанники нашли въ немъ искренняго, сердечнаго истолкователя своихъ

думъ; въ корпусѣ и внѣ его общеніе между учителемъ и учениками было полное.

Кромѣ корпуса, А. Е. вскорѣ получилъ мѣсто учителя и въ Коммерческомъ училищѣ.

Вращаясь постоянно среди дѣтей и видя, какъ наши дѣти мало знакомы съ окружающею ихъ жизнью, Разинъ уговорилъ М. В. Чистякова издавать „Журналъ для дѣтей. Духовное, нравственное, историческое, естествоописательное и литературное чтеніе". Журналъ началъ выходить еженедѣльно съ 1850 г Эта въ высокой степени полезная работа однако доставляла Алексѣю Егоровичу массу хлопотъ: дѣтскихъ журналовъ до того почти не было, типъ дѣтскаго писателя въ Россіи отсутствовалъ, и потому издателямъ приходилось отъ первой строки до послѣдней въ журналѣ писать самимъ,—только иногда помогала имъ жена Чистякова Софья Аѳанасьевна. Разинъ все свободное время отъ занятій по должности учителя отдалъ журналу: переводилъ для него. составлялъ самостоятельныя статьи и даже рисовалъ виньетки къ своимъ статьямъ.

Постоянная усиленная работа въ классахъ и для журнала—наконецъ стала надоѣдать Разину; къ тому же обезпеченности въ матеріальномъ положеніи при такомъ образѣ жизни совсѣмъ не предвидѣлось, а бѣдность давала себя чувствовать очень часто. Притомъ и въ отношеніяхъ къ Чистякову наступила полоса, не благопріятствовавшая работѣ; въ 1855 г. А. Е. Разинъ участіе въ „Журналѣ для дѣтей" прекратилъ, затѣмъ постепенно отказался отъ долж-

ности учителя во всѣхъ занимаемыхъ имъ мѣстахъ и отдался составленію и изданію давно задуманнаго своего капитальнаго труда—„Міръ Божій. Руководство къ русскому языку для приготовительныхъ классовъ военно-учебныхъ заведеній“. Книга эта, широко задуманная и прекрасно исполненная, по выходѣ имѣла выдающійся успѣхъ; первое ея изданіе, на которое правительствомъ было отпущено 4 тысячи руб., быстро разошлось и авторъ не безъ основанія строилъ на ней мечты о своемъ благосостояніи. 2-го изданія однако не пришлось скоро сдѣлать: оказалось, типографія тайно отпечатала болѣе условленнаго и продавала книгу за полцѣны. Въ виду такой неудачи Разинъ продалъ 2-е изданіе книгопродавцу Вольфу за 500 руб., которымъ оно и было выпущено въ 1860 г. (1-е въ 1856 г.); послѣ книга переиздавалась нѣсколько разъ.

Покончивъ съ своимъ капитальнымъ трудомъ, А. Е. Разинъ принялъ мѣсто редактора „Академическаго Календаря“, а въ 1859 г., въ іюнѣ, послѣ смерти проф. Усова, и должность редактора періодическихъ изданій Вол.—Экономическаго Общества. Но здѣсь онъ пробылъ очень не долго: какъ сказано въ „Исторіи“ Общества, не „успѣвъ оправдать надеждъ, которыя возлагало на него Общество, вслѣдствіе излишней щепетильности, отказался въ началѣ сентября того же года отъ обязанностей редактора“. О „щепетильности“ Алексѣя Егоровича мы скажемъ далѣе нѣсколько словъ особо, а здѣсь отмѣтимъ, что, не сошедшись съ „учеными“ во взглядахъ на дѣло,

онъ продалъ всѣ свои сочиненія за безцѣнокъ Вольфу въ полное владѣніе и удалился въ пріобрѣтенное имѣніе, въ Новгородской губерніи. Здѣсь на досугѣ А. Е. принялъ широкое участіе въ журналахъ и газетахъ того времени: „Эпохѣ“, „Времени“, „Отеч. Зап.“, „Морск. Сбор.“ „Голосѣ“ и др. Во всѣхъ статьяхъ Разинъ главнымъ образомъ разрабатывалъ вопросы о воспитаніи (напр. въ „Морск. Сборн.“ 1856 г), о преподаваніи русскаго языка, географіи (тамъ же, 1859 г., № 3) и др., какъ близко его интересовавшіе и хорошо ему знакомые, писалъ онъ вообще по народному образованію, а иногда популяризировалъ и различныя научныя темы (напр. „Начала органической жизни на земномъ шарѣ“ въ „Свѣточѣ“ 1860 г., № 2). Дѣтской литературой, а также повѣстями для дѣтей, ставшими послѣ столь извѣстными, Алексѣй Егоровичъ въ деревнѣ занимался мало, и насколько извѣстно, въ это время имъ была написана только одна повѣсть — „Гетманъ Степанъ Остряница. Повѣсть изъ русской исторіи 1638 г.“, которая въ 1864 г. и была напечатана въ журналѣ „Дѣло и Отдыхъ“ (т. 1 (январь), отд. 1, стр. 1—108); отдѣльно повѣсть издана въ 1868 г. и потомъ нѣсколько разъ переиздавалась.

Сотрудничество въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ не было единственнымъ занятіемъ Разина въ деревнѣ; онъ за это время очень много переводилъ, передѣлывалъ и приспособлялъ для пониманія русскою публикою, въ различныхъ ея возрастахъ, и все это издавалъ Вольфъ. За означенное время вы-

ли въ свѣтъ: „Историческіе разсказы и біографіи. Чтеніе для дѣтей старшаго возраста“. Спб. 1860 г., „Открытіе Америки, Камчатки и Алеутскихъ острововъ. Разсказы для дѣтей“. Спб. 1860 г. (эта книжка вошла въ составъ и „Зеленой Библіотеки“); „Путешествія по разнымъ странамъ міра. Чтеніе для дѣтей старшаго возраста“. Спб., 1860 г., еще изданіе въ 1868 г.; „Настоящій Робинзонъ. Приключенія Александра Селькирка и обезьяны Маримида на необитаемомъ островѣ Тихаго океана. Заимствовано съ франц.“ Спб. 1860 г.; „Повѣсти и разсказы для дѣтей“. Спб., 1860 г. и 1867 г. 12°; „Разсказы о животныхъ и растеніяхъ“. Спб., 1861 г.; „Разсказы о природѣ и ея явленіяхъ“. Спб., 1861 г.; „Всеобщее землеописаніе. Географія для чтенія и справокъ, по плану Бланка, передѣлано и дополнено Дистервегомъ“. Перев. съ 7 изд. съ измѣненіями и дополненіями по Кледену, Штедлеру и др. новѣйшимъ писателямъ А. Разина, П. Ольхина, П. Цейдлера и П. Усова. 3 тома. Спб. 1862 – 1866 г.; „Путешествіе Ливингстона по внутренней Африкѣ. Съ описаніемъ замѣчательныхъ открытій въ южной Африкѣ съ 1840 по 1856 г.“. Перев. съ нѣмец. подъ ред. А. Разина. Спб., 1862 г.; „Популярный курсъ математической и физической географіи по плану Бланка, съ измѣненіями и дополненіями по Кледену, Штедлеру и др. новѣйшимъ писателями“. Переводъ. Спб., 1864 г.

Проживъ въ деревнѣ около трехъ лѣтъ, Разинъ, числившійся съ 1861 г. на службѣ по министерству внутреннихъ дѣлъ, съ откомандированіемъ для заня-

тій въ хозяйственный департаментъ, въ началѣ 1864 г. переселился въ Польшу, куда пригласилъ его на службу Николай Алексѣевичъ Милютинъ, для занятій по приведенію въ исполненіе положеній о сельскихъ гминахъ и о крестьянахъ Царства при учредительномъ комитетѣ. Какъ и всегда, А. Е. всецѣло отдался новому полезному и увлекательному дѣлу и литературой въ это время почти не занимался, помѣщая только изрѣдка статьи въ журналахъ и газетахъ (о народномъ образованіи, о народномъ хозяйствѣ, о сѣверо-западныхъ губерніяхъ). За труды по устройству крестьянъ въ Царствѣ Разинъ былъ награжденъ золотою медалью на александровской лентѣ, а по должности предсѣдателя Петроковской коммиссіи по крестьянскимъ дѣламъ онъ былъ пожалованъ 30 марта 1865 года денежною наградою. Какъ полезный и усердный работникъ, Алексѣй Егоровичъ съ 19 іюля 1866 г. былъ опредѣленъ на службу при собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи по дѣламъ Царства Польскаго. Но здѣсь Разинъ пробылъ сравнительно недолго: съ выходомъ въ отставку въ началѣ 1867 г. Милютина, у А. Е. съ новымъ начальствомъ начались нелады и 31 декабря 1868 г. онъ былъ оставленъ за штатомъ съ содержаніемъ на два года.

Поѣздка Разина въ Польшу тяжело отозвалась на личной жизни его: по возвращеніи въ Петербургъ, А. Е. не былъ обезпеченъ въ матеріальномъ положеніи, и въ результатѣ даже пришлось разстаться съ небольшимъ имѣніемъ, взятымъ за долги; кромѣ

того, по различнымъ причинамъ онъ вынужденъ былъ вести одинокую жизнь, внѣ своей семьи. Въ служебномъ отношеніи ему также не везло: хотя А. Е. былъ прикомандированъ къ министерству государственныхъ имуществъ, гдѣ онъ работалъ во многихъ коммиссіяхъ, какъ напр. съ 18 сентября 1871 г.— при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ для составленія правилъ о колонизаціи Амурскаго края, а съ 8 октября того же года—и при военномъ министерствѣ для обсужденія доставленнаго ген.-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ проекта положенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ, и кромѣ того, нан его возложена была огромная работа—составленіе и переводъ на нѣмецкій языкъ книги подъ заглавіемъ—„Сводъ узаконеній и распоряженій правительства по устройству поселянъ-собственниковъ“, за поднесеніе которой Государю Императору Разинъ 20 декабря 1871 года былъ награжденъ подаркомъ; но все это дѣлалось Алексѣемъ Егоровичемъ безплатно, жалованья по этой службѣ онъ не получалъ, и потому единственнымъ средствомъ къ существованію являлся литературный трудъ, дававшій въ сущности ничтожный заработокъ. Въ силу необходимости съ этимъ пришлось мириться, и Разинъ занялся главнымъ образомъ дѣтскою литературою. Имя его начинаетъ снова встрѣчаться какъ подъ различными статьями въ періодическихъ изданіяхъ, такъ и на отдѣльныхъ книгахъ. Изъ дѣтскихъ журналовъ А. Е. сравнительно много печаталъ въ „Семейныхъ вечерахъ“, гдѣ, между прочимъ, имъ помѣщены „Римскія катакомбы“ за 1870 г., № 1;

„Мечты и прозки въ Самборѣ“ за 1871 г., №№ 1, 4, 6, 7, 8, 9 и 10. Популяризація научныхъ знаній является не послѣднимъ мотивомъ въ работахъ Разина и имя его встрѣчается въ такихъ изданіяхъ, какъ „Нива“, гдѣ онъ въ 1873 году (№№ 6 и 14) напечаталъ—„Геологическое происхожденіе Россіи“. За то же время—до смерти Разина—изданы отдѣльно: уже упомянутая ранѣе повѣсть „Гетманъ Степанъ Остряница“, потомъ: „Дѣдушка Гостомыслъ. Повѣсть изъ русской исторіи“. Спб., 1868 г.; „Разоренный годъ. Повѣсть изъ русской исторіи (1812 г.)“. Спб., 1868 г.; „Исторія французской революціи (1788—1799). Соч. Адольфа Тьера. Перев. подъ редакц. А. Разина. 5 томовъ. Спб., 1873—1876 г.г.; „Новые разсказы для юношества. (Мечты и прозки.—Дѣдушка Гостомыслъ.—Сѣверный полюсъ и др.)“. Спб., 1873 г.; „Юные строители. Повѣсть о томъ, какъ мой племянникъ рѣшился сдѣлаться архитекторомъ“. Составл. по соч. Віола Ледюкъ. Спб., 1874 г.; „Картины изъ исторіи земной коры. Наглядная геологія“. Съ текстомъ Ф. Гохштетера, передѣл. А. Разинымъ. Спб., 1875 г.; „Откуда пошла русская земля и какъ стала быть“. Русская исторія въ повѣстяхъ, начатая А. Разинымъ и продолженная В. Лашинымъ. Спб., съ 1875 г. изданіе выходило выпусками, которыхъ было 45; въ 1879 г. это изданіе, съ рисунками Н. Дмитріева-Оренбургскаго, вышло въ 3 томахъ. Въ годъ смерти (1875 г.) вышла очень извѣстная книга Разина—„Картины русской жизни“, съ рисунка-

ми Пиланта, въ 5 томахъ, хотя на выходномъ листѣ и помѣченная 1876 годомъ. Въ 1876 г. напечатана и послѣдняя работа Алексѣя Егоровича — „Мать наставница. Азбука и первое чтеніе".

Для полноты въ библіографическомъ отношеніи необходимо отмѣтить, что въ 1858 г. подъ редакціею А. Е. Разина вышелъ 1-й томъ изданія — „Русская сельско-хозяйственная библіотека. Т. I. Почвы и хлѣба"; съ 1861 г. онъ вмѣстѣ съ П. Ольхинымъ редактировалъ „Вокругъ Свѣта. Журналъ землевѣдѣнія, естественныхъ наукъ, изобрѣтеній и наблюденій"; наконецъ, на 1872 г. было объявлено о выходѣ „журнала для юношества — Міръ Божій", подъ редакц. Разина, но изданіе такого журнала, насколько извѣстно, не осуществилось.

Какъ уже было упомянуто, Разинъ въ послѣднее время былъ причисленъ къ министерству государственныхъ имуществъ; даровая работа тамъ, правда, довела Алексѣя Егоровича до чина статскаго совѣтника, но мало удовлетворяла его, и онъ приказомъ по министерству отъ 27 декабря 1872 г. былъ, согласно прошенію, уволенъ отъ службы, и послѣ того болѣе уже нигдѣ не служилъ.

Человѣкъ съ рѣдкимъ умомъ, характеромъ, энергіей, безкорыстностью и неутомимостью въ трудѣ, А. Е. Разинъ до конца жизни сохранилъ черты быта, изъ котораго вышелъ; въ обществѣ онъ былъ угрюмо-молчаливъ; когда говорилъ, онъ нисколько не стѣснялся открыто высказывать свои мнѣнія и особенно рѣзко нападалъ на глупость, за что многіе

не любили его и почти всѣ считали человѣкомъ гордымъ, непріятнымъ. Совсѣмъ преобразовывался Разинъ въ обществѣ людей простыхъ, безкорыстно добрыхъ: среди нихъ онъ легко находилъ и предметы для разговоровъ, и умѣлъ вызывать наружу лучшія стороны души многихъ забитыхъ людей. Онъ всегда шелъ съ охотою на помощь къ бѣднымъ: живя въ деревнѣ, близъ станціи Любань, Разинъ пріобрѣлъ тамъ всеобщую любовь и уваженіе среди мѣстнаго населенія, какъ человѣкъ добрый; обладая обширными свѣдѣніями въ медицинѣ, онъ при всякомъ удобномъ случаѣ употреблялъ ихъ для оказанія помощи преимущественно бѣдному простолюдину—русскому мужику.

Умеръ А. Е. Разинъ въ бѣдности и горѣ, совершенно одинокій, неожиданно отъ разрыва сердца, въ половинѣ 6-го часа дня 18 апрѣля 1875 года, на 52 году жизни. Умеръ онъ въ Петербургѣ и погребенъ 21 числа на Волковомъ кладбищѣ. Похороны были болѣе чѣмъ скромные.

О А. Е. Разинѣ см.: И. Аничковъ — „Историч. Записка 50-лѣтія третьей Спб. гимназіи". Спб., 1873 г., прил., стр. 134. — А. П. Ходневъ — „Исторія Импер. Вольн. Экономич. О-ва". Спб., 1865 г., стр. 118 — „Пятнадцатилѣтіе газеты „Голосъ". Спб., 1878 г., стр. 5. — Ф. Толль — „Необходимое дополнительн. приложен. къ „Настольн. Словарю". Спб., 1866 г., стр. 423. — „Иллюстр. Недѣля", 1875 г., № 16, стр. 255. — „Голосъ", 1875 г., №№ 108 и 111. „Владимір. Епархіальн. Вѣдом.", 1875 г., № 9,

стр. 447—450.—„Нива“ 1875 г., № 18.—„Отчетъ о дѣйствіяхъ Импер. Вольн. Эконом. О-ва“ за 1875 г., стр. 34.—„Русск. Календарь“ А. Суворина, на 1876 г.—„Календарь“ А. Гатцука, на 1876 г.—„Гражданинъ“, 1876 г., № 4.—„Дѣтское Чтеніе“, 1885 г., № IV, стр. 1—4 (отъ редакціи) и стр. 5—33 (Е. Разиной).—„Сборн. Император. Рус. Историч. О-ва“, т. 62, стр. 198.—„Рус. Энцикл. Словарь И. И. Березина. Отд. IV, т. 1, стр. 8. (Спб., 1875 г.).—Энциклоп. Словарь“, изд. Брокгауза и Ефрона, т. 26, полут. 51, стр. 159 (Спб. 1899 г.).—„Большая Энциклоп.“, т. 16-й (1904 г.), стр. 115.—„Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ. .“, состав. Г. Н. Геннади. Томъ третій.—въ „Чтен. въ Императ. Об—вѣ Исторіи и Древн. Россійск.“ 1906 г., кн. 4, и 1907 г. кн. 1 и 4, и оттуда отд. оттиск. М., 1908, 8^0, стр. 231—232.—Рус. Біографич. Словарь, изд. Импер. Рус. Историч. Обществомъ. Спб., 1909 г., соотвѣтств. томъ на букву Р, статья А. В. С. (Смирнова), откуда и перепечатана здѣсь.

LVII.

С. К. фонъ-Ферельцтъ.

Савелій Карловичъ фонъ-Ферельцтъ, скромный труженикъ въ г. Владимірѣ, занимаетъ очень маленькое мѣсто и въ исторіи русскаго просвѣщенія. Подобныя личности, конечно, не могли и не могутъ претендовать, чтобы они были всесторонне освѣщены

въ послѣдующее время. Ихъ, въ сущности, и освѣщать нечего, да пожалуй и нечѣмъ. Но разъ въ нашемъ распоряженіи есть хотя бы очень небольшіе матеріали, думаемъ—подѣлиться этими матеріалами слѣдуетъ.

С. К. фонъ-Ферельцтъ былъ уроженцемъ города Аугсбурга, происходилъ изъ дворянъ римской имперіи, былъ сыномъ генералъ-лейтенанта и родился около 1770 г. Гдѣ онъ учился и по какому случаю попалъ во Владимірскую губернію—неизвѣстно. Извѣстно только, что въ дер. Мартьяновѣ, угличскаго у., ярославской губерніи, онъ числился помѣщикомъ, такъ какъ имѣлъ тамъ 15 душъ.

Въ 1804 году существовавшее въ г. Владимірѣ Главное народное училище было преобразовано въ гимназію; фонъ-Ферельцтъ является въ г. Владиміръ учителемъ и именно этого народнаго училища, гдѣ только-что открыты были классы нѣмецкаго и французскаго языковъ,—въ училище онъ былъ опредѣленъ 14 марта 1804 года. Въ томъ же году открылъ онъ въ г. Владимірѣ и частный пансіонъ для благородныхъ дѣтей, который и содержалъ по 1807 г.

Когда открылась во Владимірѣ гимназія (7 авг. 1804 г.), фонъ-Ферельцтъ уже былъ утвержденъ Московскимъ Университетомъ (4 августа) учителемъ не только французскаго, но и нѣмецкаго языка, и эту двойную должность исправлялъ три года и 5 мѣсяцевъ. Любопытно, что когда при открытіи гимназіи учителямъ была дана инструкція касательно веденія дѣла въ новоустроенной гимназіи, Савелію Карловичу

было особо сказано, что онъ „тѣмъ съ большею ревностью и прилежаніемъ обязанъ обучать французскому и нѣмецкому языкамъ, въ гимназіи, что содержитъ частный пансіонъ. Ибо малѣйшее его въ оной нерадѣніе подастъ вѣроятный поводъ къ заключенію, что онъ, руководствуясь корыстолюбивыми видами, желаетъ ко вреду гимназіи умножить число учащихся въ своемъ пансіонѣ, черезъ что онъ можетъ лишиться не только выгодъ и преимуществъ, съ учительскимъ званіемъ сопряженныхъ, но и права содержать пансіонъ. Таковыя же слѣдствія имѣть будетъ и внезапное его намѣреніе прежде опредѣленія на мѣсто его другихъ учителей оставить нынѣшнюю должность свою въ гимназіи“.

Такъ, видимо, дорожили тогда учителями, хотя Ферельцъ, не имѣющій никакого документа объ образовательномъ цензѣ, какъ занимающій должность младшаго учителя, получалъ жалованія только 400 р. асс. и 75 р. на дрова и свѣчи.

Въ концѣ 1806 г., съ 5 декабря фонъ-Ферельцъ, сверхъ занимаемой должности въ гимназіи, былъ прикомандированъ къ гражданской полиціи гор. Владиміра для перевода на французскій языкъ иностранныхъ паспортовъ и видовъ. Это порученіе онъ исполнялъ шесть недѣль.

Въ томъ же 1806 г. онъ принялъ русское подданство и приписался къ Владимірскому дворянству, хотя въ дворянскія родословныя книги и не внесенъ за неутвержденіемъ Правительствующимъ Сена-

томъ. 31 декабря 1808 г. Ферельцъ былъ произведенъ въ чинъ коллежскаго регистратора.

Вѣроятно, въ то отдаленное отъ насъ время люди съ какимъ бы то ни было образованіемъ цѣнились не по нынѣшнему курсу,—доказательство этого видимъ на томъ же Ферельцѣ: 6 іюля 1811 г. онъ былъ откомандированъ директоромъ училищъ для собиранія статистическихъ и топографическихъ свѣдѣній по Судогодской и Меленковской округамъ Владимірской губерніи, въ чемъ и далъ начальству отчетъ; кромѣ того, въ томъ же году (3 августа) и тѣмъ же директоромъ онъ былъ откомандированъ для открытія 6 приходскихъ училищъ въ удѣльномъ имѣніи Императорской фамиліи по Владимірской губерніи. Въ ~~1812~~ 1813 году фонъ-Ферельцъ принялъ православіе, а въ 1813 г., по отношенію Владимірскаго гражданскаго губернатора, отъ 29 сентября, къ директору училищъ былъ прикомандированъ въ свободное отъ ученія время къ переводамъ послужныхъ списковъ всѣмъ во Владимірской губерніи находящимся французской арміи военнопленнымъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ чиновъ на русскій языкъ, и это порученіе онъ исполнялъ въ теченіе цѣлаго года, за что отъ гражданскаго губернатора получилъ по начальству письменную благодарность. Добавимъ еще, что въ 1813 г. онъ получилъ чинъ коллежскаго секретаря, а въ 1814 г.—титулярнаго совѣтника.

Какъ учитель гимназіи, надо полагать, Савелій Карловичъ фонъ-Ферельцъ былъ не изъ особенно

сильныхъ: объ этомъ отчасти свидѣтельствуетъ и то, что полагавшееся по уставу гимназіи чтеніе авторовъ было совершенно выпущено, а все дѣло ограничивалось изученіемъ грамматики, переводами изъ хрестоматій да заучиваніемъ разговоровъ, тѣмъ болѣе, что по понятіямъ того времени гимназіи должны были только научить—вести незамысловатые разговоры да сочинять краткія письма на иностранныхъ языкахъ.

Впрочемъ, надо оговориться: Ферельцъ если и былъ слабъ въ познаніяхъ, какъ учитель, то только съ современной точки зрѣнія; по тому времени,—какъ рекомендовалъ его директоръ при опредѣленіи на учительскую должность,—С. К. „обучалъ новымъ языкамъ съ похвалою во многихъ дворянскихъ домахъ“. Надо думать—съ тою же похвалою учительствовалъ Ферельцъ и въ гимназіи, — 2 декабря 1812 г. изъ Училищнаго Комитета при Московскомъ Университетѣ онъ даже получилъ чрезъ начальство благодарность за ревностную и усердную службу.

Какъ членъ учительской корпораціи въ гимназіи фонъ-Ферельцъ тоже не остался въ тѣни. Правда, занявъ мѣсто учителя гимназіи по новымъ языкамъ, Савелій Карловичъ, не имѣвшій, повторяемъ, никакого аттестата, выставлялъ себя какимъ-то энциклопедистомъ, способнымъ преподавать французскій и русскій языки, географію, исторію, христіанскій законъ, ариѳметику, рисованіе, танцованіе и фехтованіе; но онъ, видимо, былъ не чуждъ, и даже очень,

педагогическаго такта. Такъ, напр., въ самомъ началѣ существованія гимназіи во Владимірѣ—возникъ у педагогическаго персонала вопросъ—можно ли дозволить ученикамъ переходить изъ класса въ классъ и по волѣ ихъ чему хотятъ обучаться? На „ученомъ преніи“ голоса педагоговъ раздѣлились и фонъ-Ферельцтъ стоялъ на сторонѣ единственно справедливой; съ этимъ послѣ и пришлось согласиться; онъ былъ врагъ манкировокъ учениками. Въ 1809 году С. К. составилъ проектъ обложенія денежнымъ сборомъ всѣхъ вольныхъ учителей и учительницъ—на предметъ содержанія бѣдныхъ учениковъ гимназій. Проектъ этотъ, представленный въ университетъ, произвелъ тамъ на столько сильное впечатлѣніе, что сочли нужнымъ отправить его въ Главное правленіе училищъ, гдѣ однако проектъ не былъ признанъ заслуживающимъ уваженія, хотя вскорѣ къ нему и вернулись.

Въ 1808 году С. К. фонъ-Ферельцтъ напечаталъ въ Москвѣ составленный имъ „Планъ Географіи, или практическое изъясненіе терминамъ и естественнымъ изображеніямъ географическимъ“. М., 1808 г., на двухъ открытихъ листахъ. Этотъ „Планъ“, сочиненный въ свободное отъ должности время въ пользу обучающагося юношества, фонъ-Ферельцтъ въ 1810 г. представилъ на разсмотрѣніе Училищнаго Комитета. Комитетъ хотя и выразилъ свое удовольствіе по поводу того, что учителя свободное отъ трудовъ время употребляютъ на полезное, однако отказалъ автору въ просьбѣ—ввести означенную карту въ качествѣ руководства въ училищахъ.

Такое рѣшеніе Комитета, естественно, обезкуражило автора: онъ понесъ убытки на изданіе, а изданіе безъ одобренія совсѣмъ не пошло въ ходъ. Долго онъ хранилъ его и только въ 1820 году, уже покидая службу въ гимназіи, С. К. принесъ все изданіе цѣликомъ въ даръ Московскому университету, прося его распространить по училищамъ, а во Владимірскую гимназію пожертвовалъ 50 экземпляровъ для раздачи учащимся. За такое „пожертвованіе своихъ сочиненій во всѣ гимназіи Московскаго учебнаго округа, сверхъ благодарности въ вѣдомостяхъ", С. К. получилъ еще 28 іюня 1820 г. такую же благодарность письменно отъ попечителя округа кн. Оболенскаго.

22 декабря 1820 г. С. К. фонъ-Ферельцтъ вышелъ въ отставку и при этомъ произведенъ былъ въ чинъ коллежскаго асессора.

Оставивъ службу въ гимназіи, гдѣ кстати сказать, Ферельцтъ получилъ въ 1816 г. и бронзовую медаль за пожертвованіе по содержанію Высочайшаго манифеста отъ 30 августа 1814 г., С. К. пошелъ на службу иного порядка: 26 января 1821 г. онъ былъ выбранъ дворянствомъ во Владимірскій уѣздный судъ дворянскимъ засѣдателемъ, а по окончаніи трехлѣтія—тѣмъ же дворянствомъ былъ избранъ съ 1-го января 1824 г. дворянскимъ засѣдателемъ во Владимірскую палату гражданскаго суда.

На этомъ наши свѣдѣнія и кончаются о Ферельцтѣ,—съ 1827 г. онъ уже не былъ засѣдателемъ.

Какъ мы видѣли, въ 1820 году С. К. фонъ-Ферельцъ получилъ благодарность за свои сочиненія. Какія же это сочиненія, когда извѣстенъ только „Планъ географіи“? Ни у Сопикова, ни у Смирдина, ни у Плавильщикова мы не находимъ другихъ его сочиненій, хотя, конечно, это не говоритъ о томъ, что ихъ и не было,—могли быть изданы анонимно. Къ такой осторожности особенно насъ обязываетъ разысканное В. Н. Рогожинымъ и приводимое имъ указаніе, что въ 1797 г. было представлено въ Московскую цензуру сочиненіе—„Сифроа и Жиневія или изобличенная невинность, драма въ 5 дѣйствіяхъ, сочиненная фонъ-Ферельцтомъ“. Очень вѣроятно, что это сочиненіе Савелія Карловича,—въ 1797 г. ему было не менѣе 27 лѣтъ.

О С. К. фонъ-Ферельцтѣ см.: послужной списокъ въ дворянскомъ Владимір. губ. архивѣ (см. „Алфавитн. списокъ дворянскихъ родовъ Владимір. губ. Владиміръ. 1905 г., стр. 243).—Н. Н. Страховъ. Историч. очеркъ Владимір. губерпск. гимназіи. Вып. I. Владиміръ. 1891 г., стр. 5, 22, 28, 73, 74, 148, 154—155, 169, 172—173, 181, 184 и 196.—В. С. Сопиковъ. Опытъ россійск. библіографіи. Редакція, примѣчанія... В. Н. Рогожина. Ч. IV. Спб. 1905 г., стр. 94 (№ 8265).—В. Н. Рогожинъ. Матеріалы для рус. библіографіи XVIII и первой четверти XIX столѣтій. Т. I, вып. I. Спб., 1903 г.. стр. 5 и 31 (№ 38) и стр. 75.

LVIII.

А. И. Урываевъ.

Алексѣй Ивановичъ Урываевъ, очень скромный дѣятель во Владимірской губерніи, изъ штабъ-офицерскихъ дѣтей, родился въ 1789 году. Родился онъ несомнѣнно во Владимірской губерніи, такъ какъ первоначальное образованіе получилъ во Владимірскомъ Главномъ народномъ училищѣ, откуда потомъ перемѣщенъ былъ въ Московскую университетскую гимназію, и тамъ, какъ видно изъ аттестата, обучался геометріи, исторіи, географіи и языкамъ латинскому, французскому, нѣмецкому и англійскому. По сообщеннымъ г. Страховымъ свѣдѣніямъ оказывается, что Урываевъ кончилъ ученіе въ гимназіи будто бы 13-ти лѣтъ, и это наводитъ на мысль,—вѣрно ли обозначенъ у г. Страхова годъ рожденія Урываева.

По окончаніи курса въ гимназіи, А. И. Урываевъ съ 1802 по 1808 г. состоялъ на службѣ въ Московскомъ почтамтѣ сначала въ должности подканцеляриста, а потомъ—канцеляриста. Къ этому времени относится выступленіе Алексѣя Ивановича на литературное поприще. Такъ, изъ „Опыта россійской библіографіи“ В. Сопикова (ч. 4-я, № 9081) узнаемъ, что въ 1805 г. въ Москвѣ отпечатана была книжка—„Произведеніе пера моего“, соч. А. Урываева. М., 1805. 12°. (цѣна 30 коп.). Книжку эту видѣть намъ не удалось и потому не знаемъ ея содержаніе Урываевъ, насколько можно судить по приведенному г. Страховымъ на стр. 107-й своего „Исто-

рическаго очерка Владимірской гимназіи" стихотворенія, могъ писать стихи. Что это именно такъ, могу подтвердить тѣмъ, что не такъ давно я видѣлъ (гдѣ— не припомню) книгу, гдѣ перечислены вышедшія въ тѣ былыя времена изъ подъ пера „писателей" произведенія, и тамъ было отмѣчено 2—3 произведенія Урываева. Къ сожалѣнію, въ данное время точнаго указанія сдѣлать не имѣю возможности.

Въ 1808 г., по особому экзамену, А. П. Урываевъ былъ принятъ въ число студентовъ Московскаго университета, гдѣ слушалъ химію, физику, технологію, метафизику, антропологію, естественное право, эстетику, статистику, исторію и россійское краснорѣчіе. Въ это же время Алексѣй Ивановичъ уже настолько выдѣлялся среди другихъ студентовъ, что, учась самъ, онъ одновременно съ этимъ состоялъ учителемъ нѣмецкой этимологіи и былъ комнатнымъ надзирателемъ при университетской гимназіи.

Въ 1811 г. Урываевъ кончилъ курсъ въ университетѣ со степенью кандидата словесныхъ наукъ и 25 декабря 1812 г. онъ былъ опредѣленъ во Владимірскую гимназію старшимъ учителемъ натуральной исторіи и технологіи, но въ 1815 г. онъ помѣнялся предметами съ учителемъ Калайдовичемъ и съ 15-го мая сталъ преподавать философію и изящныя науки; кромѣ того, въ томъ же 1815 г., съ разрѣшенія училищнаго комитета, онъ открылъ еще необязательный классъ восточной поэзіи.

Отмѣченный историкомъ Владимірской гимназіи, какъ одинъ изъ лучшихъ учителей, Урываевъ, за-

нявъ въ гимназіи уроки по изящнымъ наукамъ, на первыхъ порахъ пробовалъ было выполнять требованія Устава, т.-е. преподавать въ 1-мъ классѣ логику и всеобщую грамматику, во 2-мъ—психологію и правоученіе, въ 3-мъ—эстетику и риторику, и въ 4-мъ—право естественное и народное и политическую экономію—все предметы, какъ видимъ, спеціальнаго характера; но попытка такъ и осталась только попыткой, такъ какъ ученики вовсе не были подготовлены къ пониманію подобныхъ наукъ, и учитель замѣнилъ всѣ эти науки болѣе необходимымъ и понятнымъ—изученіемъ русскаго языка и русской словесности.

Какъ преподаватель умный, лучшій среди современныхъ ему, А. И. Урываевъ выступалъ на актахъ въ гимназіи съ рѣчами, имѣвшими въ то время серьезное общественное значеніе. На актѣ 1814 г. онъ говорилъ по поводу Наполеоновскихъ войнъ, а въ 1818 г.—„О вліяніи благочестія на науки". Принялъ онъ также очень большое участіе въ торжественномъ собраніи гимназіи, устроенномъ въ 1818 г. по случаю посѣщенія ея главнокомандующимъ расположенныхъ тогда во Владимірѣ войскъ, кн. Д. В. Голицынымъ.

Урываевъ былъ на очень хорошемъ счету и у своего высшаго начальства: 18 февраля 1819 г. онъ получилъ отъ университета изъявленіе благодарности за свое усердіе къ наукамъ и прилежаніе къ должности.

Но это вниманіе, всѣ эти благодарности плохо питали больного учителя,—онъ вынужденъ былъ дер-

жать у себя на квартирѣ учениковъ, для обученія ихъ словесности, и за все это получать отъ родителей ихъ благодарность въ формѣ присылки разныхъ вещей.

31 октября 1819 г. директоръ гимназіи донесъ въ Училищный комитетъ, что Урываевъ „боленъ чахоткою, ипохондріей и совершеннымъ разслабленіемъ нервовъ, что отнимаетъ всю надежду къ скорому его выздоровленію и дѣлаетъ его неспособнымъ къ исправленію должности“.

А. И. Урываевъ скончался 27 ноября 1819 г. и былъ похороненъ на счетъ гимназіи, израсходовавшей на этотъ предметъ 100 р. изъ экономическихъ суммъ.

О немъ свѣдѣнія мы заимствовали изъ „Историческаго очерка Владимірской губернской гимназіи“. П. Н. Страхова. Вып. I. Владиміръ. 1891 г., стр. 72, 82, 97, 98, 107, 169, 185, 191—193 и 194.

LIX.

Н. И. Язвицкій.

Николай Ивановичъ Язвицкій, писатель самаго начала XIX столѣтія, какъ отмѣчаютъ его таковымъ всѣ наши библіографы, совсѣмъ неизвѣстенъ съ біографической стороны. А между тѣмъ, какъ видно, это былъ писатель основательный, не изъ разряда тѣхъ, «твореніями» которыхъ наполнялись тогдашнія періодическія изданія. Язвицкій своими трудами стремился принести обществу дѣйствительную пользу. И

надо сожалѣть, что эта дѣйствительно полезная дѣятельность очень быстро почему-то прервалась.

Н. И. Язвицкій былъ уроженецъ Владимірской губерніи. Отецъ его, Иванъ Ивановичъ, былъ діакономъ села Подберезья, Владимірскаго уѣзда, и тамъ у него 9 мая 1782 г. и родился сынъ Николай. Въ томъ же 1782 г. діаконъ Иванъ былъ перемѣщенъ въ с. Омофорово, Язвицы—тожъ, Покровскаго уѣзда, откуда, по обычаю того времени, и явилась фамилія Язвицкій у сына его Николая, когда послѣдній былъ опредѣленъ для обученія во Владимірское духовное училище.

Ученіе въ то время въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, какъ извѣстно, сулило очень мало хорошаго въ духовномъ вѣдомствѣ: окончившіе курсъ даже въ священники рѣдко посвящались,—на эти вакансіи шли философы и ритористы, а богословы по большей части уходили въ свѣтское званіе и заполняли собою различныя присутственныя мѣста. Конечно, тоже самое предстояло продѣлать и Язвицкому, но его постигла участь „не многихъ“.

Н. И. Язвицкій, поступившій въ семинарію въ 1792 году, числился въ риторикѣ и въ вѣдомости былъ отмѣченъ: „изрядныхъ успѣховъ и скроменъ“. Въ 1803 году было сказано о немъ, что обучался поэзіи и первой части риторики; въ этомъ же году судьба его быстро измѣняется.

Какъ извѣстно, съ восшествіемъ на престолъ Александра I начинается новая эпоха въ исторіи народнаго образованія въ Россіи, въ 1802 году было

учреждено министерство народнаго просвѣщенія, а въ 1803 году—для подготовки учителей — возникла Учительская гимназія (на развалинахъ прежде бывшей Учительской Семинаріи), уже въ слѣдующемъ году переименованная въ Педагогическій Институтъ. Въ число студентовъ гимназіи было вызвано 100 семинаристовъ, среди нихъ оказался и Язвицкій, какъ мы видѣли, бывшій въ 1803 году только еще въ риторикѣ. Почему и этого — въ сущности — малосвѣдущаго ритора послали вмѣстѣ со студентами философіи, конечно, сказать теперь трудно, — вѣроятно, продолжалъ онъ отличаться „изрядными успѣхами". Курсъ Педагогическаго Института однако такъ былъ обширенъ, что не смотря на то, что для полнаго окончанія курса было назначено три года, риторъ Язвицкій могъ закончить его, кажется, только къ 1808 году.

Не имѣя основанія въ данное время придавать какое-бы то ни было значеніе фактамъ изъ семейной жизни Язвицкаго, считаемъ все же необходимымъ сообщить, что отецъ его, уже вдовый, въ 1804 году былъ опредѣленъ въ Боголюбовъ монастырь, въ число братства. Такимъ образомъ Николай Язвицкій на родинѣ уже не имѣлъ никого изъ родителей и ему, отправленному въ Петербургъ, приходилось проводить тамъ всѣ годы ученія.

По окончаніи курса въ Педагогическомъ Институтѣ, Н. И. Язвицкій въ 1808 году былъ назначенъ учителемъ въ С.-Петербургскую губернскую гимназію, открытую въ 1805 году, послѣ переименованную въ Высшее училище, а съ 1830 года, из-

вѣстную подъ названіемъ С.-Петербургской второй гимназіи. На первыхъ порахъ существованія гимназіи наши, какъ извѣстно, были очень энциклопедичны по сообщаемымъ въ нихъ свѣдѣніямъ, и Язвицкій былъ назначенъ учителемъ философіи, изящныхъ наукъ и политической экономіи,—это значило, что онъ долженъ былъ обучать гимназистовъ—логикѣ и всеобщей грамматикѣ, психологіи и нравоученію, эстетикѣ и риторикѣ, праву естественному, праву народному и политической экономіи.

Какъ шла педагогическая дѣятельность Н. И. Язвицкаго--совершенно неизвѣстно, такъ какъ отъ того времени и вообще не сохранилось документовъ. Памятникомъ осталась только переведенная съ французскаго и изданная Николаемъ Язвицкимъ „Всеобщая философическая грамматика“. (Спб., тип. Академіи Наукъ. 1810. 8°.).

Въ гимназіи Язвицкій прослужилъ однако не долго: во второй половинѣ 1811 года его тамъ уже не было. Въ этомъ убѣждаетъ насъ и то, что когда въ 1811 г. попечитель учебнаго округа вошелъ съ представленіемъ къ министру о сокращеніи учебнаго плана въ гимназіи и при этомъ представилъ распредѣленіе учебныхъ предметовъ между преподавателями въ Спб. губернской гимназіи, то между послѣдними Язвицкаго уже не было. Тоже говоритъ и историческая записка объ этой гимназіи, гдѣ сказано, что онъ служилъ въ 1808—1811 годахъ.

За три года учительства Язвицкій напечаталъ сравнительно не мало: кромѣ уже упомянутой „философической

грамматики", изъ-подъ его пера вышли—„Разсужденіе о словесности вообще". Спб., въ тип. Академіи Наукъ. 1810. 8°.; „Механизмъ, или стопосложеніе Россійскаго стихотворства". Спб., тип. Дрехслера. 1810. 8°;„ Введеніе въ науку стихотворства, или Разсужденіе о началѣ поэзіи вообще, и краткое повѣствованіе восточнаго, еврейскаго, греческаго, римскаго, древняго и средняго россійскаго стихотворства". Спб., въ Медицинской тип., 1811. 8о; „Историческое похвальное слово Суворову, или Лавры генералиссимуса князя Италійскаго и графа Римникскаго". Спб., тип. Академіи Наукъ, 1810. 8°. 88 стр.; „Оды похвальныя". Спб., въ Императорской тип., 1811. 8о; „Ода добродѣтели". Спб., 1811. 4°.

Этимъ исчерпывается списокъ отдѣльно изданныхъ сочиненій Н. И. Язвицкаго.—Въ спискѣ, хранившемся въ родѣ Язвицкихъ, сказано, что „Историческое похвальное слово Суворову" и всѣ оды посвящены авторомъ Ея Императорскому Величеству Всемилостивѣйшей Государынѣ Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ; кромѣ того, въ этомъ спискѣ есть такое отличіе: Оды похвальныя. 1) „Къ добродѣтели, писано въ новый годъ". 2) „На день рожденія Ея Величества Елизаветы Алексѣевны. 3) Ода на взятіе Рущука и другія побѣды одержанныя въ Турціи Россіянами подъ предводительствомъ Каменскаго", и указано въ спискѣ, что подобная книга есть въ Имп. Публ. Библ. Залъ 18, шкафъ 146, полка 2, № 134.

Какая была дальнѣйшая судьба Н. И. Язвицкаго—точно неизвѣстно,—несомнѣнно только то обстоя-

тельство, что съ 1811 годомъ кончилась и литературная дѣятельность Язвицкаго, въ два года такъ широко развившаяся.

Въ появившихся въ печати историческихъ матеріалахъ мы имѣемъ о Н. П. только краткія, при томъ довольно неопредѣленныя по времени, свѣдѣнія, которыя въ заключеніе нашего очерка и приведемъ здѣсь.

Въ сочиненіи кн. П. М. Долгорукаго—„Капище моего сердца или словарь всѣхъ тѣхъ лицъ, съ коими я былъ въ разныхъ отношеніяхъ въ теченіи моей жизни“ подъ 28 числомъ декабря мѣсяца помѣченъ „Язвицкой“ и тамъ сказано: „Молодой человѣкъ, вышедшій изъ духовнаго званія въ гражданское состояніе.... Счастье возвысило на нѣсколько времени жребій его, ибо онъ попалъ въ учители Россійскаго языка къ царствующей Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, по сей-то самой случай низринулъ его въ бездну жесточайшихъ золъ. Онъ былъ энтузіастъ, воображеніе его увлекло за предѣлы разсудка. Онъ лишился ума, и принуждены были запереть его въ домъ сумашедшихъ, гдѣ онъ умножилъ число несчастныхъ жертвъ романическаго воображенія“...

Кн. Долгорукой говоритъ несомнѣнно о Ник. Ив. Язвицкомъ, и если все было такъ, то вполнѣ понятной становится причина—почему прекратилась литературная дѣятельность Язвицкаго послѣ 1811 года. Этому не противорѣчитъ и то обстоятельство, что, какъ сообщаетъ намъ В. П. Саитовъ, въ VI-й книжкѣ „Чтеній въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова“ Язвицкій помѣстилъ слѣдующее свое твореніе: „Игорь

Святославичъ, героическая пѣснь. сокращена для чтенія въ Бесѣдѣ любителей рус. слова". VI-я кн. „Чтеній", какъ сообщаетъ г. Сантовъ, вышла въ 1812 г.

Итакъ, мы видимъ, что Язвицкій удостоился быть учителемъ Императрицы Елизаветы Алексѣевны (1779+1826 г.), съ 28 сент. 1793 г.--супруги Александра I.—Долго ли Язвицкій былъ учителемъ—неизвѣстно (труда Великаго Князя Николая Михайловича о царицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ—мы не имѣемъ подъ руками, хотя, какъ сообщаетъ В. И. Сантовъ, въ этомъ трудѣ царица въ приводимой перепискѣ и упоминаетъ о Язвицкомъ, какъ о своемъ учителѣ).

Сообщеніе князя Долгорукаго представляетъ значительный интересъ для біографіи Язвицкаго, но—къ сожалѣнію—оно такъ туманно, что добраться до дѣйствительной причины—отъ чего человѣкъ съ ума сошелъ, довольно трудно. И когда это въ дѣйствительности произошло--тоже неизвѣстно (князь составлялъ свое „Кашище" въ 1818—1819 годахъ).

Въ сочиненіяхъ Г. Р. Державина (академич. изданіе 2-е, т. 3-й) помѣщено письмо къ нему отъ Н. И. Язвицкаго, помѣченное 22 ноября 1813 г. Это письмо, можетъ быть, намекаетъ на тѣ причины, которыя свели Язвицкаго съ ума. Вотъ выдержки изъ этого письма:

„ ... Если бы тѣло и даже самый духъ мой не были убиты новыми несправедливостями и *интригантствами*, то я бы за первое щастіе почелъ быть ув—го в—пр... Теперь книги и все мое остаюсь при-

нуждепнымъ бросить, и сверхъ воли моей искать себѣ другое мѣсто. Долгое время я на все смотрѣлъ съ равнодушіемъ. И сносилъ все, что только касалось моей личности; честью, здоровьемъ, всѣмъ жертвовалъ для братскаго мира: но все было тщетно. Я атакованъ теперь во всѣхъ положеніяхъ; лишенъ всего. Но, в. в—пр., со слезами умоляю васъ сокрыть мою жалобу; я могу еще болѣе пострадать отъ моихъ противниковъ. Ибо они весьма сильны и мстительны; но всѣхъ я ихъ прощаю въ чистотѣ души..." и т. д.

О Ник. Ивановичѣ Язвицкомъ см. Архивъ старыхъ дѣлъ Владимір. Дух. Консисторіи.—Н. В. Малицкій—Исторія Владим. Духовной Семинаріи. Вып. 1-й (1900 г.), стр. 237; вып. 3-й (1902), стр. 328.—(А. В. Кургановичъ). Историч. Записка 75-лѣтія С.-Петербург. второй гимназіи. Ч. 1-я (1880 г.), стр. 19, 20, 126.—А. С. Вороновъ—Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній Спб.-го учебнаго округа съ 1715 по 1828 г. Спб., 1849 г., стр. 186, 194.— Энциклопед. Словарь Брокгауза и Ефрона, полут. 81, стр. 512 (отчество обозначено невѣрно).—„Библіогр. Записки" 1859 г., стт. 411—412.—„Сочиненія" Державина, акад. изд., т. VI и VIII.—Вел. Кн. Николай Михайловичъ—„Императрица Елизавета Алексѣевна", т. II.—Кн. И. М. Долгорукой—„Кладбище моего сердца" въ „Чт. въ Император. О—вѣ Ист. и Древн. Рос." 1873 г., кн. 3, и въ отд. отт., стр. 364.

LX.

Т. Ѳ. Осиповскій.

Тимофей Ѳедоровичъ Осиповскій, первоклассное свѣтило среди ученыхъ своего времени въ области математики, профессоръ и ректоръ Харьковскаго университета, родился въ с. Осиповѣ, ковровскаго уѣзда Владимірской губерніи. Поповъ сынъ,—какъ значится въ семинарскихъ спискахъ того времени, Т. Ѳ. родился 22 января 1765 г. и несомнѣнно получилъ фамилію только въ семинаріи по названію села, откуда былъ родомъ. Тогда это было обычное явленіе.

Попъ Ѳедоръ, вѣроятнѣе всего, не выдѣлялся ничѣмъ особеннымъ среди тогдашняго сельскаго духовенства; сынъ его, отданный въ семинарію, переходилъ изъ класса въ классъ и въ 1783 г. долженъ былъ окончить курсъ въ философіи. Въ это время ему шелъ уже 18-й годъ. Самое лучшее, что могло быть въ его судьбѣ,—это отправка въ академію для изученія богословія и затѣмъ учительское мѣсто въ той же семинаріи. Но въ 1782 году произошло событіе особой важности: императрица Екатерина II, желая основать въ Россіи университеты и народныя училища, повелѣла учрежденной ею для исполненія этого коммиссіи истребовать въ 1783 году изъ всѣхъ духовныхъ академій и семинарій студентовъ изъ философскаго и богословскаго классовъ лучшихъ способностей, для приготовленія къ учительскимъ должностямъ въ учреждавшейся тогда въ С.-Петербургѣ учительской гимназіи. Всего вызвано было до 150 сту-

Тимофей Ѳедоровичъ Осиповскій.

дентовъ; Владимірская семинарія въ 1783 г. послала двоихъ, Виноградова и Осиповскаго, по словамъ послѣдняго—„какъ лучшаго изъ своихъ студентовъ". Занятія въ этой своеобразной гимназіи начались въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1783 г. и продолжались безпрерывно, безъ всякихъ каникулъ, до августа 1786 года.

Высидѣть почти три года для семинариста того времени не составляло особаго подвига; въ этомъ сидѣньи Осиповскаго поражаетъ другая черта: оказывается, онъ занимался наиболѣе всего физико-математическими науками, о которыхъ въ семинаріи своего времени едва-ли и слышалъ что-нибудь; мало того, по его словамъ, онъ былъ отличнѣйшій изъ студентовъ по этой части, со второй половины курса былъ даже назначенъ репетиторомъ для своихъ товарищей. Въ 1786 г. были открыты главныя народныя училища во многихъ губернскихъ городахъ, учителями въ которыя и были назначены окончившіе курсъ учительской гимназіи. Осиповскому, какъ одному изъ лучшихъ, было предоставлено избрать по собственному усмотрѣнію мѣстомъ службы одну изъ столицъ, и выборъ его палъ на Москву, гдѣ съ 22 сентября 1786 г. и началась его педагогическая дѣятельность.

Въ Народномъ училищѣ Т. Ѳ. былъ учителемъ физико-математическихъ наукъ и русской словесности. Слава Осиповскаго, какъ лучшаго математика, уже тогда начала укрѣпляться и у начальства его, присылавшаго Т. Ѳ—чу на просмотръ различныя руководства по математикѣ, и у представителей тогдашней науки,—такъ, въ 1797 г. его приглашали въ

профессора Московскій университетъ и Медико-хирургическое училище. Но онъ оставался въ Народномъ училищѣ до 1800 года

Въ концѣ 1799 г. Коммиссія о народныхъ училищахъ пригласила Т. Ѳ. Осиповскаго занять мѣсто профессора математики и физики въ С.-Петербургской Учительской гимназіи, воспитавшей его; Т. Ѳ. покинулъ Москву и съ марта 1800 г. его педагогическая дѣятельность перенесена была въ С.-Петербургъ. Тамъ Осиповскій выступилъ впервые со своими учеными трудами. Это было такъ: существовавшія на русскомъ языкѣ руководства по математикѣ не удовлетворяли молодого ученаго, а лекціи читать и дать руководства слушателямъ нужно было, и поэтому Т. Ѳ. приступилъ къ составленію учебнаго курса по математикѣ, отчасти подготовленнаго еще въ Москвѣ. Курсъ этотъ тогда же былъ изданъ Коммиссіею о народныхъ училищахъ, при чемъ сначала напечатанъ былъ 2-й томъ: „Курсъ математики кол. ас. Тимофея Осиповскаго, отправляющаго должность профессора математики при учительской гимназіи. Т. 2-й, содержащій геометрію, прямолинейную и сферическую тригонометрію и введеніе въ криволинейную геометрію“. Спб., при Импер. Акад. Наукъ, 1801 г., 4°. VI+319 стр.+11 таблицъ чертежей, а въ слѣдующемъ году вышелъ и 1-й томъ, „Содержащій общую и частную ариѳметику“. Спб., при Импер. Акад. Наукъ. 1802 г., 4°. 357 стр. Этотъ трудъ, „серьезныя научныя и педагогическія достоинства котораго ставили его по ясности и строгости изложенія на

одномъ уровнѣ съ лучшими изъ современныхъ ему иностранныхъ учебниковъ того же рода", былъ очень распространенъ въ то время, такъ что въ 1814 г. было повторено изданіе его (Спб., при Департаментѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія), а съ 1820 г. началось и 3-е изданіе: 1-й и 2-й томы вышли въ 1820 г., а въ 1823 г. появился и 3-й томъ (вѣрнѣе—1-я часть 3-го тома): „Курсъ математики заслуженнаго профессора статскаго совѣтника Тим. Осиповскаго. Томъ 3-й, содержащій въ себѣ теорію аналитическихъ функцій, въ коей разсматриваются: преобразованіе функцій; измѣненіе функцій вообще по разностямъ и варіаціямъ и суммованіе разностныхъ функцій; интегрированіе уравненій, какъ въ цѣлыхъ, такъ и въ частныхъ дифференціалахъ, и варіаціонное исчисленіе". Спб., при Имп. Акад. Наукъ, 1823 г. 4^0. 571 стр.

Чтобы уже не возвращаться, надо замѣтить, что этотъ „Курсъ" не былъ первымъ печатнымъ трудомъ Осиповскаго. Состоя на службѣ еще въ Москвѣ, онъ сначала перевелъ книгу—„Електрическіе опыты, любопытства и удивленія достойные, съ относительными ко врачеванію параличныхъ и другихъ болѣзней наставленіями, основательнымъ расположеніемъ коихъ теорія и практика сей науки объясняются". Сочиненные механикомъ Георгомъ Адамсомъ. Перев. съ нѣмецкаго Тимофей Осиповскій, со многими дополненіями, сдѣланными Ефимомъ Войтяховскимъ. М., въ т. Клаудія. 1793 г. 8^0. Кромѣ того, Осиповскій написалъ (вмѣстѣ съ Н. Виноградовымъ)—„Торжество

Московскаго Главнаго Народнаго Училища, по случаю перемѣщенія онаго во Всемилостивѣйше пожалованный Ея Императорскимъ Величествомъ для сего Училища домъ". М., въ тип. Губернскаго Правленія. 1795 г. 4°.

Возвратимся къ пребыванію Осиповскаго въ Петербургѣ. Въ Учительской гимназіи, въ 1804 году переименованной въ Педагогическій Институтъ, было возложено на него завѣдываніе гимназической библіотекой и исправленіе студенческихъ переводовъ; между прочимъ студентамъ дано было переводить сочиненіе Анкетиля—„Сокращеніе Всемірной исторіи, представляющее перемѣны народовъ, то есть ихъ возвышенія, упадки и совершенныя паденія, съ тѣхъ поръ, какъ они стали извѣстны, даже до сего времени". Перев. съ франц. Студентами Педагогическаго Института, подъ смотрѣніемъ Осиповскаго. Подлинникъ этого сочиненія въ 12 частяхъ, но студенты перевели только 3 части. Т. Ѳ. исправилъ всѣ части, но издать успѣлъ только двѣ, а третья была издана уже послѣ правителемъ дѣлъ главнаго управленія училищъ, Мартыновымъ (Спб., тип. Импер. Академіи Наукъ. 1802 - 1807 г. 4°. X + 434 + 455 + 463 стр.).

Кромѣ указаннаго, Осиповскій вынужденъ былъ принять на себя и репетированіе студентовъ по читаемымъ имъ предметамъ. Все это такъ поглощало время у Т. Ѳ., что, по словамъ его, „не имѣлъ почти времени выйти куда и изъ дому". Помимо занятій въ гимназіи, „онъ удѣлялъ нѣсколько

времени, чтобы быть въ еженедѣльныхъ засѣданіяхъ Высочайше учрежденнаго комитета для составленія морскаго курса наукъ, въ который онъ принятъ былъ членомъ".

Въ С.-Петербургѣ слава Т. О. Осиповскаго, какъ ученаго, конечно, только еще болѣе возросла, и нѣтъ ничего удивительнаго, что Академія Наукъ предложила ему поступить въ нее адъюнктомъ математики; но отъ этого предложенія онъ отказался. Иначе отнесся онъ къ сдѣланному ему въ концѣ 1802 года В. Н. Каразинымъ отъ имени попечителя гр. С. О. Потоцкаго предложенію занять каѳедру въ открывавшемся Харьковскомъ университетѣ. „По чрезвычайному обремененію дѣлами, такъ сообщаетъ самъ Т. Ѳ.,— отъ коего я даже сдѣлался боленъ, подумавъ нѣсколько недѣль, рѣшился я принять сіе предложеніе", и въ февралѣ 1803 г. онъ былъ утвержденъ Государемъ Императоромъ профессоромъ математики въ Харьковскомъ Университетѣ.

Назначеніе Осиповскаго профессоромъ университета—съ общей точки зрѣнія—представляется весьма характернымъ явленіемъ, такъ какъ онъ не имѣлъ университетской степени. Но это явленіе вполнѣ объясняется тѣмъ временемъ: русскихъ ученыхъ тогда было еще очень мало и по необходимости приходилось искать ихъ среди иностранцевъ, которые, конечно, русскаго языка не знали. Но Тимоѳей Ѳедоровичъ еще до полученія каѳедры въ университетѣ пріобрѣлъ огромную опытность въ дѣлѣ преподаванія, занялъ высокое положеніе въ области знанія и издалъ образцо-

вый курсъ по математикѣ. Это и было лучшей аттестаціей для Осиповскаго, да не даромъ же и Академія Наукъ желала, чтобы онъ занялъ въ ней мѣсто адъюнкта.

Въ Харьковѣ дѣятельностью своею Т. Ѳ. вскорѣ же и оправдалъ, вполнѣ оправдалъ составившееся о немъ высокое мнѣніе.

Получивъ въ апрѣлѣ 1803 г. всѣ нужные документы, Т. Ѳ. Осиповскій въ началѣ мая отправился изъ С.-Петербурга въ путь и въ началѣ іюня прибылъ въ Харьковъ. Но собственно университета тамъ еще не было и потому „весь остатокъ 1803 г. и четыре мѣсяца 1804 г., какъ говоритъ самъ Осиповскій, ему пришлось быть въ Харьковѣ безъ всякаго дѣла по университету". Но не таковъ былъ человѣкъ Тимоѳей Ѳедоровичъ, чтобы сидѣть безъ дѣла: свободное время онъ употребилъ „на исправленіе и пополненіе курса аналитическихъ функцій и приложенія ихъ къ высшей геометріи, сочиненнаго имъ для лекцій въ Педагогическомъ Институтѣ, дабы по нему читать въ университетѣ".

Со времени открытія университета въ Харьковѣ Осиповскій началъ читать чистую математику, преподаваніе которой и лежало на немъ всецѣло. Въ 1810 году, когда профессоръ прикладной математики Гутъ отказался отъ чтенія механики, Осиповскій взялъ на себя чтеніе и механики (до 1813 г.); въ 1811 г. къ нему же переходитъ чтеніе оптики, а послѣ—за отсутствіемъ штатнаго преподавателя—и астрономіи, которую онъ и читалъ съ успѣхомъ по Біо.

Такимъ образомъ,—говоритъ Д. И. Багалѣй,—Осиповскій и въ дѣлѣ университетскаго преподаванія отличался такимъ же необычайнымъ трудолюбіемъ, какое онъ раньше проявлялъ въ Москвѣ и Петербургѣ; по справедливости его можно назвать столпомъ математическаго отдѣленія въ университетѣ.

Этимъ однако не исчерпывается заслуга Т. Ѳ. Осиповскаго для университета: еще до открытія послѣдняго, въ апрѣлѣ 1804 г. онъ былъ назначенъ членомъ Комитета для ускоренія дѣла по открытію университета, а вскорѣ поручено ему было и управленіе всѣми дѣлами этого Комитета. Когда въ январѣ 1805 г. былъ открытъ университетъ, Осиповскій былъ назначенъ въ правленіе непремѣннымъ засѣдателемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ въ училищный комитетъ, при чемъ отданы были въ его управленіе обѣ канцеляріи этихъ мѣстъ, и кромѣ того поручено ему же наблюденіе за кассою университета. Эту дѣятельность Осиповскаго тогдашній попечитель округа такъ характеризовалъ предъ министромъ: „занимая съ самаго открытія университета многотрудную должность непремѣннаго засѣдателя, онъ въ особенности содѣйствовалъ въ успѣшнѣйшемъ производствѣ училищныхъ дѣлъ и въ хозяйственномъ сбереженіи университетскихъ суммъ, особенному надзиранію его вѣренныхъ“.

Каковъ же былъ Осиповскій какъ профессоръ? Историкъ Харьковскаго университета, Д. И. Багалѣй, говоритъ, что настоящею гордостью и украшеніемъ физико-математическаго факультета былъ Осиповскій.

Это былъ настоящій представитель точнаго математическаго знанія, не любившій туманной философіи и въ особенности мистицизма. По воспоминаніямъ современниковъ (напр. Т. И. Селиванова), „Осиповскій, извѣстный въ свое время математикъ, кромѣ математики и физики обладалъ многосторонними свѣдѣніями и былъ неутомимо трудолюбивъ, имѣлъ обширную и твердую память, любилъ говорить положительно, выражаться точно, для чего иногда говоря останавливался и поправлялъ сказанную имъ фразу; рѣдко горячился или защищалъ что-нибудь съ жаромъ, энергически, но просто, равнодушно и настойчиво".

О популярности Тимоѳея Ѳедоровича, какъ математика, свидѣтельствуетъ слѣдующій разсказъ Т. И. Селиванова. „Разсказываютъ про Осиповскаго, что онъ, проѣзжая черезъ Москву, зашелъ инкогнито въ университетъ на лекцію профессора математики, сѣлъ на скамью и слушалъ лекцію. Между прочимъ профессоръ, объясняя какую то статью, сказалъ: „вотъ формула г. Осиповскаго, но она не полна и темна, а вотъ такого-то автора удовлетворительна". По окончаніи лекціи, Осиповскій подошелъ къ каѳедрѣ и сказалъ профессору: „позвольте мнѣ нѣсколько словъ сказать; вотъ вы взяли формулу г. Осиповскаго и сказали, что она неполна и неудовлетворительна". Потомъ взявши мѣлъ, подошелъ къ доскѣ, написалъ ту формулу и говоритъ: „Осиповскій разумѣетъ вотъ что" и, изложивши съ подробностію ту формулу, сказалъ: „вотъ видите, что она ясна и полна, а формула автора, на котораго вы ссылаетесь, менѣе

удовлетворительна". Тогда профессоръ, обращаясь къ Осиповскому, сказалъ: „съ кѣмъ я имѣю честь говорить?" „Съ Осиповскимъ". Если это и анекдотъ, то онъ во всякомъ случаѣ характеренъ, ибо рисуетъ намъ взглядъ современниковъ на Осиповскаго, какъ на выдающагося математика. Другой современникъ, Разальонъ—Сошальскій заявляетъ, что Осиповскій, „весь проникнутый любовью къ своему предмету и къ своей обязанности, умѣлъ для слушателей своихъ поэтизировать даже дифференціальныя и интегральныя исчисленія".

Совѣтъ университета уже въ 1807 г., пользуясь своимъ правомъ, возвелъ Осиповскаго въ степень доктора honoris causa.

Возведеніе Осиповскаго на степень доктора математики, конечно, было только воздаяніе по заслугамъ. Упомянутый нами выше „Курсъ математики" былъ признанъ самимъ университетомъ сочиненіемъ классическимъ; этотъ курсъ употреблялся не только въ училищахъ, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія, но и во многихъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. О третьемъ томѣ этого же курса, куда входило о дифференціальныхъ, интегральныхъ и варіаціонныхъ вычисленіяхъ, который разсматривалъ по порученію правленія училищъ д. с. с. академикъ Фусъ, этимъ послѣднимъ сказано было, что „это сочиненіе заключаетъ въ себѣ отвлеченныя изслѣдованія, весьма превышающія тотъ курсъ чистой математики, который преподается въ университетахъ, а потому не только полезно, но даже необходимо для

Это былъ настоящій представитель точнаго математическаго знанія, не любившій туманной философіи и въ особенности мистицизма. По воспоминаніямъ современниковъ (напр. Т. И. Селиванова), „Осиповскій, извѣстный въ свое время математикъ, кромѣ математики и физики обладалъ многосторонними свѣдѣніями и былъ неутомимо трудолюбивъ, имѣлъ обширную и твердую память, любилъ говорить положительно, выражаться точно, для чего иногда говоря останавливался и поправлялъ сказанную имъ фразу; рѣдко горячился или защищалъ что-нибудь съ жаромъ, энергически, но просто, равнодушно и настойчиво“.

О популярности Тимоѳея Ѳедоровича, какъ математика, свидѣтельствуетъ слѣдующій разсказъ Т. И. Селиванова. „Разсказываютъ про Осиповскаго, что онъ, проѣзжая черезъ Москву, зашелъ инкогнито въ университетъ на лекцію профессора математики, сѣлъ на скамью и слушалъ лекцію. Между прочимъ профессоръ, объясняя какую то статью, сказалъ: „вотъ формула г. Осиповскаго, но она не полна и темна, а вотъ такого-то автора удовлетворительна“. По окончаніи лекціи, Осиповскій подошелъ къ каѳедрѣ и сказалъ профессору: „позвольте мнѣ нѣсколько словъ сказать; вотъ вы взяли формулу г. Осиповскаго и сказали, что она неполна и неудовлетворительна“. Потомъ взявши мѣлъ, подошелъ къ доскѣ, написалъ ту формулу и говоритъ: „Осиповскій разумѣетъ вотъ что“ и, изложивши съ подробностію ту формулу, сказалъ: „вотъ видите, что она ясна и полна, а формула автора, на котораго вы ссылаетесь, менѣе

удовлетворительна". Тогда профессоръ, обращаясь къ Осиповскому, сказалъ: „съ кѣмъ я имѣю честь говорить?" „Съ Осиповскимъ". Если это и анекдотъ, то онъ во всякомъ случаѣ характеренъ, ибо рисуетъ намъ взглядъ современниковъ на Осиповскаго, какъ на выдающагося математика. Другой современникъ, Разальонъ—Сошальскій заявляетъ, что Осиповскій, „весь проникнутый любовью къ своему предмету и къ своей обязанности, умѣлъ для слушателей своихъ поэтизировать даже дифференціальныя и интегральныя исчисленія".

Совѣтъ университета уже въ 1807 г., пользуясь своимъ правомъ, возвелъ Осиповскаго въ степень доктора honoris causa.

Возведеніе Осиповскаго на степень доктора математики, конечно, было только воздаяніе по заслугамъ. Упомянутый нами выше „Курсъ математики" былъ признанъ самимъ университетомъ сочиненіемъ классическимъ; этотъ курсъ употреблялся не только въ училищахъ, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія, но и во многихъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. О третьемъ томѣ этого же курса, куда входило о дифференціальныхъ, интегральныхъ и варіаціонныхъ вычисленіяхъ, который разсматривалъ по порученію правленія училищъ д. с. с. академикъ Фусъ, этимъ послѣднимъ сказано было, что „это сочиненіе заключаетъ въ себѣ отвлеченныя изслѣдованія, весьма превышающія тотъ курсъ чистой математики, который преподается въ университетахъ, а потому не только полезно, но даже необходимо для

всѣхъ тѣхъ, кои избрали математику главнымъ предметомъ своего ученія, въ особенности же для тѣхъ, кто не знаетъ иностраннаго языка, ибо, сколько извѣстно, нѣтъ еще на русскомъ языкѣ такого сочиненія, въ которомъ бы такъ прекрасно, какъ тутъ, разсуждалось бы о приложеніи теоріи функцій къ кривымъ линіямъ и поверхностямъ".

„Ученые труды Осиповскаго, замѣчаетъ М. И. Сухомлиновъ, составляютъ, по отзыву спеціалистовъ, украшеніе нашей математической литературы начала XIX столѣтія. По замѣчанію проф. І. И. Сомова, курсъ математики Осиповскаго можетъ быть поставленъ на ряду съ лучшими иностранными руководствами того времени; сочиненія его показываютъ знакомство автора со всѣмъ, что было замѣчательнаго въ математической литературѣ Европы; избравши образцомъ преимущественно Эйлера, Осиповскій по ясности и строгости изложенія, былъ достойнымъ послѣдователемъ великаго математика. Обязанный своими познаніями собственному таланту и неутомимой ревности, съ которою изучалъ творенія европейскихъ ученыхъ, онъ излагалъ открытія геніальныхъ двигателей науки съ яснымъ и глубокимъ знаніемъ дѣла; его университетскія чтенія служили превосходною школою для слушателей, указывали имъ вѣрный путь и давали прочный залогъ для дальнѣйшихъ самостоятельныхъ занятій".

Къ отзывамъ объ Осиповскомъ, какъ о математикѣ, приведемъ еще свидѣтельство знаменитаго математика, академика М. В. Остроградскаго, бывшаго питомца

Харьковскаго университета времени Осиповскаго, сохранившаго до конца жизни благородное воспоминаніе о своемъ первомъ руководителѣ. По свидѣтельству Остроградскаго, математическія сочиненія Осиповскаго обратили на себя вниманіе французской академіи наукъ, признавшей ихъ достойными помѣщенія въ своемъ періодическомъ изданіи; они не были помѣщены тамъ единственно потому, что уже прежде напечатаны по русски, а въ изданія французской академіи не допускаются сочиненія, изданныя уже въ свѣтъ на какомъ-бы то ни было языкѣ.

Всѣми признаваемый какъ авторитетъ въ области своей научной спеціальности, Тимоѳей Ѳедоровичъ своею безусловною честностью, благородствомъ характера и чистотою побужденій въ соединеніи съ независимостью, съ которою Осиповскій держалъ себя, заслужилъ въ университетѣ общее уваженіе, и потому еще въ 1808 г. и затѣмъ снова въ 1810 г. Совѣтъ университета большинствомъ голосовъ избиралъ его въ ректоры, но онъ тутъ же отказывался отъ этой высокой чести „по слабости здоровья, поврежденнаго трудами“. Въ 1813 г. Осиповскій былъ избранъ проректоромъ, а на ближайшихъ выборахъ въ томъ же году — и ректоромъ, и переизбирался на слѣдующія трехлѣтія въ 1816 и въ 1819 годахъ.

Но Осиповскому пришлось жить и ректорствовать въ тѣ времена, когда въ университетахъ получили засилье такія печальной памяти лица, какъ Руничъ, Магницкій и имъ подобные. Всѣ бывшіе въ то время

русскіе университеты пережили тяжелыя, мрачныя годины; тогда пострадали многіе даровитые, талантливые профессора... Пережилъ тоже и Харьковскій университетъ.

Воспитавшійся на изученіи физико-математическихъ наукъ и на реализмѣ французской философской литературы XVIII вѣка, Т. Ѳ. Осиповскій, по словамъ М. И. Сухомлинова, былъ представителемъ реализма въ университетской наукѣ, и какъ таковой, онъ враждебно относился къ древнимъ писателямъ и новѣйшимъ философамъ, и именно потому, что видѣлъ въ нихъ, особенно въ послѣднихъ, стремленіе создавать системы a priori, при отсутствіи точнаго и всесторонняго изслѣдованія фактовъ. А въ то время какъ разъ входило въ моду новое направленіе германской философской мысли, созданное Кантомъ и нашедшее очень многихъ послѣдователей среди профессоровъ университета. Осиповскій явился рѣшительнымъ противникомъ Канта и при прямотѣ и рѣзкости въ выраженіи своихъ взглядовъ Тимоѳей Ѳедоровичъ открыто высказывалъ свой взглядъ и отстаивалъ свои мнѣнія, что особенно ясно сказалось въ его актовыхъ рѣчахъ, гдѣ, стоя на почвѣ опыта и опираясь на Бэкона, онъ горячо оспаривалъ метафизическія воззрѣнія Канта и предостерегалъ студентовъ отъ метафизики. Столь же отрицательно относился онъ и къ мистическому направленію и при новыхъ вѣяніяхъ не стѣснялся публично высказываться противъ мистиковъ, называя ихъ сумасшедшими. А въ то время во главѣ министерства народнаго просвѣ-

щенія стояли именно мистики, какъ кн. Голицынъ и др.

При такихъ-то условіяхъ и должно было протекать ректорство Т. Ѳ. Осиповскаго. Борьба его съ метафизическимъ направленіемъ еще имѣла успѣхъ, да и само министерство ничуть не было склонно поддерживать это направленіе. Но въ 1817 году былъ назначенъ попечителемъ Харьковскаго университета и его округа пріятель министра Голицына, старый масонъ З. Я. Корнѣевъ, сыгравшій въ Харьковѣ такую же роль, какъ Руничъ въ Петербургѣ и Магницкій въ Казани. Корнѣевъ былъ вице-президентомъ Петербургскаго библейскаго общества, проникнутый дѣйствительно мистическимъ направленіемъ, и его, кажется, первымъ циркулярнымъ предложеніемъ при вступленіи на должность попечителя было о томъ, что священное писаніе должно служить основою при преподаваніи всѣхъ наукъ. Идя въ такомъ направленіи, естественно, можно было доходить до геркулесовыхъ столбовъ абсурдности. Корнѣевъ, посѣщавшій лекціи профессоровъ, первый и доходилъ до этой абсурдности. Такъ, профессору физики онъ замѣтилъ, что молнія падаетъ, имѣя на своемъ концѣ треугольникъ, который изображаетъ собою святую Троицу, и т. под. Т. Ѳ. Осиповскій, съ его свѣтлымъ и точнымъ умомъ, съ его твердымъ, прямымъ и рѣшительнымъ характеромъ, очевидно, не могъ ужиться съ заводимыми Корнѣевымъ новыми порядками, будучи притомъ ректоромъ университета. Благодаря создавшемуся такому положенію, нужно было ждать,

что рано или поздно должна произойти катастрофа. Это и случилось въ 1820 г., причемъ, вполнѣ понятно, виновнымъ оказался Осиповскій.

Увольненіе Тимофея Ѳедоровича отъ службы въ университетѣ произошло совершенно случайно, сверхъ всякаго ожиданія,—только враги его, конечно, знали весь ходъ этого постыднаго дѣла. Тогда въ Харьковскомъ университетѣ было не мало профессоровъ изъ иностранцевъ, которые, пригрѣтые попечительнымъ начальствомъ на чужбинѣ, въ угоду этому начальству рѣшались на самые низкіе поступки, даже на такіе, какъ доносы.

При такихъ условіяхъ борьба, лишенная твердой, здоровой почвы, для честнаго Осиповскаго оказалась невозможной, и онъ долженъ былъ уступить.

Произошло все очень просто. 7 іюля 1820 года попечитель Харьковскаго округа получилъ изъ совѣта университета представленіе, гдѣ говорилось, что ректоръ университета Осиповскій объявилъ совѣту, что онъ слагаетъ съ себя должность по каѳедрѣ чистой математики, съ тѣмъ, чтобы получаемое имъ жалованье было обращено въ полную пенсію ему, какъ заслуженному профессору. Кромѣ того, Т. Ѳ. предлагалъ, если будетъ угодно совѣту, взять на себя преподаваніе оптики и астрономіи, съ жалованьемъ по 2000 руб. въ годъ. Совѣтъ согласился съ предложеніемъ ректора, но попечитель округа Корнѣевъ, уже ранѣе возбужденный противъ Осиповскаго за его нелюбовь къ мистикамъ, „не находя никакой пользы отъ предположеній ректора и замѣтивъ, что г.

Осиповскій съ нѣкотораго времени, послѣ многихъ моихъ напоминаній, весьма небрежно исправляетъ званіе ректора, ко вреду сего важнаго заведенія, мнѣніемъ положилъ: согласно желанію его, уволить его отъ должности ординарнаго профессора и вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ званія ректора университета, съ обращеніемъ ему, какъ заслуженному профессору, въ пенсію получаемаго имъ жалованья по 2000 руб.. въ годъ".—Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія представленіе попечителя вполнѣ утвердилъ, соглашаясь съ его мнѣніемъ, и такимъ хотя и скорымъ, но не милостивымъ судомъ Т. Ѳ. Осиповскій былъ уволенъ отъ службы въ университетѣ, 14 ноября 1820 года.

Выпадъ попечителя о „небрежномъ исправленіи званія ректора", конечно, только печальный плодъ интриги противъ Осиповскаго со стороны его недруговъ, сильно поддержанныхъ въ своихъ тайныхъ усиліяхъ попечительскимъ секретаремъ Подвысоцкимъ. Ректоромъ университета, вмѣсто Осиповскаго, былъ избранъ профессоръ Джунковскій, котораго попечитель рекомендовалъ министру какъ человѣка, „могущаго быть примѣромъ благочестивой жизни и твердыхъ правилъ христіанской нравственности".

Итакъ, Осиповскій, извѣстный ученый, былъ изгнанъ изъ университета. За что? Можетъ быть, онъ былъ невыносимъ какъ человѣкъ, по его личному характеру? Современники Осиповскаго характеризуютъ его такъ. „Осиповскій хорошій математикъ,—говоритъ Роммель,—и честный человѣкъ, но бывшій подъ

башмакомъ у своей властолюбивой и кокетливой супруги". Розальонъ-Сошальскій говоритъ, что „Рижскій, Тимковскій, Осиповскій пользовались глубочайшимъ уваженіемъ студентовъ и всего общества, какъ преподаватели и люди. Въ высшей степени мягкій и добрый Осиповскій по своимъ нравственнымъ качествамъ—такъ всѣ на него смотрѣли—былъ совершенство, насколько можетъ человѣкъ достигать его". Т. П. Селивановъ даетъ ему слѣдующую характеристику: „Т. Ѳ. Осиповскій роста хорошаго, одѣвался просто, но прилично. Извѣстный въ свое время математикъ, онъ кромѣ математики и физики, обладалъ многосторонними свѣдѣніями и былъ неутомимо трудолюбивъ. Осиповскій всегда и со всѣми въ обращеніи былъ ровенъ, никогда не выходилъ изъ себя... Онъ не любилъ мистиковъ, которые брали на себя объяснить необъяснимое... Тимофей Ѳедоровичъ имѣлъ обширную и твердую память, не любилъ тщеславиться и высказывать себя, какъ Тимковскій и Стойковичъ". Такимъ образомъ,—говоритъ Д. П. Багалѣй,—основными чертами Осиповскаго являются обширныя познанія, ясность ума, огромное трудолюбіе, скромность и спокойствіе.

Извѣстіе Селиванова о скромности и спокойствіи Осиповскаго, по мнѣнію г. Багалѣя, должно быть принято въ ограниченномъ смыслѣ, именно относится исключительно къ его преподавательской дѣятельности. „Въ своихъ отзывахъ о лицахъ и ученыхъ сочиненіяхъ Осиповскій былъ прямодушенъ и подчасъ правдиво-рѣзокъ; онъ никогда не скрывалъ

своихъ сужденій и вступалъ въ открытую борьбу со своими принципіальными противниками... Вообще это былъ человѣкъ вполнѣ опредѣленныхъ сужденій, глубокочестный, стремившійся всегда къ прогрессу и возмущавшійся всякими неправдами... Осиповскій, бывшій лидеромъ русской партіи, выдержавшій упорную борьбу съ представителемъ иноземной стихіи въ Харьковскомъ университетѣ Стойковичемъ и одержавшій надъ нимъ побѣду, естественно уже, въ силу реакціи, не остановился на полпути и, получивъ въ руки власть, можетъ быть, пользовался ею слишкомъ сурово по отношенію къ тѣмъ иностраннымъ профессорамъ, которые не внушали къ себѣ ему уваженія"...

Т. Ѳ. Осиповскій оставилъ Харьковскій университетъ въ ноябрѣ 1820 года, и вскорѣ переселился въ Москву вмѣстѣ съ женой, которая, по словамъ Цебрикова, „очень, очень пригожа и молода (разсказъ относится къ 1813—1814 г.г.), но „шпрая" малороссіянка и въ разговорахъ, и въ поступкахъ". Дѣти ихъ, сынъ и дочь, остались въ Харьковѣ для продолженія образованія, первый (послѣ извѣстный врачъ въ Москвѣ)—въ гимназіи, а вторая—въ институтѣ.

Необходимо сказать нѣсколько словъ о литературной дѣятельности Т. Ѳ. Осиповскаго. Перейдя на службу въ университетъ, онъ въ томъ же 1802 г. принялся за переводъ Небесной Механики Лапласа, которой 2-й, 3-й и 4-й томы перевелъ въ 1822 г.; но этотъ переводъ остался не напечатаннымъ. Въ 1805 г. вышелъ въ Москвѣ (печат. въ тип. Сели-

ваповскаго) сдѣланный Т. Осиповскимъ переводъ съ франц. сочиненія аббата Кондильяка—„Логика, или умственная наука, руководствующая къ достиженію истины“ (8°). Этимъ, насколько извѣстно, и ограничились труды Тимофея Ѳедоровича по переводамъ съ иностранныхъ языковъ. Далѣе идутъ уже собственные труды Осиповскаго: въ книгѣ—„Рѣчи, читанныя въ торжественномъ собраніи Императорскаго Харьковскаго университета 30 августа 1807 года“ напечатана рѣчь Осиповскаго—„О пространствѣ и времени“ (4°, стр. 3—15); въ такой же книгѣ за 1813 г. помѣщена его рѣчь—„О динамической системѣ Канта, разсужденіе“ (4°, стр. 3—16).

По поводу этой послѣдней рѣчи проф. К. А. Андреевъ говоритъ слѣдующее: „Въ то время какъ математическія произведенія Осиповскаго, не смотря на свою высокую цѣну для современниковъ, теперь должны считаться устарѣвшими, его воззрѣнія философскія сохранили свою свѣжесть до сихъ поръ. Можно сказать, что въ этихъ воззрѣніяхъ онъ опередилъ своихъ сотоварищей по наукѣ лѣтъ на пятьдесятъ. Это можно объяснить самымъ складомъ его ума. Сильный и искусный въ построеніи ряда логическихъ построеній, онъ хорошо видѣлъ, что всѣ эти заключенія теряютъ всякую цѣну, если основанія, изъ которыхъ они исходятъ, не достаточно прочны. Опираясь по этому на немногія, но вѣрныя данныя наблюдательныхъ наукъ, онъ прозрѣвалъ въ глубь будущихъ успѣховъ знанія гораздо далѣе тѣхъ мыслителей, которые, прельщаясь смѣлыми гипотезами, строили фи-

лософскія воззрѣнія на зыбкой почвѣ этихъ гипотезъ... Въ рѣчи—„Разсужденіе о динамической системѣ Канта“ Осиповскій выступилъ рѣшительнымъ противникомъ метафизическихъ системъ, какъ основанія для познанія внѣшняго для человѣка міра“.

Изъ другихъ произведеній Осиповскаго нужно отмѣтить: статью его „О календарѣ“, помѣщенную въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“, ч. 11, 1816 г., страницы 145—150; „О изліяніяхъ солнца“, напечатанную тамъ же (ч. 16, 1819 г., стр. 37—48); „Теорія движенія тѣлъ, бросаемыхъ на поверхности земной“ напечатана въ единственномъ т. I-мъ „Трудовъ Общества наукъ при Император. Харьковскомъ университетѣ“, 1817 г., 8^0, стр. 1—22; „Объ астрономическомъ преломленіи“ (напечатано тамъ же, стр. 23—41).

Другія произведенія Тимофея Ѳедоровича появились въ свѣтъ уже послѣ выхода его въ отставку. Но надо отмѣтить и то, что, еще бывши профессоромъ въ университетѣ, онъ въ указанномъ Обществѣ наукъ сдѣлалъ еще слѣдующія сообщенія, которыя остались ненапечатанными: „О дѣйствіи силъ на гибкія тѣла и о происходящемъ отъ того равновѣсіи“ (доложено въ 1814 г.); „О вычисленіи аберраціи“ (доложено въ 1816 г.); „О раздѣленіи електричества въ разобщенныхъ отводахъ при держаніи передъ ними въ нѣкоторомъ удаленіи наелектризованнаго тѣла“ (представлено въ рукописи въ 1817 г.); „Краткая рѣчь на россійскомъ языкѣ, произнесенная имъ по званію предсѣдателя Общества наукъ при

Импер. Харьковскомъ университетѣ, въ торжественномъ собраніи, бывшемъ 25 декабря 1815 года".

Поселясь въ Москвѣ, „по увольненіи отъ всѣхъ должностей по Харьковскому университету, не имѣя болѣе занятій по службѣ, кои отнимали все время, и не терпя праздности,—говоритъ Осиповскій, я принялся сперва за продолженіе перевода Небесной Механики", о чемъ мы уже упоминали выше. А затѣмъ онъ издалъ свое сочиненіе—„Разсужденіе о томъ, что астрономическія наблюденія надъ тѣлами солнечной системы, когда ихъ употребить хотимъ въ выкладки, требующія большой точности, надлежитъ поправлять еще по времени прохожденія отъ нихъ къ намъ свѣта, съ присовокупленіемъ объясненія нѣкоторыхъ оптическихъ явленій, бывающихъ при закрытіи одного небеснаго тѣла другимъ". М., въ Университетской тип., 1825. 8°. 16 стр.; послѣ этого въ 1827 г. вышло въ свѣтъ его „Изслѣдованіе свѣтлыхъ явленій, видимыхъ иногда на небѣ въ опредѣленномъ положеніи, въ разсужденіи солнца или луны". М., 1827 г. 8°. VI+59 стр. Изслѣдованія круговъ и вѣнчиковъ около солнца и луны и ложныхъ солнцъ,—говоритъ В. В. Бобынинъ,—составившія предметъ второго сочиненія (т. е. послѣдняго, упомянутаго нами), получили свое начало при чтеніи студентамъ курса оптики, когда авторъ впервые обратилъ вниманіе на отсутствіе даже упоминанія объ этихъ явленіяхъ въ курсѣ физики Лакайля, которому онъ слѣдовалъ въ своихъ лекціяхъ, и на неудовлетворительность объясненія тѣхъ же явленій

въ другихъ извѣстныхъ ему сочиненіяхъ. Авторъ, по словамъ г. Бобынина, представилъ это сочиненіе Императору Николаю I вмѣстѣ съ просьбою о доставленіи ему, путемъ перевода на французскій языкъ, возможности сообщить это сочиненіе различнымъ академіямъ Европы. Императоръ поручилъ Академіи Наукъ разсмотрѣть трудъ Осиповскаго; послѣдняя, на основаніи отзыва академика Коллинса, напечатала это сочиненіе въ 1828 году на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: „Recherches sur les phénomènes lumineux qu'on aperçoit quelquefois au ciel dans les positions déterminees par rapport au Soleil ou à la Lune, par Mr. le professour émérite Ossipofsky; traduit du russe par Loustaunau, publié par ordre de S. M. l'Empereur et aux frais de l'Académie". St.-Petersb. 1828. 4°. XIII+41 стр.

Этимъ, можно сказать, и закончилась ученая дѣятельность Т. Ѳ. Осиповскаго. Прожилъ онъ въ Москвѣ недолго, скончался тамъ 12 іюня 1831 года, на 67 году жизни. Похороненъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ.

О Т. Ѳ. Осиповскомъ см.: Н. В. Малицкій — „Исторія Владимірской семинаріи". Вып. 3, стр. 6 (№ 18).— „Современ. Календарь", изд. Ступина, на 1908 г., съ портретомъ— „Московскій Некрополь". (Составили В. И. Саитовъ и Б. Л. Модзалевскій). Изданіе Великаго Князя Николая Михаиловича. Томъ 2-й. Спб., 1908 г., стр. 380.— Гр. Геннади — „Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ"... Томъ 3-й. М., 1908 г., стр. 88.—

„Русскіе врачи—писатели“, Л. Ѳ. Змѣева. Тетрадь 2-я, стр. 45; тетрадь 3-я, стр. 43.—М. И. Сухомлиновъ—„Изслѣдованія и статьи по рус. литературѣ и просвѣщенію“. Т. I, стр. 71, 83—87, 114—116, 122, 125, 129, 143, 233. (Тоже самое прежде въ „Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.“ 1865 г., ч. 128—подъ заглавіемъ „Матеріалы для исторіи образованія Россіи въ царствованіе императора Александра I“).—Н. А. Лавровскій—„В. Н. Каразинъ и открытіе Харьковскаго университета“ въ „Журн. Мин. Народн. Просв.“ 1872 г., ч. 159, январь, стр. 57—106, и февраль, стр. 197—247.—А. Рославскій-Петровскій—„Русскіе университеты и „университетскій вопросъ“ г. Пирогова“. Прибавленіе къ Харьк. Губерн. Вѣдомостямъ 1864 года, стр. 35—36 (и отд.).—Роммель—„Пять лѣтъ изъ исторіи Харьковскаго университета. Переводъ Я. Баляснаго. Харьковъ. 1868 г.—С.-Петерб. Вѣдом., 1858 г., № 40, стр. 221.—Г. С. Чириковъ—„Т. Ѳ. Осиповскій. Ректоръ Харьковскаго Университета. 1820 г.“ въ „Рус. Старинѣ“, т. XVII, 1876 г., ноябрь, стр. 463—490.—Д. И. Багалѣй—„Опытъ исторіи Харьковскаго Университета“. Т. I-й, страницы 523—525, 541, 547, 563, 564, 577—578, 586, 666—668, 701—702, 727—728, 770, 962—967.—Томъ 2-й, стр. 112—130, 708—711 (болѣе подробный указатель въ трудѣ г. Багалѣя см. во 2-мъ т. на стр. 1130).—И. П. Щелковъ—„Изъ исторіи Харьковскаго университета“ въ „Журн. Мин. Народн. Просв.“ 1890 г., ч. 271, октябрь, стр.

358—385.—Сборникъ Отдѣленія рус. языка и словесности Импер. Акад. Наукъ, т. 18 (см. М. П. Сухомлиновъ—„Рѣчь на столѣтнемъ юбилеѣ Александра I, стр. 41).—Н. Дубровинъ—„Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе Александра I". Спб., 1883 г.,—стр. 236—237 (письмо № 219 къ гр. Аракчееву).—Энциклопед. Словарь, изд. Брокгауза и Ефрона, т. XXII, полутомъ 43, стр. 274—275 (В. В. Бобынинъ).—Рус. Біографическій Словарь, издав. подъ наблюденіемъ А. А. Половцова. Спб., 1905 г., стр. 384—388 (В. В. Бобынинъ).—„Физико-математическій факультетъ Харьковскаго Университета за первыя сто лѣтъ его существованія". Харьковъ, 1908 г., стр. 10, 30—33, 43, 48, 49, 84, 107, 112, 113, 142, 155—159, 162—164, 166—167, 172—173, 175, 211—213, 228 и 1—8 (въ біографич. словарѣ), съ портретомъ.

LXI.

Д. П. Моренковъ.

Дмитрій Павловичъ Моренковъ, по профессіи врачъ, въ свое время оказалъ такія выдающіяся заслуги, такимъ былъ извѣстнымъ дѣятелемъ въ нашей губерніи, что эта личность, не принадлежащая по происхожденію къ Владимірской губерніи, вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы мы сказали и о ней въ нашихъ очеркахъ.

Служебная дѣятельность Моренкова прошла внѣ нашей губерніи; поселился онъ въ гор. Суздалѣ со-

вершенно случайно, надо полагать, сначала только на время французской войны, въ 1812 году, когда большая часть жителей Москвы, предъ вступленіемъ въ нее Наполеона I, выѣхали изъ города и искали убѣжища въ сосѣднихъ губерніяхъ. Въ Суздалѣ однако Дмитрію Павловичу такъ понравилось, что онъ остался здѣсь до конца жизни, на счастіе жителей города и уѣзда.

По происхожденію дворянинъ Полтавской губерніи, Д. П. Моренковъ родился въ 1759 году; спеціальное образованіе получилъ онъ въ С.-Петербургѣ, именно—9 февраля 1783 г. Моренковъ поступилъ на службу въ С.-Петербургскую Генеральную сухопутную гошпиталь волонтеромъ, а 16 іюня 1785 г. —лекаремъ на его коштъ, 26 іюня того же года переведенъ былъ въ адмиралтейскую гошпиталь, откуда 11 января 1787—опять въ сухопутную; 22 мая 1789 г. онъ произведенъ былъ операторомъ; 8 августа 1790 г. Моренкова опять перевели въ адмиралтейскій госпиталь, гдѣ онъ дослужился до чина коллежскаго ассесора (11 декабря 1796 года), и 2 ноября 1797 г. былъ уволенъ изъ службы съ производствомъ пенсіи полнаго жалованья - по 420 р. въ годъ.

Вотъ краткій служебный формуляръ Д. П. Моренкова, который конечно еще ничего не говоритъ. Но за этими сухими свѣдѣніями скрывается вся заслуга Моренкова. Какъ видно изъ выданнаго ему 25 января 1798 г. изъ Государственной Медицинской Коллегіи аттестата, Д. П., „находясь при

С.-Петербургской адмиралтейской гошпитали, имѣлъ въ своемъ смотрѣніи палаты больныхъ съ самыми трудными болѣзнями, врачевалъ оныхъ съ неусыпнымъ попеченіемъ и дѣлалъ случающіяся операціи всегда съ желаемымъ успѣхомъ“,—однимъ словомъ, по всему видно, что это былъ очень опытный врачъ, котораго начальство цѣнило и переводило изъ одного госпиталя въ другой дѣйствительно для пользы дѣлу. Но не только въ этомъ была заслуга Моренкова. Это былъ человѣкъ съ даромъ творчества, изобрѣтательности на пользу той же медицины. Такъ, въ томъ же аттестатѣ читаемъ мы, что „посредствомъ электрической машины, *подъ присмотромъ его сдѣланной*, онъ излѣчилъ многихъ одержимыхъ параличемъ и другими хроническими болѣзнями. Сверхъ своей должности, побуждаемъ будучи особливымъ усердіемъ и ревностію къ службѣ и общественной пользѣ, имѣлъ особенное смотрѣніе за дѣланіемъ искусственныхъ минеральныхъ водъ, которыя *онъ же первый и ввелъ во врачебное употребленіе* съ великою пользою для больныхъ и съ выгодою для казны, и *старался* при С.-Петербургскомъ адмиралтейскомъ госпиталѣ *физическій театръ снабдить разными физическими инструментами и другими полезными вещами*, служащими къ просвѣщенію въ наукахъ и пособію больныхъ, пріемля дѣятельное участіе и въ другихъ важныхъ заведеніяхъ“. „Паче отличилъ себя, такъ заканчивается аттестатъ, въ подаваніи весьма полезныхъ средствъ къ пользованію больныхъ, наблюдая во все

время службы честные и благородные поступки и показывая собою примѣръ прочимъ сослужащимъ".

По тому времени такъ аттестованный врачъ долженъ быть признанъ особенно рѣдкимъ человѣкомъ, рѣдкимъ даже въ столицахъ, а въ такихъ мѣстахъ, какъ Суздаль и другіе наши провинціальные города— о подобныхъ врачахъ не только не мечтали, но и не умѣли мечтать.

Къ прежнимъ заслугамъ Моренкова до переѣзда его въ Суздаль нужно добавить еще слѣдующее.

По выходѣ въ отставку, проживая въ Москвѣ Д. П. не сидѣлъ безъ дѣла, а напротивъ—всѣ досуги свои посвящалъ на изобрѣтенія и открытія въ области медицины. Такъ, изъ выданнаго ему въ 1806 г., 20 ноября, министромъ внутреннихъ дѣлъ гр. В. П. Кочубеемъ свидѣтельства видно, что Моренковъ усовершенствовалъ бальзамъ оподельдокъ и изобрѣлъ крѣпкую летучую мазь; свидѣтельство это было дано въ удостовѣреніе того, что упомянутыя средства заслуживаютъ особеннаго уваженія по причинѣ полезныхъ дѣйствій и въ виду того, что Медицинскимъ Совѣтомъ найдены весьма хорошей доброты, и потому дозволяется ему составлять ихъ и продавать всякому, кто пожелаетъ, „прилагая токмо, сказано въ свидѣтельствѣ, къ каждой скляночкѣ составовъ сихъ печатное описаніе случаевъ и способа ихъ употребленія". Тѣмъ же свидѣтельствомъ дозволялось Моренкову „составленіе также искусственныхъ минеральныхъ водъ и преподаваніе публичныхъ курсовъ пользованія ими". За эти полезныя открытія

по врачебной части Моренкова, по докладу гр. Кочубея, Государь Императоръ Александръ I, принявъ съ удовольствіемъ усердіе его къ пользамъ общественнымъ, Высочайше пожаловалъ ему въ августѣ 1807 г. золотую медаль.

И вотъ такой-то врачъ совершенно случайно поселился въ захолустномъ городкѣ Владимірской губ., въ Суздалѣ.

Поселясь въ Суздалѣ, Д. П. пріобрѣлъ большой участокъ земли, на которомъ развелъ огороды и сады, настроилъ домовъ, устроилъ лабораторію и сталъ заниматься производствомъ оподельдока, крѣпкой летучей мази, а также мятной эссенціи и дегтярнаго мыла, а послѣ—по особому способу—и цикорнаго кофе, для котораго на берегу р. Каменки былъ выстроенъ даже особый заводъ. Существуетъ преданіе, что по приготовленію мятныхъ капель (цвѣтомъ чистый янтарь) Моренковъ сдѣлался извѣстенъ лично Государю Императору Александру I.

Но, конечно, не этой фабрикаціей различныхъ лекарственныхъ веществъ Д. П. пріобрѣлъ всеобщее уваженіе и дѣйствовалъ на пользу мѣстныхъ жителей.

Необходимо сказать нѣсколько словъ о положеніи медицинскаго дѣла въ то время въ губерніи вообще, и тогда будетъ вполнѣ понятно—что могъ представлять собою въ этой организаціи такой врачъ, какъ Д. П. Моренковъ.

100 лѣтъ тому назадъ положеніе медицинскаго дѣла въ губерніи было весьма плачевное: лекаря были только по городамъ, да и то не вездѣ, обязаны

они были главнымъ образомъ прекращать скотскіе падежи въ уѣздахъ и иногда бороться съ эпидеміями. Откровенно говоря, безсловесные пацієнты болѣе всего и подходили къ тогдашнему медицинскому персоналу, такъ какъ послѣдній, по большей части изъ нѣмцевъ, очень плохо говорилъ по русски, еще менѣе зналъ условія жизни русскаго народа. Въ борьбѣ со скотскими падежами и при вскрытіи мертвыхъ тѣлъ не имѣло особаго значенія иногда и совершенное незнаніе лекарями русскаго языка.

И Суздаль въ этомъ отношеніи тогда не былъ исключеніемъ: въ немъ жили казенные лекаря, изъ которыхъ одинъ самъ о себѣ какъ-то оффиціально сообщилъ, что онъ русскому діалекту не обучался, а свое искусство изучалъ на нѣмецкомъ языкѣ. Уже это одно говорило—какая могла быть польза для населенія отъ подобныхъ врачей. Впрочемъ—и другія условія мало отвѣчали требованіямъ. Такъ, напримѣръ, казна отпускала тогда лекарства въ самомъ ограниченномъ количествѣ, и то только для леченія военныхъ,—даже при эпидемическихъ болѣзняхъ не дозволялось тратить казенныя лекарства для другихъ больныхъ; если кто и удостоивался тогда получать совѣты отъ лекарей, долженъ былъ покупать лекарства на свои средства и для этого посылать за ними иногда за сотни верстъ, такъ какъ аптека была тогда на всю губернію одна, во Владимірѣ. Всего этого строя результатъ былъ, понятно, какой: народъ хотя несомнѣнно и болѣлъ, но пробавлялся леченіемъ знахарей и пр. подобныхъ имъ

лицъ; полагаю, не было и особой причины винить народъ за это невѣжество: хотя и было, какъ сказано, по одному лекарю на уѣздъ, но эти лекаря въ силу обязательствъ назначались вовсе не для леченія народа, а если бы и было усердіе помогать страждущимъ, то не было никакихъ средствъ къ этому; еще долго спустя казна поставляла въ обязанность медицинскому персоналу собирать травы, коренья и пр. пригодное для леченія и всѣмъ этимъ надѣлять больныхъ. Но вѣдь тоже дѣлали и знахари... говорившіе все же на понятномъ языкѣ.

Вотъ въ такое-то глухое и безпомощное время и поселился въ Суздалѣ Моренковъ. И къ нему, какъ къ опытному врачу, и при томъ—русскому, съ первыхъ же поръ начали стекаться больные, и онъ безплатно пользовалъ всѣхъ приходящихъ къ нему, и всѣ получали отъ него не только совѣты и наставленія, но и лекарства и другія пособія безъ всякой платы. Больныхъ бывало изъ города и уѣздовъ (не только Суздальскаго) до 5 тысячъ ежегодно,—цифра для того времени довольно внушительная. Вотъ чѣмъ привлекалъ къ себѣ Моренковъ, вотъ за что любили и уважали его и называли по всей губерніи „другомъ страждущаго человѣчества“. Но оказаніе всевозможной помощи больнымъ—это была только одна, хотя и главная сторона его благотворительной дѣятельности: онъ одинаково помогалъ и бѣднымъ жителямъ, заботился о благоустройствѣ въ городѣ, имѣлъ особое состраданіе къ содержащимся въ мѣстной тюрьмѣ, которую къ тому же и исправилъ на

свой счетъ. Однимъ словомъ—это былъ въ миніатюрѣ суздальскій Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ и также, какъ послѣдній, пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Его благотворительная дѣятельность не осталась незамѣченной и въ высшихъ сферахъ: за безкорыстную попечительность его, оказываемую въ пособіи людямъ бѣднаго класса, императоръ Николай I наградилъ Моренкова въ 11 день сентября 1826 г. орденомъ Владиміра 4-й степени, а 11 декабря того же года изъявилъ чрезъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ Дѣлъ Монаршее благоволеніе за состраданіе къ узникамъ и исправленіе городской въ Суздалѣ тюрьмы.

Прожилъ Моренковъ въ Суздалѣ около 20-ти лѣтъ; за это время онъ достигъ такого положенія, что, какъ свидѣтельствуютъ въ своихъ воспоминаніяхъ очевидцы, городъ и уѣздъ уважали его и слушались болѣе своего начальства, которое, съ своей стороны, тоже побаивалось Дмитрія Павловича, потому что высшія власти въ губернскомъ городѣ были въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ нимъ.

Живя въ Суздалѣ, Д. П. все время не оставлялъ занятій, кромѣ леченія, и по изобрѣтеніямъ. Такъ, въ сентябрѣ 1826 г. онъ представилъ въ С.-Петербургское Вольно-Экономическое Общество модель изобрѣтеннаго имъ перегоннаго куба, весьма выгоднаго по части экономіи и химіи и кромѣ того—описаніе новаго способа приготовлять домашній цикорный кофе. То и другое были признаны Обществомъ весьма полезными изобрѣтеніями и Моренковъ былъ избранъ въ члены Общества.

Фабрикація прежнихъ изобрѣтеній постоянно расширялась, соотвѣтственно возраставшимъ на нихъ требованіямъ, а между тѣмъ силы уже уходили, человѣку было подъ 70 лѣтъ. Вотъ въ это время, именно въ 1827 г., Д. И. Морепковъ и рѣшился обратиться съ прошеніемъ на Высочайшее имя, въ которомъ между прочимъ писалъ: „Богу не угодно было даровать мнѣ дѣтей. Теперь я и жена моя находимся уже въ такихъ лѣтахъ, въ которыхъ нельзя питать себя надеждою имѣть ихъ. Приближаясь къ гробу, я скорблю въ душѣ своей, что химическія мои заведенія, для производства составляемыхъ мною лекарствъ—крѣпкой летучей мази и оподельдока, устроенныя, должны по смерти моей остаться безъ всякаго употребленія и потому безъ всякой пользы для моихъ соотечественниковъ, а вмѣстѣ съ этимъ и самое положеніе жены моей неминуемо будетъ бѣдственно: ибо издерживая на дѣла благотворительности все, остающееся у меня за ежегодными расходами, я не пріобрѣлъ для нея ничего въ обезпеченіе состоянія ея—на будущее время, и все мое богатство состоитъ только въ тѣхъ химическихъ заведеніяхъ. Желая, чтобы и по смерти моей продолжалось какъ производство моихъ лекарствъ, такъ и пользованіе неимущихъ больныхъ на тѣхъ же точно правилахъ состраданія и безкорыстія, коими я доселѣ, при помощи Божіей, руководствуюсь, а также чтобъ и женѣ моей на будущее время оставить благонадежную подпору, я съ согласія ея предложилъ извѣстному намъ по его преданности къ намъ, благонравію

и любви къ благотворительности, доктору медицины М. И. Алякринскому, служащему при Московскомъ Университетѣ помощникомъ директора Врачебнаго Института, принять мою фамилію съ тѣмъ, чтобъ ему послѣ меня въ устроенныхъ мною химическихъ заведеніяхъ продолжать производство моихъ лекарствъ и принять на себя *обязанности* мои въ отношеніи къ безкорыстному пользованію бѣдныхъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ быть, какъ сыну, подпорою женѣ моей. Г. Алякринскій взъявилъ согласіе". Въ заключеніе Моренковъ проситъ Государя—дозволить Алякринскому принять фамилію его—Моренкова и вступить во всѣ права законнаго сына. Въ 1829 г. просьба была повторена, но въ оба раза—оставлена безъ уваженія, согласно существующимъ законамъ.

Д. П. Моренковъ скончался 3 октября 1830 г. и погребенъ въ Суздалѣ подлѣ южной стѣны главной церкви Васильевскаго монастыря; надъ могилой его сооружена особая часовня.

Послѣ его смерти—приготовленіе цикорнаго кофе продолжала жена его Ксенія Андреевна до своей кончины въ 1857 г., а приготовленіе лекарствъ производилось подъ наблюденіемъ Алякринскаго.

Печатныхъ трудовъ послѣ Моренкова, кажется, не осталось,—извѣстны только два летучихъ листка, составленныхъ М. И. Алякринскимъ о средствахъ Моренкова (см. въ очеркѣ объ Алякринскомъ).

О Д. П. Моренковѣ см. „Влад. Губерн. Вѣдом." 1849, № 36—В. И. Доброхотовъ—„Мѣсто могилы оператора Моренкова и краткая біографія его".—

Николай Андреевичъ Протопоповъ.

А. В. Смирновъ—„Уроженцы и дѣятели Владимір. губ.“ Вып. 2, стр. 145—147, 154.—„Труды Владимірской Ученой Архивн. Коммиссіи“, кн. X. А. В. Смирновъ—„Д. П. Моренковъ и М. П. Алякринскій“ (и оттуда отд. отт.).

LXII.

Н. А. Протопоповъ.

Николай Андреевичъ Протопоповъ, по профессіи врачъ, въ свое время подававшій много надеждъ, въ виду его выдающихся способностей, добросовѣстности и преданности наукѣ, жертвой которой онъ и погибъ, родился въ с. Устьѣ, Владимірской губерніи и уѣзда, 21 апрѣля 1858 г., гдѣ отецъ его Андрей Неофитовичъ былъ священникомъ.

Раннее дѣтство его прошло среди роскошной и привольной сельской природы, съ ея, съ одной стороны, обширными лугами, заливаемыми весной рѣкою Клязьмою, а съ другой—съ могучимъ сосновымъ лѣсомъ. Всѣ удовольствія сельской жизни были къ услугамъ безмятежно жившаго мальчика, такъ какъ и доходы Устьинскаго прихода давали возможность родителямъ Протопопова вести хозяйство по своему желанію.

Въ 1868 году произошло великое несчастіе въ многочисленной семьѣ Протопоповыхъ: скончался единственный кормилецъ, о. Андрей. Сиротское положеніе въ духовенствѣ всѣмъ до нѣкоторой степени извѣстно: дѣти—сироты при поступленіи въ школу бе-

рутся на „казенное“ содержаніе, гдѣ ихъ одѣваютъ, обуваютъ, кормятъ и снабжаютъ учебниками. Такъ случилось и съ Николаемъ Протопоповымъ и другими его братьями.

Обучался онъ во Владимірскомъ духовномъ училищѣ, какъ ближайшемъ къ селу, и во Владимірской духовной семинаріи. Обученіе въ то время въ семинаріи было обставлено многими благопріятными условіями,— еще были въ ней любимые учениками преподаватели, а безполезные, остававшіеся отъ „доисторическихъ“ временъ замѣнялись постепенно новыми, свѣжими силами. Саморазвитіе учениковъ было тогда въ полномъ ходу, и если оно не такъ замѣтно для посторонняго углублялось, то несомнѣнно расширялось у всѣхъ на глазахъ. Въ то время еще не ставилось семинаристамъ тѣхъ препонъ, которыя стремятся закрѣпостить ихъ въ „духовномъ званіи“, и бѣгству семинаристовъ въ высшія свѣтскія учебныя заведенія никто тогда не препятствовалъ. Думается, отъ такихъ порядковъ никто тогда не былъ въ убыткѣ: и общество получало полезныхъ дѣятелей, какимъ былъ, напр., Протопоповъ, да и сами семинаристы находили истинное и вполнѣ законное удовлетвореніе своимъ стремленіямъ.

Изъ рода Протопоповыхъ двое, Николай и братъ его Алексѣй, получили высшее образованіе, одинъ въ университетѣ, другой—въ Демидовскомъ лицеѣ. Въ 1878 г., по окончаніи IV класса семинаріи, Николай Андреевичъ Протопоповъ уволился изъ семинаріи и поступилъ въ Харьковскій университетъ, на

медицинскій факультетъ. Какъ шли занятія его въ университетѣ, намъ доподлинно неизвѣстно; несомнѣнно, нужда студенческая часто мучила его, такъ какъ средствъ къ существованію получать съ родины онъ не могъ. Но, какъ видно, желаніе получить медицинское образованіе крѣпко засѣло въ немъ, и онъ былъ однимъ изъ лучшихъ студентовъ. Въ 1882 г., будучи на IV курсѣ, Протопоповъ представилъ въ факультетъ, на заданную тему, свое сочиненіе—„Къ вопросу объ уреміи“, которое было удостоено факультетомъ и совѣтомъ золотой медали. Это сочиненіе тогда же было напечатано В. А. Манасеинымъ въ газетѣ „Врачъ“ (1882 г., № 26), и это была первая печатная работа Протопопова. Въ 1883 г. Николай Андреевичъ окончилъ курсъ въ университетѣ со званіемъ лѣкаря и тогда же поступилъ сверхштатнымъ ординаторомъ въ городскую Александровскую больницу, гдѣ и занимался почти два года подъ руководствомъ профессора П. Н. Оболенскаго. Въ указанную больницу, надо полагать, Николай Андреевичъ и поступилъ благодаря проф. Оболенскому.

30 мая 1884 г. проф. П. Н. Оболенскій вошелъ въ факультетъ съ рапортомъ, въ которомъ ходатайствовалъ объ опредѣленіи Н. А. Протопопова штатнымъ стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію. Медицинскій факультетъ единогласно постановилъ: ходатайствовать предъ совѣтомъ объ оставленіи лѣкаря Протопопова штатнымъ стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію по предмету общей патологіи. 6 сентября 1884 г. въ засѣ-

даніи совѣта была произведена баллотировка Протопопова, при чемъ онъ получилъ изъ 32—28 избирательныхъ шаровъ. Министерство народнаго просвѣщенія однако не торопилось съ утвержденіемъ этого избранія, и только 23 іюля 1885 г. получено было разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія на оставленіе стипендіатомъ Протопопова на два года, съ 1 января 1886 г., ввиду отсутствія свободныхъ суммъ въ министерствѣ.

Такимъ образомъ направленіе практической дѣятельности Протопопова опредѣлялось—онъ долженъ былъ готовить себя къ ученой дѣятельности. Для этого, какъ извѣстно, требуется, чтобы данное лицо обладало извѣстнымъ цензомъ учености, чтобы оно имѣло ученую степень, для врачей—степень доктора медицины. Николай Андреевичъ, пользуясь пока досугами, въ 1885 г. сдалъ экзамены, требующіеся для полученія степени доктора. Но конечно, не въ этомъ вся суть, такъ какъ экзамены эти—повтореніе тѣхъ же, что бываютъ при окончаніи курса въ университетѣ. Нужна научная подготовка, нужно обогащеніе себя различными методами изслѣдованія, нужны дѣйствительно научныя работы, а не такія, гдѣ „наука и не ночевала“, какъ это обыкновенно бываетъ въ большинствѣ диссертацій на степень доктора медицины.

Въ маѣ 1886 г. Н. А. Протопоповъ, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, отправился за границу къ Пастеру, въ лабораторіи котораго въ теченіе 3 мѣсяцевъ онъ изучалъ способъ предохранительныхъ прививокъ противъ водобоязни. Въ на-

стоящее время, конечно, можетъ казаться нѣсколько непонятнымъ, почему это человѣкъ, готовящійся къ ученой карьерѣ, для усовершенствованія себя счелъ за лучшее отправиться въ Парижъ къ Пастеру. Необходимо по этому поводу вспомнить, что геній Пастера въ то время творилъ, прямо можно сказать, чудеса, а открытіе имъ метода лѣченія бѣшенства, только что имъ блестяще доказанное, сдѣлало имя Пастера популярнымъ во всемъ свѣтѣ. И тутъ поражало ученыхъ не столько самое открытіе, сколько методъ изслѣдованія, приведшій къ открытію. Этотъ методъ, естественно, требовалъ разработки; къ Пастеру потянулись тогда ученыя силы отовсюду, и въ результатѣ мы видимъ открытіе, напр., сыворотки противъ дифтерита. Въ институтѣ Пастера уже долгіе годы работаетъ и нашъ знаменитый соотечественникъ, И. И. Мечниковъ.

По возвращеніи изъ за границы, Протопоповъ въ 1886 г. былъ избранъ Харьковскимъ медицинскимъ обществомъ завѣдующимъ Пастеровскимъ институтомъ въ Харьковѣ и бактеріологическою станціею, учрежденною при обществѣ.

Въ 1888 г., въ январѣ мѣсяцѣ, факультетъ, по представленію профессора С. Д. Костюрина, возбудилъ ходатайство предъ министромъ народнаго просвѣщенія объ оставленіи Протопопова въ званіи стипендіата еще на 1 годъ, для окончанія начатыхъ изслѣдованій надъ бѣшенствомъ; ходатайство это было удовлетворено. Послѣ этого, тотъ же проф. Костюринъ и въ томъ же 1888 г. вошелъ въ медицин-

скій факультетъ съ ходатайствомъ о командированіи за границу на 2 года съ ученою цѣлью Н. А. Протопопова. Предъ этимъ Николай Андреевичъ, именно 20 ноября 1888 г. публично защитилъ диссертацію на степень доктора медицины, подъ заглавіемъ—„Основы предохранительныхъ прививокъ противъ бѣшенства". (Харьковъ. 1888. 8°).—Вопросъ о командировкѣ за границу былъ разрѣшенъ министромъ народнаго просвѣщенія предложеніемъ отъ 20 апрѣля 1889 г. Протопоповъ былъ командированъ на 2 года, съ содержаніемъ по 1500 руб. въ годъ.

Вопросъ о командировкѣ нѣсколько затормозился и потому до полученія разрѣшенія факультетъ избралъ Николая Андреевича въ число приватъ-доцентовъ по каѳедрѣ общей патологіи. Въ виду этого Протопоповъ объявилъ курсъ—„Общая патологія инфекціонныхъ болѣзней", но читать этотъ курсъ ему не пришлось по случаю выѣзда за границу.

Въ командировкѣ Н. А. Протопоповъ пробылъ два года, занимаясь въ лучшихъ заграничныхъ университетахъ и преимущественно въ лабораторіи Пастеровскаго института, только что предъ тѣмъ открытаго. 1 апрѣля 1891 г. срокъ командировки кончился, но Протопоповъ въ это время еще не окончилъ начатыя интересныя работы и потому просилъ у министра отсрочить возвращеніе въ Россію, и министръ разрѣшилъ продлить командировку до 1 августа 1891 г. Эта отсрочка однако оказалась роковою: при научныхъ работахъ Николай Андреевичъ заразился сапомъ и возвратился въ Россію уже больнымъ. Въ

Харьковѣ онъ поступилъ на койку въ лѣчебницѣ Медицинскаго Общества и тамъ скончался 30 августа 1891 года.

Такова была судьба Протопопова. Въ полномъ разцвѣтѣ силъ, при значительной подготовленности къ научной дѣятельности, такъ печально, такъ неожиданно закончилась жизнь Николая Андреевича. По словамъ Я. П. Постоева, „въ лицѣ Протопопова Харьковскій университетъ понесъ крупную утрату, такъ какъ на него возлагались большія надежды. Протопоповъ представлялъ далеко незаурядную личность. Во всѣхъ его работахъ, по отзыву проф. С. Д. Костюрина, помимо тѣхъ или другихъ научныхъ фактовъ, добытыхъ имъ рядомъ изслѣдованій, усматривается не только любовь къ наукѣ, но и способность къ самостоятельной работѣ, умѣнье воспользоваться добытыми при изслѣдованіи данными“.

„Н. А. Протопоповъ пользовался всеобщей любовью всѣхъ знавшихъ его, всѣхъ, кто сталкивался съ нимъ; онъ никогда не отказывалъ въ помощи словомъ и дѣломъ по различнымъ научнымъ вопросамъ. Какъ видно изъ работъ, Н. А. обладалъ солидными познаніями въ области бактеріологіи, общей патологіи, патологической анатоміи, нормальной и патологической гистологіи“.

А работъ послѣ Протопопова осталось не мало; кромѣ уже указанныхъ, онъ еще напечаталъ — въ „Труд. Харьк. Медицин. Об-ва“ и въ „Труд. Мед. Секц. Об. Оп. Наукъ“: „О резекціи кишечнаго канала“; „Лѣченіе язвъ по Гамильтону“; „Объ анома-

ліяхъ сердца"; „Отчетъ о занятіяхъ по бѣшенству съ августа 1886 г. по январь 1887 г."; „О микробѣ, вызывающемъ у собакъ и кроликовъ болѣзнь, совершенно сходную съ бѣшенствомъ". Объ этой работѣ Баумгартенъ отозвался такъ: „открытіе микроба, симулирующаго ядъ бѣшенства, имѣетъ важное значеніе въ дѣлѣ предохранительныхъ прививокъ".— Еще онъ напечаталъ тамъ же: „О полученіи иммунитета къ бѣшенству посредствомъ не ядовитыхъ вакцинъ" (въ 1889 г.); „О подковообразной почкѣ"; „О поперечнополосатыхъ мышцахъ желудка"; „Случай герніотоміи въ земской сельской практикѣ"; „О теоріяхъ иммунитета" (въ 1887 г.) и „О прививіи у обезьянъ язвенной поверхности".— Въ газетѣ „Врачъ" напечаталъ—„Объ иммунитетѣ у собакъ къ бѣшенству"—1888 г., № 23, и „Къ вопросу о вакцинаціи собакъ противъ бѣшенства"—1888 г., № 41. Кромѣ указаннаго Николай Андреевичъ помѣстилъ нѣсколько работъ въ нѣмецкихъ изданіяхъ: въ „Zeitschrift für Heilkunde" 1890, Bd. XI, Hf. 2.— „Zur Bacteriologie der Variola"; „Ein Beitrag zur Kentniss der Abtinomycesculturen"; „Zur Lehre von der Immunität besonders bei der Tollwuth". Въ „Centralblatt. f. Bacteriol. und Parasitenk". напечатано— „Zur Immunität für Tollwuthgift bei Hunden"—1888. Bd. IV; „Ueber der Hauptursache der Aschwächung des Tollwuthgittes"—1889, Bd. IV, № 5, и „Ueber einen Microben derbei Kaninchen und Hunden eine der paralytische Tollwuth ganz ähnliche Krankheit hervorruft". Bd. II, 20.

Леонидъ Ивановичъ Сахаровъ.

О Н. А. Протопоповѣ см.: Н. В. Малицкій—„Исторія Влад. Дух. Семин.“, вып. 3, стр. 214.—Л. Ѳ. Змѣевъ—„Русскіе врачи-писатели“, тетр. 5, стр. 85.—„Медицинскій факультетъ Харьков. Университета за первые сто лѣтъ его существованія“, стр. 107, 114, 137, 139, 141, 145, 146, 151, 271, 275 и 67—70 (въ біографич. словарѣ. *Я. П. Постоевъ*), откуда взяты и нами приведенныя свѣдѣнія.

LXIII.

Л. И. Сахаровъ.

Леонидъ Ивановичъ Сахаровъ, по опредѣленію А. С. Гацисскаго, даровитый областной писатель, двѣ трети своей жизни провелъ въ родной ему Нижегородской губерніи и только послѣднія 20 лѣтъ посвятилъ Владимірской, гдѣ и скончался. Если Нижегородская губернія имѣетъ всѣ права называть его своимъ уроженцемъ и дѣятелемъ, то и Владимірская не можетъ вычеркнуть его изъ списка своихъ дѣятелей.

Сынъ священника (послѣ протоіерея) Леонидъ Ивановичъ родился въ гор. Арзамасѣ, Нижегородской губерніи, 10 марта 1825 года. Какъ сынъ священника, Сахаровъ былъ довольно основательно подготовленъ для поступленія въ школу и въ 1834 году былъ принятъ въ низшее отдѣленіе Нижегородскаго духовнаго училища, откуда въ числѣ лучшихъ учениковъ перешелъ и въ мѣстную семинарію. При из-

ложеніи жизни Н. Я. Дубенскаго (см. вып. 3, стр. 116—117) нами уже указывалось на существовавшее въ 1840-хъ годахъ въ духовныхъ семинаріяхъ направленіе, на желаніе тогдашняго времени, чтобы семинаристы вступали въ жизнь не съ пустыми руками, не съ одними только теоретическими и отвлеченными знаніями, а чтобы они дѣйствительно были полезными—по мѣрѣ возможности—совѣтниками для народа, въ тѣ времена еще болѣе некультурнаго, чѣмъ теперь. Въ указанномъ очеркѣ мы видѣли, что Дубенскій былъ посланъ семинарскимъ начальствомъ въ Горыгорѣцкую земледѣльческую школу. Одновременно съ нимъ былъ посланъ туда же, въ 1843 году, въ число воспитанниковъ высшаго разряда, и Нижегородскою семинаріею Л. И. Сахаровъ, гдѣ слушали они курсы: сельскаго хозяйства по всѣмъ отраслямъ его, ветеринаріи, естественной исторіи, физики, химіи, прикладной математики, механики, географіи, сельской технологіи и архитектуры, энциклопедіи камеральныхъ наукъ, положительнаго русскаго законовѣдѣнія, русской словесности и нѣмецкаго языка. Какъ видимъ, курсъ былъ очень обширенъ, на прохожденіе его полагалось только три года и—что главное—курсъ такъ долженъ быть усвоенъ, чтобы по окончаніи курса въ школѣ, сейчасъ же занять въ семинаріи мѣсто преподавателя этихъ предметовъ. Что выходило отъ такого своеобразнаго приготовленія преподавателей — сказать опредѣленно не рѣшаемся, но во всякомъ случаѣ какъ Дубенскій, такъ и Сахаровъ своими примѣ-

рами доказываютъ намъ, что казенный хлѣбъ ѣли они въ школѣ не даромъ: оба они явились на своихъ родныхъ мѣстахъ такими полезными дѣятелями, что имъ товарищи по ученію въ семинаріи могли только завидовать.

По окончаніи курса въ Горыгорѣцкой земледѣльческой школѣ, Л. И. Сахаровъ въ августѣ 1846 г. былъ назначенъ преподавателемъ сельскаго хозяйства въ Нижегородскую духовную семинарію. Всего въ родной семинаріи Леонидъ Ивановичъ прослужилъ 12 лѣтъ, при чемъ два года онъ преподавалъ латинскій языкъ и четыре года былъ экономомъ семинаріи. Преподаваніе сельскаго хозяйства и естественной исторіи, помимо сообщенія воспитанникамъ полезныхъ свѣдѣній, обогатило библіотеку семинаріи собранными Сахаровымъ коллекціями насѣкомыхъ, гербаріемъ мѣстной флоры, нѣсколькими чучелами животныхъ и моделями земледѣльческихъ орудій. За эту же службу въ семинаріи Л. И. былъ награжденъ отъ Св. Синода годовымъ окладомъ жалованья.

Занятія въ семинаріи сельскимъ хозяйствомъ, естественно, натолкнули его на изслѣдованіе разныхъ отраслей сельско-хозяйственной промышленности родного края, а это въ свою очередь повело и къ литературной дѣятельности. Здѣсь прежде всего отмѣтимъ напечатанное имъ въ „Трудахъ Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества“: „О пользѣ воздѣлыванія у насъ ярицы“—1850 г., т. III, отд. IV, стр. 34 и слѣд.; „Село Кичанзино въ хозяйственномъ отношеніи“—1851 г., т. II., отд. II, стр.

18 и слѣд. Эта статья обратила на себя вниманіе Вольно-Экономическаго Общества, которое и наградило автора малою серебряною медалью. „Макъ и масляники“ — въ 1856 г., т. III; за эту статью авторъ получилъ благодарность отъ того же Общества, со внесеніемъ этого обстоятельства въ формуляръ. Кажется, въ томъ же 1856 г. напечатана и статья— „Разведеніе Шараповскаго табаку“ (точной даты, къ сожалѣнію, дать мы не можемъ).

Появленіе трудовъ Сахарова въ изданіи Вольно-Экономическаго Общества не было началомъ литературной дѣятельности Леонида Ивановича: какъ онъ самъ въ свое время сообщилъ Гациссному, онъ началъ печатать свои статьи съ 1848 г. въ „Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ (по 1857 г.), гдѣ и помѣстилъ: „О пользѣ разведенія ярицы въ Нижегородской губерніи“; „Бесѣды о Нижегородскомъ сельскомъ хозяйствѣ“, „О повивальныхъ бабкахъ“; „О посвященіи татаръ въ муллы и азанчеи“, и „Доля бѣдняка—чиновника, подражаніе Кольцову „Сяду я за столъ“. Къ сожалѣнію, указателя къ этимъ губернскимъ вѣдомостямъ до сего времени еще не издано (хотя и обѣщано), а самыя вѣдомости трудно находимы, и потому приходится ограничиться однимъ глухимъ указаніемъ самого Сахарова.

Служба въ семинаріи дала поводъ къ тому, что въ 1857 г. бывшій нижегородскій губернаторъ А. Н. Муравьевъ, съ согласія мѣстнаго епископа Іереміи, командировалъ Л. П. Сахарова въ 7 уѣздовъ Нижегородской губерніи для обозрѣнія ихъ въ стати-

стическомъ, хозяйственномъ и промышленномъ отношеніяхъ, а послѣ этой командировки былъ приглашенъ Сахаровъ въ помощь распорядителю по устройству въ Нижнемъ Новгородѣ сельско-хозяйственной выставки; за всѣ эти труды, по ходатайству министра государственныхъ имуществъ, Леонидъ Ивановичъ получилъ денежную награду въ 200 руб.

Оставивъ службу въ семинаріи, Леонидъ Ивановичъ пристроился къ Нижегородскому статистическому комитету, и уже съ этого времени положеніе его становится неопредѣленнымъ, мало устойчивымъ. Работа въ комитетѣ—прежде всего—плохо обезпечивала въ матеріальномъ отношеніи. Правда, онъ принималъ различныя мѣры къ улучшенію своего положенія,—такъ въ 1858—1859 г.г. онъ началъ было усиленно сотрудничать въ „Ярмарочномъ Справочномъ Листкѣ“, гдѣ писалъ передовыя статьи, фельетоны (народныя сцены), велъ театральную хронику и т. п., но онъ не былъ и не могъ быть постояннымъ газетнымъ работникомъ, и потому сотрудничество въ „Листкѣ“ долженъ былъ скоро бросить; въ самомъ Комитетѣ работы сравнительно было мало, особенно интересной для него работы, и потому служилъ онъ тамъ вообще не долго. Въ 1862 г. Сахаровъ былъ командированъ для нахожденія при квартирѣ чрезвычайнаго посланника и уполномоченнаго министра двора Его Величества Шаха персидскаго, но эта командировка въ сущности ничего не давала и только въ концѣ концовъ была изъявлена благодарность со внесеніемъ въ формуляръ. Въ

1865 г. Леонидъ Ивановичъ поступилъ опять на службу, именно помощникомъ правителя канцеляріи Нижегородскаго губернатора, но въ судьбѣ его уже начался поворотъ къ худшему: въ канцеляріи онъ прослужилъ только 8 мѣсяцевъ, съ 12 января по 1 сентября 1865 г., когда былъ уволенъ по случаю сокращенія штатовъ Высочайшимъ повелѣніемъ, изъясненнымъ въ предписаніи министра внутреннихъ дѣлъ отъ 29 іюля 1865 г. и согласно положенію комитета министровъ, при чемъ за усердную службу былъ награжденъ единовременно 80 р. изъ суммъ государственнаго казначейства.

Видимое дѣло, жизнь въ Нижнемъ Новгородѣ уже не сулила Л. И. Сахарову ничего хорошаго, тамъ начали преслѣдовать его неудачи (такъ, онъ лишился первой жены, оставившей ему 4 дѣтей; женатъ онъ былъ всего три раза), и Леонидъ Ивановичъ рѣшилъ попытать счастья во Владимірской губерніи, гдѣ у него были родные со стороны матери (она была родомъ изъ Озяблицкаго погоста, Муромскаго уѣзда).

Однако Владимірская губернія встрѣтила „чужака“ недружелюбно: долго пришлось ему странствовать по губерніи, и всетаки ничего добиться не удалось. Пріютилъ его на первыхъ порахъ, надо думать, родной дѣдъ, поступившій изъ Озяблицкаго погоста въ монахи и бывшій ко времени переселенія Сахарова во Владимірскую губернію уже игуменомъ въ Золотниковской пустынѣ. Думаемъ, что это былъ родной дѣдъ, въ монашествѣ подъ именемъ Вассіанъ, а прежде бывшій Василій Петровичъ Доброхотовъ. Пребываніе въ Зо-

лотниковской пустынѣ, хотя бы и у родственника, конечно, могло быть только временнымъ, такъ какъ сама пустынь не представляла совершенно никакого интереса для человѣка все же довольно развитого, образованнаго, можно сказать—видавшаго виды на своемъ вѣку. На счастье Леонида Ивановича въ ноябрѣ 1867 г. былъ переведенъ изъ Нижегородскаго Печерскаго монастыря въ Суздальскій Спасо-Евѳиміевъ монастырь настоятелемъ архимандритъ Досиѳей, знавшій Сахарова и въ Нижнемъ. Состоялось свиданіе земляковъ и Леонидъ Ивановичъ остался у Досиѳея сначала такъ погостить, а потомъ, когда все выяснилось, архимандритъ пригласилъ Сахарова въ свои домашніе секретари. Вполнѣ понятно, что секретарствовать у архимандрита было нечего, такъ какъ единственная письменная работа архимандрита, какъ коменданта крѣпости, была въ сущности очень несложна и требовала только нужной въ томъ или иномъ направленіи отписки.

Но дѣлать что-нибудь нужно было и Л. И. Сахаровъ занялся собираніемъ матеріала для описанія того монастыря, гдѣ жилъ, тѣмъ болѣе, что и монастырскій архивъ представлялъ очень много интереснаго матеріала, которымъ всетаки—надо правду сказать—Леонилъ Ивановичъ не съумѣлъ воспользоваться, хотя бы въ предѣлахъ возможнаго. Извѣстно только, что онъ сообщилъ въ редакцію „Русской Старины“ матеріалы о Кондратіи Селивановѣ, бывшемъ коноводѣ скопцовъ. Занятія исторіей монастыря все же двигались впередъ довольно успѣшно, и въ 1869 г. Л. И.

Сахаровъ имѣлъ уже возможность напечатать во „Владим. Епарх. Вѣдом.“—„Изъ исторіи Спасо-Евѳиміева Суздальскаго монастыря“, 1869, № 19, стр. 920—928, и № 20, стр. 975—984, а въ 1870 году на средства архимандрита Досиѳея было издано „Историческое описаніе Суздальскаго первокласснаго Спасо-Евѳиміева монастыря. Собрано изъ разныхъ матеріаловъ *Л. Сахаровымъ*“. Владиміръ. 1870. 8°, 5 нен.+88 стр. и 7 рисунковъ. Это изданіе въ 1878 г. было повторено, послѣ исправленія и дополненія (Владиміръ. 1878. 8°, 104 стр., безъ рисунковъ).

Обстоятельства въ то время вообще благопріятствовали Сахарову. И самъ архим. Досиѳей, съ большою вѣроятностью надо полагать, попалъ въ Суздаль не безъ ходатайства тогдашняго Владимірскаго архіепископа Антонія (Павлинскаго), который въ 1857—1860 г.г. былъ епископомъ Нижегородскимъ и, стало быть, хорошо зналъ Досиѳея. Пріѣхавъ въ 1866 г. во Владиміръ съ Волыни, архіепископъ Антоній не привезъ съ собой оттуда секретаря, а на первыхъ порахъ обходился услугами различныхъ лицъ, которыя старались крѣпко держать въ рукахъ свою власть. Но архіеп. Антоній былъ не таковъ, чтобы дѣлить свою власть съ другими: добродушный, милостивый къ духовенству, настоящій образецъ старинаго архипастыря, онъ не выносилъ присутствія около себя этихъ алчущихъ и жаждущихъ поживиться и нажиться, и потому не прочь былъ всегда смѣнить своего секретаря, разъ онъ переходилъ положенные предѣлы. Въ

средѣ тогдашняго чернаго духовенства были у архіепископа особые любимцы,—это архимандриты Даніилъ въ Боголюбовѣ и Досиѳей въ Суздалѣ. Вѣроятно, въ одну изъ бесѣдъ Досиѳей и указалъ Антонію на Л. И. Сахарова, котораго владыка зналъ нѣсколько и по Нижнему. Такимъ путемъ, думаемъ, и состоялся переходъ Леонида Ивановича изъ Суздаля въ секретари къ архіепископу Антонію.

Прослужилъ Леонидъ Ивановичъ въ должности секретаря при архіереѣ около 9 лѣтъ. Мѣсто это для многихъ очень завидное, желательное; для Сахарова оно было только приличное,—ушелъ онъ съ этой должности почти съ тѣмъ, съ чѣмъ и пришелъ. Такъ было въ характерѣ Леонида Ивановича, да и обстоятельства не пріучали къ чему нибудь другому.

Во время службы Л. И. изрѣдка и сотрудничалъ во „Влад. Епарх. Вѣдом.“,—такъ въ 1873 г. онъ помѣстилъ—„Открытіе гор. Иваново-Вознесенска и соборнаго въ немъ храма“—№ 18, стр. 553—558; въ 1878 г.—„Освященіе теплаго храма въ Введенской пустынѣ, покровскаго уѣзда“ № 19, стр. 564—569 (тоже и въ отд. отт. Владиміръ. 1878, 8°. 16 стр.).

Архіепископъ Антоній скончался въ апрѣлѣ 1878 г., а новый епископъ Ѳеогностъ прибылъ во Владиміръ въ концѣ декабря того же года. Новый преосвященный привезъ съ собою своего секретаря, впослѣдствіи столь памятнаго П. П. Талеморовскаго. Леониду Ивановичу безъ всякихъ объясненій было отказано отъ мѣста, даже не дали дослужить полгода, чтобы

имѣть право на полученіе пенсіи. Можно было подумать, а послѣ—пожалуй—и вполнѣ убѣдиться, что новыя лица пріѣхали съ какимъ-то предъубѣжденіемъ противъ прежде существовавшихъ порядковъ. На дѣлѣ, кажется, такъ и было. Епископъ Θеогностъ, насколько послѣ стало извѣстно, былъ человѣкъ совершенно другого покроя, при немъ въ церковной жизни появилось много новаго, чего ни покойный архіепископъ Антоній, ни его приближенные, можетъ быть, и не подозрѣвали. Естественно поэтому, что Л. И. Сахаровъ былъ совершенно не подходящій человѣкъ. Всякому овощу свое время!

Выбитый изъ колеи, Сахаровъ все же на первыхъ порахъ скоро нашелъ покровителя въ лицѣ памятнаго во Владимірской губерніи Андрея Николаевича Шишкова, который, будучи управляющимъ акцизными сборами по губерніи, далъ Леониду Ивановичу должность помощника акцизнаго надзирателя по Суздальскому уѣзду. Съ этого времени Сахаровъ окончательно поселяется въ Суздалѣ. Мѣстное общество очень скоро полюбило Леонида Ивановича, какъ добряка, какъ опытнаго устроителя музыкальныхъ и литературныхъ вечеровъ, семейныхъ спектаклей, какъ отзывающагося тепло на нужды и просьбы каждаго.

За это время Л. И. Сахаровъ напечаталъ нѣсколько статей во „Вл. Еп. Вѣд.“, какъ напр.—„Пребываніе во Владимірской епархіи преосвященнаго Паисія, митрополита Аѳонскаго“—1879 г., № 8, стр. 196—204; „Некрологъ. Игуменья Евлампія“—1883 г.,

№ 13, стр. 400—405; „Три старца“—1884 г., № 3, стр. 61—69.

Въ концѣ 1884 г. Владимірское акцизное управленіе, какъ самостоятельное, было уничтожено, Шишковъ былъ переведенъ въ Рязань, а Л. И. Сахарову пришлось остаться совсѣмъ безъ мѣста. Послѣ этого онъ прожилъ съ небольшимъ два года, испытывая всю безпомощность своего положенія. Условія жизни въ это время наступили для него самыя тяжелыя: средствъ не было, а семья прибавлялась. Въ это тяжелое время постоянно приходилъ къ нему на помощь уже раньше тепло пригрѣвшій Сахарова архим. Досноей. Онъ снабжалъ Леонида Ивановича всѣмъ необходимымъ.

Чтобы закончить невеселую повѣсть о жизни Сахарова, скажемъ нѣсколько словъ о литературной дѣятельности его. Обстановка, конечно, нисколько не благопріятствовала этому: полная необезпеченность заставляла думать совсѣмъ о другомъ, а не о творчествѣ, да и страсть къ писательству у Леонида Ивановича—въ общемъ надо сказать—была очень слаба. Во „Влад. Епарх. Вѣд.“ Сахаровъ напечаталъ еще только „Стихотвореніе на открытіе и освященіе памятника кн. Д. М. Пожарскому“—1885 г. № 13, стр. 418—419.—Леонидъ Ивановичъ въ послѣдній періодъ жизни въ Суздалѣ изрѣдка сотрудничалъ въ „Современ. Извѣстіяхъ“. Это сотрудничество вовсе не носило того остраго, полемическаго, обличительнаго задора, какой, правда, появлялся тогда въ нѣкоторыхъ корреспонденціяхъ вообще изъ Владимірской губерніи,—во всякомъ случаѣ Л. И. тутъ былъ не

причемъ. Но—замѣчательно--лица, прежде относившіяся къ нему съ великимъ почтеніемъ, почитавшія его мнѣнія непреложными, теперь—при новомъ курсѣ, когда Леонидъ Ивановичъ былъ разбитъ на всѣхъ путяхъ, эти лица всякое жесткое слово въ „Современ. Извѣстіяхъ“ приписывали Сахарову и свои домыслы--ничтоже смутяся—находили возможнымъ и даже умѣстнымъ печатать въ своемъ услужливомъ органѣ; эти домыслы были, какъ говорятъ теперь, прямо-таки провокаціоннаго характера. И все это было несправедливо: Л. П. печаталъ въ газетѣ сравнительно очень мало, и при томъ почти все безъ подписи. Указать его статьи тамъ теперь нѣтъ никакой возможности,—извѣстны только двѣ его статейки: „Освященіе памятника“—кн. Пожарскому въ Суздалѣ—„Современ. Изв.“ 1885, № 136, и „Торжество открытія памятника“—№ 137.—Чтобы покончить со спискомъ его трудовъ, отмѣтимъ еще—„Суздальско-Нижегородское торжество нашихъ дней“, по поводу того же открытія памятника кн. Пожарскому, напечатанное въ „Нижегород. Губ. Вѣдом.“ 1885 г., №№ 20 и 21 (тоже вышло и въ отд. отт.).

Скончался Л. П. Сахаровъ въ Суздалѣ 11 января 1887 года; всѣ заботы по его похоронамъ взялъ на себя его неизмѣнный благодѣтель, архим. Досиѳей.

О Л. П. Сахаровѣ см.: „Современ. Извѣстія“ 1887, № 15.—„Нижегород. Биржевой Листокъ“, 1887, № 14 (перепечатка изъ „Соврем. Изв.“).—„Труды Владим. Учен. Архив. Комм.“, кн. VI (1904 г.)—въ прилож. *А. В. Смирновъ*—„Порт-

ретная галлерея урожен. и дѣятел. Влад. губ.", вып. 3, стр. 17—20, съ портретомъ,—и оттуда отдѣл. оттискъ.—*Д. Д. Языковъ*—„Обзоръ жизни и трудовъ рус. писател.", вып. 10 (1907 г.), стр. 94—95.—„Сборникъ Нижегор. Ученой Архивн. Коммис.", т. 8, стр. 87—93.

LXIV.

М. М. Рангъ.

Михаилъ Михайловичъ Рангъ, мѣстный дѣятель, уроженецъ Тамбовской губерніи. Сынъ статскаго совѣтника, Михаила Францевича Ранга, доктора медицины, акушера Тамбовской врачебной управы, родился 12 іюня 1823 г. На сколько возможно было, подготовленный дома М. М. получилъ образованіе въ Институтѣ корпуса путей сообщенія. 1 іюня 1837 г. онъ вступилъ въ службу кадетомъ, 3 іюля 1841 г. произведенъ въ портупей-прапорщики, 9 іюня 1842 г. по экзамену въ наукахъ—произведенъ въ поручики, а 9 іюля зачисленъ въ корпусъ инженеровъ путей сообщенія съ оставленіемъ при институтѣ для продолженія курса наукъ.

20 іюня 1844 г., по Высочайшему повелѣнію, Рангъ назначенъ былъ въ дѣйствительную службу, въ распоряженіе правленія V округа путей сообщенія; 20 сентября 1844 г. приказомъ по корпусу главноначальствующаго М. М. былъ назначенъ помощникомъ столоначальника искусственнаго отдѣленія

правленія V округа, а въ слѣдующемъ году, 3 іюля 1845 г., подобнымъ же приказомъ главноначальствующаго былъ назначенъ въ должность адъютанта къ исправляющему должность начальника V округа, 6 декабря 1845 г. онъ былъ произведенъ въ подпоручики, а 6 декабря 1848 г.—въ поручики. Въ 1850 г. 23 апрѣля М. М. Рангу за отлично-усердную службу было объявлено Высочайшее благоволеніе, а 26 августа того же года онъ былъ назначенъ начальникомъ 4 дистанціи 1 отдѣленія V округа, а затѣмъ онъ былъ перемѣщенъ начальникомъ 6 дистанціи II отдѣленія V округа.

Таковъ вкратцѣ формуляръ Михаила Михайловича Ранга. Эти служебныя перемѣщенія въ концѣ привели его на строившееся тогда Московско-Нижегородское шоссе; мѣстомъ своего пребыванія онъ избралъ г. Владиміръ и такимъ путемъ сталъ постояннымъ жителемъ этого города, гдѣ затѣмъ женился и скончался.

Строителемъ шоссе былъ извѣстный въ г. Владимірѣ Никитинъ, на дочери котораго М. М. Рангъ и женился. Эта женитьба дала молодому инженеру довольно солидное обезпеченіе, вмѣстѣ съ земельными владѣніями въ различныхъ уѣздахъ, а благодаря этому и возможность для него принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ по избранію общественныхъ управленій. Но эта общественная дѣятельность, напр., въ должности мирового судьи, не выходила изъ установленныхъ предѣловъ и ничѣмъ особымъ не выдѣлялась, и потому сказать о ней что-либо особенное нечего.

Михаилъ Михайловичъ Рангъ.

Михаилъ Михайловичъ Рангъ болѣе остался памятенъ, какъ мѣстный литературный дѣятель, какъ сотрудникъ нѣкоторыхъ періодическихъ изданій. Труды его по этой части, правда, не были особенно ярки, не выдѣлялись какими-либо особыми достоинствами; но чтобы смотрѣть болѣе правильно на эту дѣятельность Михаила Михайловича Ранга, необходимо принять во вниманіе, что это было въ провинціи, происходило въ то, можно сказать, глухое время, когда въ провинціи жизнь отличалась спячкою и пробужденіе интереса къ общественнымъ дѣламъ было своего рода подвигомъ. Безобразія тогдашней провинціальной жизни были какъ бы узаконены, освящены, тогда все сводилось къ тому, чтобы все было „шито да крыто“. Михаилъ Михайловичъ мириться съ этимъ не могъ и не хотѣлъ, и мы видимъ, что онъ дѣлаетъ попытки говорить объ этомъ громко даже въ такомъ, казалось бы, не подходящемъ органѣ, какъ мѣстныя „Губернскія Вѣдомости“. Это, несомнѣнно, было такъ ново и вмѣстѣ съ тѣмъ шло такъ въ разрѣзъ съ установившимся въ вѣдомостяхъ порядкомъ, что цензуровавшій тогда вѣдомости совѣтникъ губернскаго правленія И. Я. Покровскій, какъ видно изъ писемъ Ранга къ К. Н. Тихоправову, доводилъ автора различныхъ замѣтокъ „до бѣлаго каленія“ и вынуждалъ его бросать сотрудничество.

Сотрудничалъ М. М. Рангъ не только въ мѣстныхъ изданіяхъ, но и въ столичныхъ, и все, что намъ извѣстно, помѣщаемъ въ дальнѣйшемъ перечнѣ;

многихъ статей его въ „Голосѣ“, „Рус. Вѣдомостяхъ“ и другихъ изданіяхъ мы не знаемъ, какъ не подписанныя, и потому въ нашемъ перечнѣ ихъ нѣтъ.

Во „Владим. Губерискъ. Вѣдомостяхъ“ имъ напечатано слѣдующее: „Жалованная грамота патріарха Филарета, 1622 г., на помѣстья Степана Никитина“—1857, № 9; „Жалованная грамота патріарха Іоасафа, 1637 г.“ (на имѣнія Антониды Никитиной во Владимірскомъ уѣздѣ)—№ 11; „Жалованная грамота царя Алексѣя Михаиловича, 1649 г., Степану Никитину на Галицкія вотчины“—№ 19; „Объ открытіи обновленнаго театра и о спектакляхъ“, за подписью *Зритель* или *П* (т.-е. инженеръ)—1863, №№ 42, 43, 46, 50; 1864 г., №№ 6—9, 13, 40, 43, 48, 50, 52; (за подписью *П.*—„Театральная хроника“); „Спектакль во Владимірѣ въ пользу женскаго училища 2-го разряда и въ пользу бѣдныхъ“—1868, № 47; „Театральная хроника г. Владиміра“—1872, №№ 3, 4, 12, 49; 1873, №№ 2, 4, 6, 9, 20 (*Зритель*); „Спектакли съ благотворительной цѣлью“—1875, №№ 23 и 28; „Устройство водопровода въ г. Владимірѣ“ *П.*—1863, № 50; „Владиміръ. Наши домашнія дѣла“ *П.*—1864, №№ 11, 12, 15, 17, 19, 22, 24, 29—34, 42, 43, 45, 47, 49; „Наблюденія о состояніи погоды въ г. Владимірѣ“.—1864 г., №№ 14—37, 39, 40, 42, 44, 45, 47, 48, 50—52; „Владиміръ. Городскія извѣстія“.—*Скромный наблюдатель*—1864, № 22; „Отвѣтъ на протестъ г. Полякова, помѣщенный въ № 133 „Московскихъ Вѣдомостей“ (объ отсутствіи поѣздовъ).

Корреспондентъ Влад. губ. вѣдом.—1864, № 29: „О порядкахъ на московско-нижегородской желѣзной дорогѣ". *Пассажиръ*—1864, №№ 29, 33, 38; „О посадкѣ по улицамъ лиственныхъ деревьевъ" *П.*—1864, № 30; „Еще о квартирной повинности во Владимірѣ" *П.* (Отвѣтъ Шарову)—№ 32; „По поводу статьи г-на С-каго (Сервицкаго), помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ „Православнаго Обозрѣнія" и перепечатанной въ № 36 „Влад. губ. Вѣд.". *М. Р.* (объ отношеніи Владимірскаго городского общества къ улучшенію быта городского духовенства)—№ 37; „Объ устройствѣ городской стражи во Владимірѣ.—По поводу пожертвованія г. Сомовымъ колокола въ церковь Ильи пророка". *Владимірскій гражданинъ*—№ 44; „Нѣчто о теплыхъ вагонахъ Нижегородской желѣзной дороги". *П.*—№ 47; „Еще о желѣзной дорогѣ". *Пассажиръ*—№ 48: „Искусственный дождь". (О порядкахъ на желѣзной дорогѣ). *Пассажиръ*—№ 49; „Шуя. Объ общественной жизни въ городѣ". *М. Р.*—№ 51; „Отвѣтъ на статьи о колоколѣ". *Владимірскій гражданинъ.*—№ 52; „О состояніи погоды въ г. Владимірѣ"—1865, №№ 2, 6, 11, 13; „Полевой военный судъ въ губ. гор. Владимірѣ надъ разбойниками, совершившими убійства и грабежи во Владимірской губерніи въ концѣ прошлаго 1865 года". (Изъ „Голоса")—1866 г. №№ 47—50; „Концертъ Оле-Булля и біографическія о немъ свѣдѣнія"—1867, № 10; „Графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ, Владимірскій намѣстникъ и генералъ-губернаторъ"—1867, № 2; „Князь

Ив. Мих. Долгорукой, Владимір. гражданскій губернаторъ"—№ 6; „Московско-Нижегородская желѣзная дорога, въ предѣлахъ Владимірской губерніи (по 1 января 1866 г.)—№ 8; „Хронологическій списокъ архіереямъ, управлявшимъ Суздальскою и Владимірскою епархіями, отъ водворенія христіанской вѣры въ Россіи, до настоящаго времени"—№ 40; „Некрологъ. Александръ Дмитріевичъ Рагозинъ"—1868, № 3; „Сравнительная таблица времени въ различныхъ пунктахъ Владимір. губерніи, а также и соотвѣтственные часы времени въ Петербургѣ и Москвѣ"—№ 5; „Историческая замѣтка (объ открытіи намѣстничества, 19 декабря 1778 г.)". *М. Р.*—№ 6; „Замѣтка къ біографіи Виктора епископа Суздальскаго"—№ 12; „Алексій митрополитъ"—1869 г., № 18; „Суздаль. Земскіе выборы"—№№ 22 и 46; „Портретъ стольника Артемія Ивановича Челищева"—№ 23; „Разсказъ очевидца о посѣщеніи императоромъ Павломъ I города Владиміра на Кльзьмѣ"—1870, № 1. (Это перепечатано изъ сборника „Осмнадцатый Вѣкъ", изд. П. И. Бартеневымъ, редакторомъ „Рус. Архива". М., 1870, т. 4, стр. 469—473); тоже самое—въ „Трудахъ Владимір. Статистич. Комитета", Вып. 8. 1870 г., стр. 170—175; „Отзывъ о соч. Голышева—„Древности Богоявленской церкви въ слободѣ Мстерѣ"—Влад. Губ. Вѣдом., 1870, №№ 14 и 20; „Указъ императора Павла Перваго, отъ 31 мая 1798 г. правительствующему сенату (о порядкѣ найденномъ во Владимірѣ)"—1870, № 14; „По поводу статьи г. Гарелина, помѣщенной

въ № 28, 1869 г., „Влад. Губ. Вѣд." (Спасо-Евѳиміевскій монастырь въ г. Суздалѣ....)—1870, № 24; „Шуточный романсъ, соч. кн. Ив. Мих. Долгорукаго"—№ 25; „Составъ Владимірскаго Губернскаго Земскаго Собранія...."—№ 27; „Описаніе городовъ и посадовъ Владимірской губерніи въ началѣ XIX столѣтія"—1870 г., № 41; 1871 г., №№ 8—10; „Извѣстія о намѣстникахъ, правителяхъ, помощникахъ правителей, предсѣдателяхъ судебныхъ палатъ, губернскихъ и уѣздныхъ предводителяхъ Владимірской губерніи, съ 1778 по 1796 годъ"—1871, № 2; „О Сергѣѣ Константиновичѣ Зарянкѣ"—№ 13; „Театральныя представленія"—№ 44; „Трудность сообщенія по поймѣ близъ гор. Владиміра; постройка дамбы отъ Собинки къ желѣзной дорогѣ; сообщеніе Суздаля съ Боголюбовымъ"—№ 49; „Собраніе въ клубѣ"—№ 50; „Замѣтка по поводу періодическихъ изданій, получавшихся въ 1870 году во Владимірской губерніи"—№ 16; „Замѣтка по поводу состоянія народнаго здравія въ г. г. Владимірѣ"—№№ 48 и 50; „Экстренное собраніе членовъ клуба"—1872, № 17; „Старинный глиняный обливной кувшинъ, принесенный въ даръ Музею статистич. комитета Н. В. Боровецкимъ"—№ 15; „Владиміръ. Метеорологическія замѣтки"—№№ 16, 19 и 33; „Указъ императора Петра III 1762 года, объ увольненіи отъ службы гвардіи прапорщика Алексѣя Изъединова"—№ 22; „О путешествіи императора Павла I по Владимірской губерніи въ 1798 году"—№ 25; „Замѣтка къ статьѣ свящ. А. Свирѣлина о Пере-

славскомъ озерѣ въ историческомъ и промышленномъ отношеніяхъ"—№ 31; „Жалованная грамота царя Михаила Ѳеодоровича на помѣстья Борису Изъединову"—№ 35; „О портретахъ Петра Великаго"—№ 37; „Сергѣй Никаноровичъ Богдановъ. (Біографическій очеркъ)"—№ 40; 1873, № 5; „Атмосферическое явленіе"—1873, № 9; „Замѣтка о ботикѣ Петра I"—№ 5; „Нашествіе волковъ"—№ 8; „Метеорологическіе выводы за 1872"—№ 9; „Замѣтка о медали 1677 года, пожертвованной въ Музей Статистическаго Комитета"—№ 14; „Ивановъ рубль"—№ 15; „Николай Ивановичъ Тончи"—№ 17, и „Опись городамъ, вѣдомымъ въ разрядѣ, въ 1668 г."—1874, № 37.

За исключеніемъ двухъ-трехъ мелкихъ замѣтокъ, мы привели все, что было напечатано М. М. Рангомъ во „Владим. Губ. Вѣдом.". Какъ извѣстно, редакторъ этихъ вѣдомостей въ 1860—70-хъ годахъ издавалъ еще „Труды" Влад. Губ. Статист. Комитета, въ которые въ громадномъ большинствѣ случаевъ входили тѣ же статьи, которыя сначала печатались въ вѣдомостяхъ. Та же участь постигла и нѣкоторыя статьи М. М. Ранга,—ихъ можно встрѣтить и въ „Трудахъ" (см. вып. 6—10). Но въ вып. 8-мъ (1870 г.) мы находимъ двѣ статейки, хотя и бывшія въ „Вѣдомостяхъ", но неотмѣченныя, что это его „Историческій очеркъ Московско-Нижегородскаго шоссе, отъ Москвы до Нижняго Новгорода" и „Бумага князя Лопухина и два рескрипта императора Павла I къ владимірскому губернатору"

(стр. 167—169, въ вѣдомостяхъ—1870, № 1); тоже и въ вып. 10-мъ (1873 г.)—„Въ память 200-лѣтняго юбилея дня рожденія императора Петра Великаго, праздновавшагося у монумента его, близъ гор. Переславля-Залѣсскаго“.

Въ другихъ періодическихъ изданіяхъ М. М. Рангъ несомнѣнно работалъ, но гдѣ именно—трудно установить точно,—мы знаемъ только, что во „Всемірной Иллюстраціи“ 1873 г., № 233 помѣщена его статья „Ивановъ рубль“, которая потомъ была перепечатана во „Влад. Губ. Вѣд.“; въ „Рус. Вѣдом.“ 1872 г., № 161 онъ помѣстилъ письмо о Провѣ Мих. Садовскомъ; въ „Русской Старинѣ“ 1872 г., т. VI, стр. 145—148 напечатано его приложеніе къ Воспоминаніямъ Д. К. Тарасова—„Александръ I въ Костромской губ. 1824 г.“; въ „Русскомъ Архивѣ“ 1867 г., № 7 помѣщена его поправка къ статьѣ М. Н. Лонгинова о Струйскомъ; въ „Голосѣ“ онъ сотрудничалъ не рѣдко.

Какъ видно изъ приведеннаго списка, М. М. Ранга главнымъ образомъ тянуло къ историческимъ розысканіямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ жива была и струнка фельетониста, не рѣдко—сатирика. Не безъ основанія разсказывалъ пишущему эти стройки покойный В. А. Шумиловъ (родственникъ Ранга), что Михаилъ Михайловичъ очень не дурно рисовалъ и въ рисункахъ своихъ очень часто высмѣивалъ представителей тогдашняго Владимірскаго общества; карикатуры его появлялись и въ тогдашнихъ юмори-

стическихъ журналахъ, какъ напр. въ „Будильникѣ“, а можетъ быть и въ „Искрѣ“.

Живой, образованный и начитанный человѣкъ, имѣвшій свою довольно большую и хорошо составленную библіотеку, М. М. Рангъ скончался въ г. Владимірѣ въ ночь на 7-е марта 1876 года.

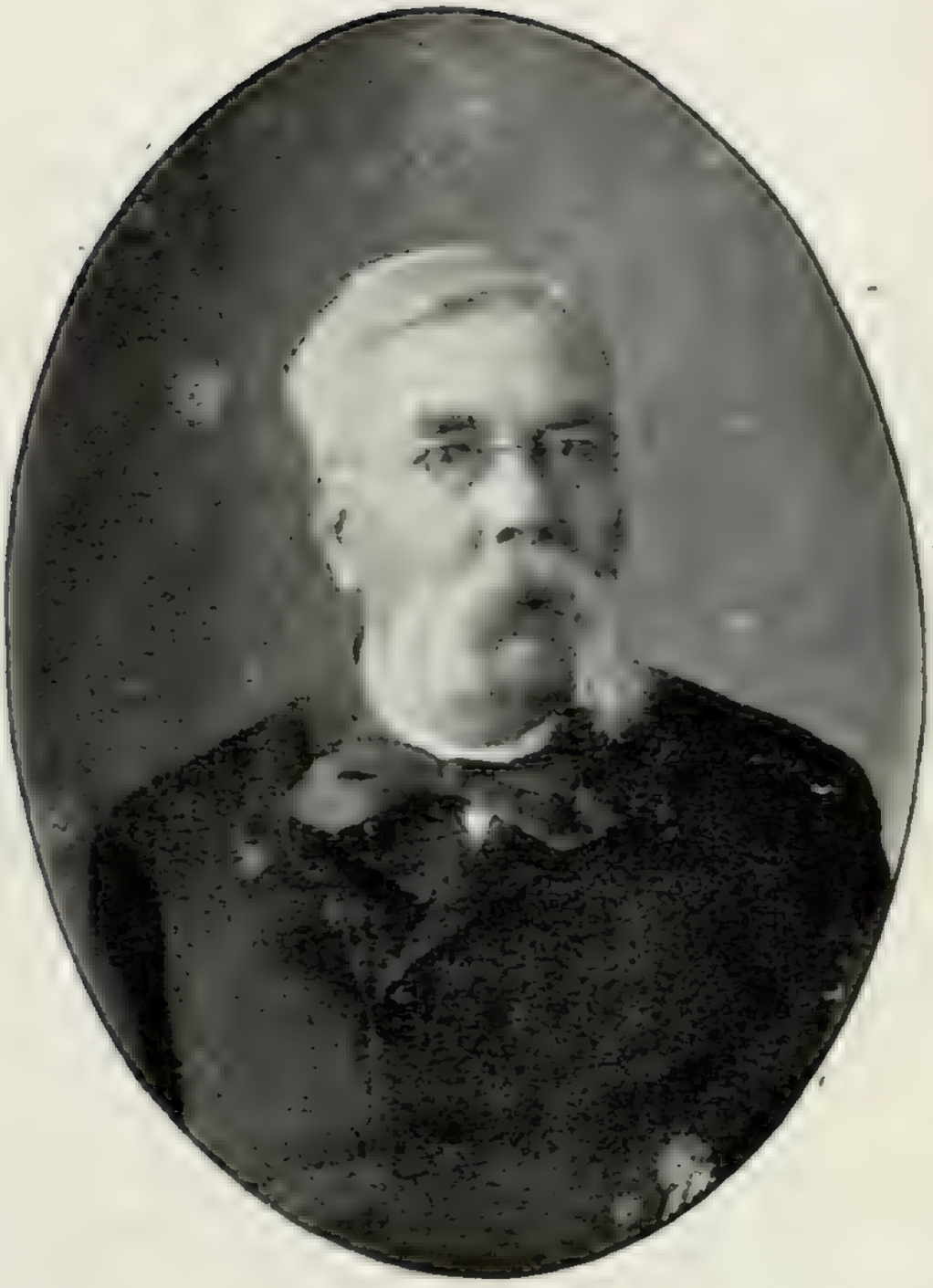
О немъ см.: Формулярный списокъ.—„Владимір. Губерн. Вѣдом.“ 1876, № 13.—„Матеріалы для біографіи К. Н. Тихонравова. Письма къ нему разныхъ лицъ“. Владиміръ. 1900. 16°, стр. 151, 167, 169—170, 399—408.—„Рус. Біографич. Словарь“. Спб. 1910, стр. 490—491 (*А. В. С.* = А. В. Смирновъ).—Указатели—къ „Владим. Губ. Вѣдом.“, „Рус. Старинѣ“, „Рус. Архиву“.—„Пятнадцатилѣтіе газеты „Голосъ“. Спб. 1878, стр. 10.—Алфавитн. списокъ дворянскихъ родовъ Владим. губ. Состав. М. И. Трегубовъ. Владиміръ. 1905, стр. 156.

LXV.

В. Ц. Герцыкъ.

Викторъ Цеадовичъ Герцыкъ, историкъ Владимірскаго ополченія, потомственный дворянинъ Владимірской губерніи, по Муромскому уѣзду, родился 31 іюля 1827 года.

Какъ не рѣдко бывало въ первой половинѣ XIX ст., В. Ц. получилъ воспитаніе только домашнее и съ этимъ немудрымъ багажемъ въ 1846 г., 29 марта, поступилъ на службу въ Уланскій Его Император-



Викторъ Цеадовичъ Герцыгъ.

скаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича полкъ унтеръ-офицеромъ, а 1 іюля того же года былъ переименованъ юнкеромъ. Въ 1848 г. русскія войска были приведены въ военное положеніе, и по этому случаю Герцыкъ, въ числѣ прочихъ, получилъ единовременно полугодовое жалованье по усиленному окладу. Это было 9 апрѣля 1848 г., а 9 іюля онъ произведенъ былъ въ корнеты. Казалось, военная служба налаживалась, но В. Ц. пожелалъ выйти въ отставку, расчитывая служить по выборамъ, и 6 марта 1850 г. Высочайшимъ приказомъ, согласно прошенію—по домашнимъ обстоятельствамъ, онъ былъ уволенъ отъ службы поручикомъ. Предъ выходомъ въ отставку, по случаю войны въ Венгріи, Герцыкъ находился въ походѣ Гренадерскаго корпуса въ Царство Польское съ 23 мая по 6 октября 1849 года.

Въ Муромѣ выборной должности пришлось ждать не долго: 5 февраля 1851 г. по выбору муромскаго дворянства В. Ц. былъ опредѣленъ непремѣннымъ засѣдателемъ земскаго суда. Въ новой должности Герцыкъ освоился очень скоро: въ первый же годъ службы, въ 1851 г., по предписанію начальника губерніи была объявлена ему 7 ноября признательность за особенную распорядительность къ успѣшному отбыванію рекрутской повинности, бывшей по владѣльческимъ имѣніямъ, каковую обязанность онъ исполнялъ съ особенною дѣятельностью по порученію начальства по другому уѣзду.

Крымская война, какъ извѣстно, вызвала снаря-

женіе ополченій; было такое созвано и во Владимірской губерніи, и Герцыкъ, какъ бывшій военный. Высочайшимъ приказомъ 10 апрѣля 1855 г. былъ вновь опредѣленъ на службу подпоручикомъ Государственнаго подвижного ополченія Владимірской губерніи въ дружину № 119, а 27 мая онъ былъ утвержденъ казначеемъ и квартирмейстеромъ.

Герцыкъ вмѣстѣ съ дружиной № 119 выступилъ въ походъ изъ г. Мурома 18 іюля 1855 г. и слѣдовалъ до мѣстечка Погребищъ Кіевской губ., куда прибылъ съ дружиною 18 октября того же года, гдѣ по Высочайшему повелѣнію дружина была присоединена въ составъ средней арміи по Шлиссельбургскому Егерскому полку. Но въ 1856 г., когда былъ заключенъ миръ, дружина была отдѣлена отъ полка и 13 апрѣля выступила она въ обратный походъ. Расформирована дружина въ Муромѣ 16 іюня того же года. По случаю расформированія ополченія В. Ц. Герцыкъ по Высочайшему приказу былъ уволенъ 11 августа 1856 г. тѣмъ же поручикомъ съ предоставленіемъ ему права носить крестъ ополченія, и вмѣстѣ съ тѣмъ за усердную и ревностную службу по Государственному подвижному ополченію онъ былъ Высочайше награжденъ 27 октября 1856 г. орденомъ св. Станислава 3 степени. Послѣ, 25 февраля 1863 г., онъ получилъ свѣтло-бронзовую медаль на Андреевской лентѣ въ память войны 1853—1856 гг.

Это была послѣдняя служба Виктора Цеадовича по военному вѣдомству. Въ 1857 г., 16 марта, онъ по распоряженію Владимірскаго Губернскаго Правле-

нія былъ назначенъ исправляющимъ должность Муромскаго земскаго исправника, въ этой должности былъ утвержденъ Высочайшимъ приказомъ 8 октября 1857 г. Но его тянуло къ другого рода дѣятельности, и 31 мая 1861 г. онъ былъ уволенъ изъ исправниковъ, согласно прошенію, по домашнимъ обстоятельствамъ. Въ томъ же 1861 г., 11 октября, по распоряженію начальника губерніи, согласно съ мнѣніемъ Губернскаго Предводителя Дворянства, Герцыкъ былъ назначенъ исправляющимъ должность мирового посредника 4-го участка Муромскаго уѣзда, въ этой должности онъ былъ утвержденъ 19 декабря, но въ іюнѣ (4-го) 1862 г., опять по прошенію, былъ Высочайшимъ приказомъ уволенъ отъ нея.

11 сентября 1863 г. В. Ц. Герцыкъ получилъ знакъ отличія, установленный за успѣшное введеніе въ дѣйствіе Высочайшихъ положеній 19 февраля 1861 года.

Съ 1866 г. начинается совершенно новый видъ службы Герцыка: 3 марта по выбору Муромскаго уѣзднаго земскаго собранія онъ поступилъ въ члены Муромской уѣздной земской управы, а по выбору того же собранія 9 ноября 1866 г. былъ утвержденъ Правительствующимъ Сенатомъ въ должности почетнаго мирового судьи по Муромскому уѣзду. Съ 8 октября 1867 г. ему пришлось исправлять должность мирового судьи 1-го участка; поэтому 7 ноября онъ отказался отъ званія члена земской управы, а 11 іюля 1868 г. былъ утвержденъ Правительствующимъ Сенатомъ въ должности мирового судьи, съ увольне-

ніемъ отъ званія почетнаго мирового судьи. Въ сентябрѣ 1869 г. были новые выборы судей, Герцыкъ опять былъ избранъ и затѣмъ безпрерывно избирался мировымъ судьей 1-го участка до самой реформы мировыхъ судебныхъ установленій. Кромѣ того, 30 сентября 1872 г. онъ былъ избранъ и въ предсѣдатели съѣзда мировыхъ судей, съ оставленіемъ судьей 1-го участка.

1-го февраля 1890 г. Герцыкъ выбылъ изъ мировыхъ судей. Во время службы онъ 1 января 1887 г. былъ Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ Св. Станислава 2-й степени, а 3 февраля 1890 г. за усердную и безпорочную службу ему былъ Высочайше пожалованъ орденъ св. Анны 3-й ст.

20 іюня 1890 г. приказомъ по министерству юстиціи В. Ц. Герцыкъ былъ назначенъ городскимъ судьей по гор. Мурому. 25 февраля 1892 г. указомъ Правительствующаго Сената, по департаменту Герольдіи, Герцыкъ былъ переименованъ въ губернскіе секретари, а 30 января 1896 г. Высочайшимъ приказомъ, по министерству юстиціи, за выслугу лѣтъ онъ произведенъ былъ въ статскіе совѣтники. Силы Виктора Цеадовича уже значительно упали, въ 1900 г. пишущій эти строки видѣлъ его уже почти безпомощнымъ; тогда В. Ц. уже подалъ въ отставку по болѣзни,—эту отставку онъ и получилъ 8 августа 1900 года.

Послѣ отставки, Герцыкъ въ болѣзненномъ состояніи прожилъ уже не долго,—скончался онъ въ Муромѣ 11 апрѣля 1902 года и погребенъ 13 числа

причтомъ Успенской церкви на полевомъ Благовѣщенскаго монастыря кладбищѣ.

Викторъ Цеадовичъ, въ молодости, какъ сказано, не получившій никакого основательнаго образованія, живо интересовался общественной жизнью и текущею литературою. Встрѣчаемыя имъ ошибки, неправильности онъ стремился исправить, и такимъ путемъ создались напечатанныя имъ замѣтки: „Замѣтка на воспоминанія В. М. Еропкина (о поляк ѣ графѣ Залусскомъ въ 1828 г. и о генералѣ Мартыновѣ)". „Рус. Архивъ", 1878 г., I, стр. 494; „Домбровскій. Замѣтка". „Рус. Старина", 1880 г., XXVII, стр. 851; „Архимандритъ Гавріилъ Воскресенскій, 1795—1868 г.г. (Біографическая о немъ замѣтка)". Тамъ же, 1880 г., т. XXVIII, стр. 607—611; „Михаилъ Андреевичъ Катенинъ, начальникъ Владимірскаго ополченія въ 1855 г.". Тамъ же, 1883 г., т. XL, стр. 447—448.

Упомянутыя замѣтки, конечно, еще не даютъ никакого права, чтобы Герцыкъ былъ зачисленъ въ разрядъ достойныхъ памяти лицъ въ нашей губерніи. Онъ, переживший Владимірское ополченіе, какъ участникъ его, уже вскорѣ послѣ расформированія этого ополченія, задумалъ составить его исторію, и съ этой цѣлью пересмотрѣлъ въ мѣстныхъ губернскихъ архивахъ всѣ относящіяся сюда дѣла, взялъ изъ нихъ болѣе характерное, и къ самому началу 1880-хъ годовъ составилъ задуманную исторію. Дворянство того времени рѣшило этотъ трудъ отпечатать, рукопись была проценэурована. Но различныя обстоятель-

ства, главнымъ образомъ, кажется, дороговизна изданія, помѣшали тогда осуществить это рѣшеніе. Въ 1900 г. авторъ передалъ рукопись въ мѣстную Ученую Архивную Коммиссію, и послѣдняя, съ субсидіей отъ дворянства, напечатала отдѣльной книгой—„Государственное Подвижное ополченіе Владимірской губерніи 1855—1856 г.г. По матеріаламъ и личнымъ воспоминаніямъ составилъ *В. Ц. Г.* (бывшій ополченецъ дружины № 119). Владиміръ. 1900. 8°. 160+90 (приложенія)+II+I н. стр.+5 рисунковъ (въ числѣ ихъ портретъ М. А. Катенина).

Такимъ образомъ завѣтная мечта Герцыка осуществилась не задолго до его смерти.

О В. Ц. Герцыкѣ см.: „Труды Влад. Учен. Арх. Ком.“, кн. VI, въ приложеніи—„Портретная геллерея...“ *А. В. Смирнова*, и оттуда отд. отт., вып. 3, стр. 9—11, съ портретомъ.—„Алфавитный списокъ дворянскихъ родовъ Владимірской губерніи“. Составилъ *М. И. Трегубовъ*. Владиміръ. 1905. 8°, стр. 45.—Формулярный списокъ.

ДОПОЛНЕНІЯ.

Дополненій, конечно, накопилось не мало, но мы ихъ откладываемъ до слѣдующихъ выпусковъ, а теперь отмѣтимъ только слѣдующее:

V. **И. А. Щедритскій.** Когда составлялся очеркъ, неизвѣстно было время его смерти (см. вып. I, стр. 55). Теперь установлено это точно: умеръ онъ 16 апрѣля 1869 г. въ Москвѣ,—см. „Московскій Некрополь", т. 3, стр. 373.

LXII. **Н. А. Протопоповъ.** Къ литературѣ о немъ необходимо добавить: „Харьк. Губ. Вѣдом." 1891, № 223.—„День" 1891, № 1165.—„Врачъ" 1891, стр. 842.—„Рус. Біографич. Словарь". Спб., 1910, стр. 94.